

Изда-Читальна

СБОРНИК СТИХОВ

Лауреаты конкурса
«Пятая стихия»
Международной
литературной премии
имени Игоря Царёва
(2017 год)

СБОРНИК СТИХОВ

лауреатов

Четвертого поэтического конкурса «Пятая стихия»

Международной литературной премии

имени Игоря Царёва

(сезон 2017 г.)

2018

Эта книга – четвертая из серии поэтических сборников, в которую вошли произведения авторов, отмеченных Конкурсной комиссией Международной литературной премии имени Игоря Царёва в 2017 году. У тех, кто уже знаком с первыми тремя сборниками стихов «Пятая стихия» (по итогам 2014, 2015 и 2016 г.г.), не должны вызвать удивление повторяющиеся в каждом томе тексты «Аннотации», «Предисловия» и «Вместо вступления» лишь с небольшими внесенными в них дополнениями сообразно каждому периоду времени – ведь есть и те, кто прочтет эти тексты впервые...

Аннотация

«Искусство создавать новые миры с помощью слова, как и умение видеть за словом эти миры, деградирует и отмирает. За ненадобностью. <...> Телекартинка, как и лапша быстрого приготовления, действительно облегчает людям жизнь. Но всё это вовсе не означает, что поэзия со временем исчезнет. Поэзия бессмертна. Сам Создатель, на мой взгляд, – поэт. Смена времён года и другие временные циклы – что это, как не рифмы на языке Вечности? Так что поэзия, независимо от конъюнктуры, всегда будет с людьми», - писал Игорь Царёв.

Избыточная информация, которую поглощает современный читатель, порой не позволяет вычлениить из общей массы достойные поэтические произведения. Возникший в поэзии вакуум заполняется именами из прошлого века или именами с голубого экрана, и читатель порой даже не подозревает, что в просторах виртуального пространства родились и творят новые Поэты...

Эта книга – сборник стихов наших современников. Хочется верить, что среди них есть те, чьи имена когда-нибудь будут стоять в одном ряду с именами своих великих предшественников.

ПРЕДИСЛОВИЕ

4 апреля 2013 г. ушел из жизни замечательный русский поэт Игорь Царёв.

Уроженец Приморья, детство и юность проведенный в Хабаровске, студенческие годы – в Ленинграде (Санкт-Петербург), свои последние 30 лет он прожил в Москве. Работал в «Московском комсомольце», «Труде», «Российской газете». Член Союза журналистов, член Союза писателей России, автор 12 научно-популярных книг, более 1000 публикаций в СМИ, он писал стихи, которые были высоко оценены мировым литературным сообществом.

Подборки стихов Игоря Царёва публиковались в российских и международных литературных журналах и альманахах, таких, как «Поэзия», «Воскресенье», «Заблудившийся трамвай», «45-я параллель», «Зарубежные задворки», «Ковчег», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Каштановый дом», «Чайка», «Окна», «АКМЕ», «Лит-э-лит» и многих других.

Он был лауреатом и призером многих российских и международных поэтических конкурсов. Только за последние пять лет жизни стал победителем конкурсов «Споете, друзья – 2008», «Серебряный стрелец – 2008», «Заблудившийся трамвай – 2011», премии «Поэт года – 2012», Международного конкурса художественного творчества «По Чехову», Международного конкурса Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина в номинации «Большая поэзия», обладателем Гран-при международного конкурса «45-й калибр», приза президента Союза писателей XXI века, приза литературно-музыкального салона «Дом Берлиных» (Лос-Анджелес) – 2013 год...

Игорь Царёв награжден «Золотой Есенинской медалью», медалью А.С.Грибоедова, медалью Н.С.Гумилева, дипломами «Золотое перо Московии», «Золотое перо Руси», «За верное служение Русской культуре и литературе», имени В.И.Вернадского, имени Александра Блока и многими другими.

В 2002 году вышла книга его стихов «Море камни не считает». В 2011 году был издан сборник стихов «Соль мажор». В 2013 году в сети выпущен сборник «Переводы с языков пламени». В 2014 году - сборник стихов «Любя и веря вопреки...», в 2018 году – сборник стихов «Дети Империи». Его стихи вошли в знаковые поэтические альманахи лучших произведений наших современников.

В память о поэте Игоре Царёве, для сохранения его литературного наследия, а также в целях поощрения творчества граждан России и иностранных государств по созданию литературных произведений на русском языке, для сохранения и приумножения традиций русской словесности **11 ноября 2013 года была**

учреждена ежегодная Международная литературная премия «Пятая стихия» имени Игоря Царёва.

Учредителями премии стали: Ирина Борисовна Царёва – жена Игоря Царёва, член СП России, писатель; Вадим Петрович Могила – отец Игоря Царёва, профессор; Марк Григорьевич Розовский – драматург, режиссёр театра «У Никитских ворот»; Людмила Николаевна Мережко – заслуженный работник культуры РФ, председатель Правления Московского литфонда; Международный поэтический альманах «45-я параллель»; Международный литературный журнал «Зарубежные задворки» (Германия); проект «Русское безружье» (США); Южнорусский союз писателей (Украина); Межрегиональная общественная организация - Литературно-общественное объединение «Изба-Читальня».

В качестве информационной поддержки конкурсов Премии имени Игоря Царёва выступили: издание Правительства РФ «Российская газета», Издательский Дом «Книжное обозрение», литературный журнал «Дальний Восток», Международный поэтический альманах «45-я параллель», Международный литературный журнал «Зарубежные задворки», Международный литературный журнал «Сетевая словесность», Международный творческий ресурс соотечественников «Подлинник», творческая гостиная DILIGANS (Украина), литературно-художественный журнал «Гостиная», ОРЛИТА (Объединение Русских ЛИТераторов Америки), радиостанция «Старое радио», сетевые поэтические сайты.

Итоги Первого конкурса Премии имени Игоря Царёва (сезон 2013-2014) были подведены на Торжественной церемонии вручения премии и наград 11 ноября 2014 года – в день рождения Поэта. Финальным аккордом конкурса стал выход в свет в 2015 году сборника стихов лауреатов Первого поэтического конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия».

Второй сборник стихов лауреатов конкурса серии «Пятая стихия» был выпущен в 2016 году по итогам Второго поэтического конкурса имени Игоря Царёва (2015 г.)

Презентация третьего сборника произведений лауреатов «Пятой стихии-2016» прошла 11 ноября 2017 года прошла на Торжественной Церемонии вручения наград Премии сезона 2016 года.

Подборки стихов авторов, представивших на конкурс произведения, отмеченные Конкурсной комиссией, вы можете прочитать в четвертом сборнике «Пятая стихия-2017», составленном по итогам поэтического конкурса Международной премии имени Игоря Царёва 2017 года, а также по итогам

поэтического конкурса детских стихов «Царевнам и царевичам – 2017» и поэтического турнира имени Игоря Царёва «ПТИЦА-2017».

Сборники выпускаются совместными усилиями Ирины Царёвой - жены поэта, члена СПР, учредителя Международной литературной премии им. Игоря Царёва, формирующей материал для публикации, и МОО «Изба - Читальня», принявшей на себя труд и затраты по их изданию.

«Изба-Читальня» на сегодня является одним из популярных русскоязычных литературных сайтов. Его фундаментальная основа – творчество, как российских поэтов, так и поэтов других стран, понимающих и принимающих русский язык как родной. Интернет-портал «Изба-Читальня» функционирует в тесном сотрудничестве с региональными писательскими организациями России и различными творческими союзами, предоставляя им возможность заявить о своей деятельности и успехах через сайт, обладающий многотысячной аудиторией читателей.

Валерий Белов,

главный редактор «Избы-Читальни»

О природе вещей

Миллиардами лет всем стрельцам вопреки
Ходит тучный телец возле млечной реки –
Между звездных болот на вселенских лугах
Он у Бога с руки наедает бока.

А у нас на земле ты родился едва,
Как уже поседела твоя голова,
И с вопросом никак не сойдется ответ –
Для чего нас из мрака призвали на свет?

Для чего было звездами тьму засеять,
Если нам не придется на них побывать?
Если смерть в этом мире в порядке вещей,
Для чего же тогда мы живем вообще?..

То ли чашею смысла обнес нас Господь,
То ли смысла и было всего на щепоть,
И мы правы, когда за любовь во плоти
По заоблачным ценам готовы платить?

Или просто природа вещей такова,
Что Всевышний, даруя влюбленным слова,
Их устами пытается песню сложить,
Ту, которая сможет его пережить.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Четвертый поэтический конкурс Премии стартовал 11 января 2017 года под девизом: «Для чего нас из мрака призвали на свет?» (из стихотворения Игоря Царёва «О природе вещей»).

К участию в конкурсе были приглашены поэты, музыканты, исполнители авторской песни, а также для участия в номинации «Верность памяти» - критики, филологи, литературоведы, переводчики и коллеги-поэты, изучающие творчество Игоря Царёва и пропагандирующие его.

От участников конкурса в номинации «Поэзия» ждали безупречного владения русским языком, высокой техники стихосложения, благородства и честности личного мироощущения.

Для участия в номинации «Музыкальные произведения» были приглашены авторы песен на стихи Игоря Царёва, сумевшие понять и прочувствовать авторский текст, объединить стихи и музыку в единое целое.

В сборник, прежде всего, вошли стихи финалистов поэтического конкурса Международной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-17»..

Победителем сезона 2017 года стала Ольга Флярковская из Москвы, конкурсное произведение которой было признано лучшим большинством членов жюри. Ей был вручен главный приз - Большой бронзовый колокол и премия 30 тысяч рублей. Следует отметить, что половину своей премии Ольга передала в фонд развития Литературно-музыкального клуба имени Игоря Царёва «Пятая стихия».

Решением оргкомитета к участию в сборнике «Пятая стихия» были приглашены и авторы, боровшиеся за выход в финал, чьи стихи обратили на себя внимание конкурсной комиссии, а также финалисты еще двух поэтических конкурсов, проводимых под знаменем имени Игоря Царёва – «ПТИЦА-2017» и «Царевнам и царевичам» .

В этом году, как и в предыдущих сезонах, конкурс сопровождал известный литературный обозреватель - Владимир Гутковский (Киев, Украина). Владимир Гутковский – поэт, прозаик, критик, член Национального союза писателей Украины (НСПУ), лауреат премии Волошинского конкурса, премии НСПУ им Н.Ушакова, премии журнала «Радуга», литературный обозреватель портала Stihi.lv, автор работ по обозрению произведений современной поэзии. Его ремарки, написанные еще до того, как были подведены итоги конкурса, сопровождают

конкурсные стихотворения каждого автора поэтического конкурса Премии имени Игоря Царёва. Более детальному анализу подверглись подборки финалистов этого конкурса.

Стихи сборника «Пятая стихия-4», без сомнения, заслуживают внимания читателя. Есть в этом сборнике имена, которым дано прославить русскую поэзию.

Оргкомитет конкурса

ОТ КОНКУРСНОЙ КОМИССИИ

Конкурсная комиссия отметила высокий уровень всех представленных в финале работ.

От председателя Конкурсной комиссии

«Очень трудно было определить место в рейтинговой таблице для каждого из финалистов. Если бы это был пьедестал почета, то три его ступени были бы заняты сразу несколькими из них. Но правила конкурса, в котором рейтинг финалистов необходим Учредителю для выбора Победителя из трех первых претендентов, требуют цифровой оценки работ. А с цифрами не поспоришь... Так что и нижние места считаю почетными», - выразил свое мнение председатель Конкурсной комиссии, Заслуженный работник культуры РФ Игорь Витюк.

От литературного обозревателя

«Что касается общего уровня этого сезона, он был в высшей степени достойным, Еще раз поздравляю всех – победителей, участников, читателей, судей, организаторов – с этим праздником поэзии! И надеюсь, что впереди нас ожидает еще много замечательных поэтических встреч!»

Владимир Гутковский

ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА 2017 года

Ольга Флярковская, Москва, Россия

Победитель поэтического конкурса Международной литературной премии имени Игоря Царёва 2017 года.

Конкурсное произведение

Летом 16-го

Зной отпылал, и так прозрачен
Подсохший августовский сад.
Виднее стали стены дачи,
Окна решетчатый оклад,
Качели с узкою дорожкой,
Забор, смородины кусты,
Державный взгляд соседской кошки
С чердачной пыльной высоты,
Мои зачитанные книги,
Слегка продавленный диван...
Все тектонические сдвиги,
Экономический обман,
Теракты, войны, гарь бомбёжки
И чей-то пасмурный вердикт,
Что ветер нынешней делёжки
Раздует бурю впереди.
Угрозы тайной постоянство
В соседстве цифр календаря,
Столетней распри окаянство
Вокруг последнего царя.
Виднее плод в утробе века –
Иона в чреве у кита,
Вся беззащитность человека,
Всё одиночество Христа...
Мои неловкие попытки
Найти в душе покой, уют...
Непрочные живые нитки,
Которыми надежды шьют.
Стеклярус призрачных иллюзий,
Стаккато бусин дождевых...

Весь этот летний *ол инклюзив* –
Миф для сегодняшних живых.
Кривые петли у калитки,
Неровность плитки у крыльца,
Немая музыка в избытке –
Шкаф партитурный у отца...
Неоценимость передышки,
Блаженства летнего волна –
Его недолгие излишки
Уже освоены сполна.
Ах, эта летняя приватность
Простого дачного житья!..
Неповторимость, невозвратность,
Незащищённость бытия.

От литературного обозревателя

Предварительная оценка: «Стихотворение запомнилось. Очень объемный текст, включающий в себя и выразительные приметы нашего времени, и вневременные порывы и скитания человеческой души. Заслуживает самого пристального внимания».

А у жюри оно вообще безусловный фаворит.

И правда, нельзя не отметить прозрачный рисунок письма и благородную сдержанность поэтического изъяснения. Включающее в себе столь многое. Только, уединившись в дачной тиши, ЛГ находит в себе пронизательную силу осмысления всего происшедшего и происходящего. С миром и с собой. И с собой в мире.

Летом шестнадцатого предпереломного года.

«Зной отпылал, и так прозрачен

Подсохший августовский сад...»;

«Державный взгляд соседской кошки...»;

«Мои зачитанные книги...»;

«Все тектонические сдвиги...»;

«Столетней распри окаянство

Вокруг последнего царя...»;

«Виднее...

Вся беззащитность человека

Все одиночество Христа...»;

«Весь этот летний ол инклюзив –

Миф для сегодняшних живых...»;

«Немая музыка в избытке...»;

«Блаженства летнего волна...».

И неизбежно следующее из этой всепоглощающей панорамы неотразимое ощущение:

*«Ах, эта летняя приватность
Простого дачного житья!..
Неповторимость, невозвратность,
Незащищённость бытия».
Именно! Так и только так!*

Подборка стихотворений Ольги Флярковской

* * *

Алле Шараповой
Звезда моя цикорий* –
Платочек голубой.
Октябрь на Чёрном море.
Приморский день рябой.
Отброшена подушка,
Исписана тетрадь.
Остаток чая в кружке
Нет силы допивать,
Да голубь по перилам
Гули-гули-гули...
Да брызги, как бериллы,
Да в море корабли.
И синенький цветочек –
Святая простота.
И сызмальства у дочки
Горчинка возле рта.
Виной всему окраска
Неяркого цветка,
Да съёмная терраска,
Да взрослая тоска.
И год идёт за годом,
И всё не рвётся нить,
И чтобы быть с народом –
Народом надо быть.
И ночи на терраске,
Где мухи и мячи,
И верно для остратки
Ночной гудок звучит.
И синенький цикорий
Подмешан в лунный свет.
А море... море... море...
Шумит – и горя нет.

*«Звезда моя цикорий» – слова из стихотворения А.В.Шараповой «Длинная командировка».

Журавлиная Родина*

Они поднялись вожжой,**
до здешних полей охочи,
над первой седой межой,
над Вьюлкой, Сестрой и Хотчей.
Растягом в широкий клин,
смешались с огромной стаей –
аминь, журавли, аминь!
Навеки ли мы расстались?..
В холодный поток ветров
вплетая тела и клёкот,
летят вожаки на зов
египетских роц далёких.
Летят... и разлуки грусть
оскоминой сводит сердце...
Родные, счастливый путь!
Глядеть бы, не наглядеться...

Зато как ударит рань
лучом по низине топкой,
как выпустит цвет герань
в горшке на оконной полке –
как – вздохом одним! – весна
попятит снега к оврагам –
чу, звуков дрожит волна,
чу, в небе гонцов ватага!
Живём, журавли, живём
и что-то на свете можем!
Пусть горло слезами жжёт
и бродит озноб по коже –
такая сквозь душу синь
капелью стекает в вечер...
Аминь, журавли, аминь!
И – талой воды – за встречу!

*в Талдомском районе находится заказник «Журавлиная Родина» – единственное место в центре Европейской России, где на осеннем перелёте собираются серые журавли, редчайшие птицы Подмосковья. Это имя дал краю М.М. Пришвин.

** лететь вожжой (о журавлях) – лететь цепочкой (народное выражение).

Смородинка

Когда приплющит непогодина
и ветры душу украдут,

заветной баночкой смородины
развею зимний неуют.
Намажу с горкой ломтик хлебушка,
в метельный гляну окоём!
А помнишь, как-то парнем с девушкой
зашли в смородину вдвоём?..
Тугие чёрные жемчужины
(что сны июльские, сладки!)
не в чашки скатывались к суженым –
а мимо прыгали с руки.
Ах, время быстро с горки катится,
Декабрь клюкой колотит в дверь.
Где ты, в разводах синих, платьице?
Где та смородинка теперь?

* * *

Где вчерашняя роскошь кичилась собою,
Преграждая сугробами к берегу путь,
Приглашают стволы подивиться резьбою,
И смолистою сыростью полнится грудь.
Над раздетой рекой к этим вербам и клёнам
Соскользнула по льдистому небу звезда,
И окрасилась даль еле видным зелёным
В тех местах, где как будто застыли года.
Не прошу ни удачи, ни праздничной доли,
Что начертано свыше – спокойно приму.
Только сердце зажгу от вечерней юдоли,
Только к дому дорогу найду своему.
Протянулись по серому чёрные руки,
От берёзы к берёзе меня повели.
И скатился за шиворот холод разлуки,
И затеплились окна – светильни земли...

Ночные мысли

Если вы не можете заснуть, значит, кто-то видит вас во сне...

Японская поговорка
Не спится... опять не спится.
Быть может, кому-то снюсь?..
Советовали молиться.
Я пробовала: молюсь.
Прошу в тишине у Бога
Моё изменить нутро,
И ангела на дорогу,
И воли творить добро,
И мира на сердце...

Боже,
Пошли мне живые сны!
О поле с густою рожью
Под круглым зрачком луны,
О лесе, стеною синей
Закрывшем меня от зла,
О милой моей России,
Что духом и в тьме светла.
О доме... родимом доме,
О маме и об отце,
О низеньком и укромном
Вишнёвом моём крыльце...
О всех, кто обижен мною,
О всех, кто прощён давно...
(Прощён ли, раз сердце ноет
Не понятой мной виной?..)
Во мгле хороводит ветер.
Деревья во льду звенят.
Особо молюсь о детях...
Поймут ли меня, простят
В тот день, как на зорьке ранней
Кукушка сочтёт грехи,
А в мире, как в тихом храме,
Останутся жить стихи?..

Отчего ты плачешь?

С.А. Золотцеву
Господи, помилуй и спаси
Терпеливых жителей Руси!
Тех, кто с детства ранен на века
Тем, как в дымку прячется река,
Как шагают аисты в росе,
Как на землю льётся тихий свет.
Сердцу свет откликнуться велит
На вечерний колокол вдали,
Где темнеют псковские леса,
Где собор крылится в небеса,
Где погоста замерли кресты,
Где люпины дикие густы...
Там чиста становится душа,
Там покосы песнями шуршат.
Всё в сравненье с этим – миражи!
– Отчего же плачешь ты, скажи?..

ФИНАЛИСТЫ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА 2017 года

Клавдия Смирягина, Санкт-Петербург, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»

Конкурсное произведение

О воде

Когда покорно стонут провода
в объятиях метели сизокрылой,
молчит и крепнет стылая вода,
которая про речь и бег забыла.
Довольно бы ладонного тепла,
набухшей пухом почки краснотала -
и вспомнится, как пела и плыла,
зачем на эту землю с неба пала.

Слоится блинной стопкой за окном
густой желток февральского заката.
Спит под стрехой капли метроном.
А поздний вечер входит виновато,
и ты опять растапливаешь печь,
чей жар отогревал нас не однажды.

А марту – быть, и талой влаге - течь,
пока хоть в ком-то сохранилась жажда.

От литературного обозревателя

Ранее было отмечено «...достойный текст, точный в деталях и интонациях».

*И в самом деле, очень достойный, сдержанный и емкий. А вода - символ жизни, которая без нее невозможна и почти полностью состоит из нее. Во многих смыслах. И в разных состояниях.
«...в объятиях метели сизокрылой,
молчит и крепнет стылая вода,
которая про речь и бег забыла...».*

Но

*«Довольно бы ладонного тепла...
и вспомнится, как пела и плыла,
зачем на эту землю с неба пала».*

И пока

*«Слоится блинной стопкой за окном
густой желток февральского заката.
Спит под стрехой капли метроном...».*

*Прочитайте этот лаконичный текст – в нем много интересного и
значительного.*

И убедительный финал:

*«А марту – быть, и талой влаге - течь,
пока хоть в ком-то сохранилась жажда...».*

Подборка стихотворений Клавдии Смирягиной

Тихое стихотворение

По капле жизнь течёт меж пальцев,
как ты их крепко ни сжимай...

Зима натянута на пальцы,
а там, где пальцы, там и край.
Как мама гладью вышивала!
А я – всё крестиком да вкось...

Согрета снежным покрывалом
калины сморщенная гроздь.

От снега ночь белей, чем в мае.
А тех, кто мается без сна,
по-матерински обнимает
и укрывает тишина...

Старуха

Над Лукоморьем пролетая, холодный ветер петли вьёт.
И вмёрзла рыбка золотая в искрящийся хрустальный лёд.
Глядит усталая старуха привычно в спину старика,
опять к морщинистому уху его приложена рука.
Что он пытается услышать сквозь надвигающийся мрак?
Весёлый стук капли с крыши? Лай возвратившихся собак?
Но тихо всё. Всё шито-крыто, давно умолк последний крик,
и цвета старого корыта старухи деревянный лик.
Старуха слышит в гуле ветра весёлый топот детских ног.

Старуха знает - ищет где-то свою судьбу её сынок.
Старуха верит - лёд растает, тепло вернется в старый дом,
и снова рыбка золотая вильнёт доверчиво хвостом.
Мелькнет на море белый парус, и пара крепких сильных рук
с волос седых сминая гарус, её возьмёт в сыновний круг.
И, может быть, корыто даже сынок починит, как придёт.
А рыбка... Что ей наши блажи? Пускай плывет себе, плывет...

Камчатка

Словно ломтик шоколадки,
угодивший в теплоту,
слово горькое Камчатка
нежно плавится во рту.
Плыл грибок настольной лампы
в полуяви-полусне.
Вечерами песню папа
напевал тихонько мне.
Про суровых камчадалов,
кедрачи и комарё.
И с тех пор я не слыхала
никогда, нигде её.
Стал мне клеткой этот город,
только я, пока живу,
лёгкий запах Беломора
ощущаю наяву,
будто снова папиросу
закурить отец готов.
Я спала, уткнувшись носом
в ремешок его часов.
Тики-таки... Лишь в пакетах,
черных, смятых по краям,
фотопамятью согрета
сказка детская моя.
Легендарная Камчатка -
край холодного огня.

Где-то там моя палатка
ждет меня.

Кухонное

С глотком полуночного чая
словами обжигаем рот,
отчаянно не замечая
крутящийся водоворот

последних дней,
летающих в бездну
со всеми завтра и вчера,
и бесполезно, бесполезно,
охрипнув, спорить до утра.
Но, как тайфуна злого око,
не спящей кухни маячок,
и как надёжно здесь до срока,
и как губам здесь горячо...
Слова спускаются узором
на гладь оконного листа,
А за окном легко и споро
порхает снег.
И чистота.

Март шелестит по подоконнику...

Март шелестит по подоконнику
порошей, взятой напрокат.
А на комоде старом слоники
про вёсны прошлые трубят.

Семь слоников – про воды талые
и про поездки на залив,
про то, как сосны зазывалами
трудились, хвоей расстелив.

Семь белых слоников фарфоровых,
по одному на каждый год,
когда не знали мы как здорово,
не понимать, что всё пройдёт.

И лишь восьмой молчит натянуто
о том, как март заледенел,
и как весне, лишь раз обманутой,
плевать на зимний беспредел.

А март в тулупчике, одолженном
у февраля (чай, старший брат!)
скребёт, скребёт, злодей, порошею,
впотьмах шагая наугад.

Синица верещит в кустах сирени...

Синица верещит в кустах сирени,
которая не скоро зацветёт.

Но зацветёт, поскольку это пенье
её упрямо будит каждый год.

И талых вод подземное брожение
хмельную радость гонит по стволам,
и горечь всех минувших поражений
ручьи уносят, как ненужный хлам.

Восьмой этаж панельного гнездовья,
горячий луч, пробивший облака,
веснушка над не выщипанной бровью
на коже, солнцем тронутой слегка...

Внизу стоят бабули на дорожке,
как две забытых с осени копны.
Их лица, как изрезанные плоски,
к тарелке солнца ввысь обращены.

Стоят, молчат. О чём молчат, Бог знает.
Пригрелись на квадратах тёмных плит.
Кустов просохших изгородь резная
от шума городского их хранит.

И мы с тобой о чём бы ни молчали,
на всём лежит весны грядущей свет.
В любой победе зреет сок печали,
в любой печали есть зерно побед.

Нам осень по весне всего лишь снится,
когда в полночный час лютует мгла.
А на заре опять поёт синица
в кустах сирени, жаждущих тепла.

Евгения Босина, Нагария, Израиль.

Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»

Конкурсное произведение

* * *

Когда придут большие холода,
А мы, конечно, будем не готовы,
Что нас спасёт от холода тогда?

Какое нас тогда согреет слово?

Когда метели выстудят наш дом,
Ничьим дыханьем больше не согретый,
На чей огонь во тьме мы побредём?
Кто нам с крыльца фонариком посветит?

Когда придёт Великая Зима,
Да так придёт, чтоб навсегда остаться,
Я разбираться буду с ней сама –
Не всё же ей со мною разбираться!

Накину плед, на пальцы подышу,
В который раз скажу себе: «Не бойся!»
И, если сил достанет, опишу
Великой стужи признаки и свойства,

Чтоб понял всяк, достигнутый Зимой,
Какое ей, Зиме, угодно слово,
Чтоб в холода идущий вслед за мной
Не так страшился холода большого.

Но кто же тот, кто в сумерках густых
Встречает – на крыльце ли, у колодца?
Не знаю... Разглядеть его черты
Мне из-за слёз никак не удаётся.

От литературного обозревателя

Первое впечатление: «Автор не зря принял участие в конкурсе и внес в него свою лепту...».

Похоже, о чем бы ни говорил поэт, все для него базируется на слове. Даже когда наступают вселенские катастрофы или беда приходит в его дом:

*«Когда придут большие холода,
А мы, конечно, будем не готовы,
Что нас спасёт от холода тогда?...».*

Одна надежда и упование. И сомнение:

«Какое нас тогда согреет слово?».

И снова и снова приходится вступать в извечное противоборство:

*«Когда придёт Великая Зима,
Да так придёт, чтоб навсегда остаться,
Я разбираться буду с ней сама...».*

Со словом наперевес. Конечно, хочется верить, что возможности и могущество поэтического слова беспредельны.

*«...если сил достанет, опишу
Великой стужи признаки и свойства».
Достанет ли? Каков будет исход этой, в общем-то, неравной схватки?
«Не знаю... Разглядеть его черты
Мне из-за слёз никак не удаётся».
Не настал еще час узнать и понять все до конца.*

Подборка стихотворений Евгении Босиной

* * *

Привези мне «Амаретто»,
Гость нежданный, поздний гость.
Мы надеялись на лето –
Лето нам не удалось.

Мы раскладывали карты,
Но молчали короли –
Золочёные штандарты
Потускнели и в пыли.

Что же нам осталось? Только
Этот город, этот зной,
Пол-луны – лимонной долькой –
Над задумчивой горой,

На полу – квадратик света,
Сон, увиденный во сне:
Август, полдень, «Амаретто» –
Горькой капелькой на дне.

* * *

Всё утро на Голаны падал снег,
И не было ему конца и края,
И плакал, слёз своих не замечая,
На это глядя, снежный человек.

В глазах его навек застыл вопрос.
Душа его темна. Он весь загадка.
Он снег ловил губами – думал, сладко.
Но было горько. Видимо, от слёз.

Откуда он? Где дом его? Б-г весть...
Но, кажется, и Б-г того не знает.
Шёл снег в краю, где снега не бывает,
А снежный человек зачем-то есть.

Нагария

В городе Божественной реки,
Вдоволь и веселья, и печали.
Только вот названью вопреки
Что-то мы реки не замечали.

Что это: ошибка? Звук пустой?
Лгут слова, не совестясь нимало?
Пусть и не божественной – простой –
Нет реки в нём. Сроду не бывало.

В городе Божественной реки,
Кружевном, изменчивом, как ветер,
Юные мудры, как старики,
Старые наивны, словно дети,

Не поймёшь, где лето, где зима,
Небеса плывут куда незнамо,
И плывут, как лодочки, дома,
Может быть, по речке этой самой,

По воде серебряной скользя,
Сотканной из воздуха и света...
Если реку видеть нам нельзя,
Разве это значит – вовсе нету?!

И узнает каждый в свой черёд,
И увидит каждый неизбежно,
Как она божественно течёт
И куда впадает безмятежно,

Из небытия возникший берег,
Мельницу и дом с покатою крышей,
И поймёт, что прожил целый век,
Ничего не видя и не слыша...

А покуда в городе одном,
Где февраль неотличим от мая,
Все плывут, и мы с тобой плывём
По реке, реки не замечая...

* * *

Ты скажешь, конечно, мол, выдумка, нонсенс.
Клянусь – не во сне, не в жару, не в бреду –

Я видела: солнце, зелёное солнце
Светилось, как яблоко в вечном саду.

Откуда-то сверху – сквозь жаркую алость,
Сквозь промельк бегущих и тающих строк –
Глядел на меня (или так мне казалось)
Внимательный чей-то зелёный зрачок.

Да нет, не казалось! Я помню, я помню,
Как было плечам и лицу горячо,
И кто-то пылающий, дальний, огромный
Мой лоб осенял изумрудным лучом,

И небо вскипало зелёною страстью
Над миром, над морем, над спящим окном.
Не помнишь? Не веришь? О, как ты несчастен!
И только – по счастью – не знаешь о том.

* * *

"Не выходи из комнаты, не совершай ошибку."
И. Бродский.

Шкаф, потолок, тумбочка, старое одеяло...
Как ты был счастлив, Господи, чего тебе не хватало?
Книги, окно, зеркало, парочка репродукций...
Вышедшему однажды больше нельзя вернуться.

Некуда, понимаешь? Даже мечтать нелепо.
Всё изменилось начисто, пока ты ходил за хлебом.
Так что и не пытайся. Ключ отошлешь почтой.
Что изменилось? Мало ли: время, пространство – вот что.

Знаки, слова и помыслы... Разве ты сам – прежний?
Дальше – непредсказуемо, неразлично, снежно,
Ветер качает облако, словно огромную зыбку...
Не возвращайся в комнату. Не совершай ошибку.

* * *

Прощайте, январь и сентябрь!
Быть или не быть? Ни то и ни другое.
Верней, и то, и это. Вот такое
Решенье, добрый Гамлет. Посмотри:

Порядок действий смят и упрощён,
И враг, чьё имя Время, загнан в угол.
Пред нами – вечность-Яндекс, вечность-Гугл
И далее...Какие там ещё...

Никита Брагин, Москва, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»

Конкурсное произведение

Рожденный дважды

Все время слышу, как вокруг твердят,
что плохо все, что жизнь не удалась,
и некто, полувывбрит и поддат,
клянет погоду, родственников, власть, —
все, что припомнит, разве только Бога
не упомянет (он же атеист),
и все никак не вырулит к итогу,
зануден, пустословен, голосист...

Угадываю жадное желание
иметь в запасе жизнь, а лучше две,
прожить одну, а дальше — знать заранее
все прикупы (и джокер в рукаве!).
Желанье знать таблицу лотереи,
листы вакансий, ценовой разброс,
исчислить все и разрешить скорее
квартирный или половой вопрос.
Но, выслушав, я снова промолчу,
и свой секрет, как робкую свечу
ладонями от сквозняка закрою.
Не по плечу мне, да и не хочу
в распивочной разыгрывать героя.

Ты знаешь, я живу не в первый раз,
я мог бы целый год плести рассказ
о людях, знаменитых и не очень,
о городах, державах и эпохах,
включая все, что льется между строчек,
все капли, растворенные в потоках
прожитой жизни. Тот бесценный опыт,
казалось мне, способен уберечь
от всех невзгод, пожаров и потоков...

Но отчего же, помня каждый шаг,
я повторяю прежние ошибки,

шагаю неуверенно и зыбко,
смотрю не там, и делаю не так?
Я вновь теряю дорогих друзей,
и в горькой ссоре расстаюсь с родными,
и, словно варвар, заплутавший в Риме,
иду в Макдоналдс, проглядев музей...
Ступаю на знакомую тропинку,
и через миг – в неведомом краю...
Произношу молитву без запинки,
а после – продаю и предаю...
И не спасает память от безвременья,
ведя по лабиринту в темноту,
но снится белокрылое парение
твоей любви, поющей на лету,
и каждый раз по-новому рождаясь,
она меня зовет издали –
цветок сансары, строчка золотая,
туман, росинка, ручеек, река...

От литературного обозревателя

*Жюри оценило этот текст достаточно высоко. И с ними не поспоришь.
Ни с текстом, ни, тем более, с жюри.*

Но все же о тексте.

Безусловно, он заслуживает внимания.

*Пусть поначалу лирический герой и предстает не в слишком симпатичном
обличии:*

«... некто, полувыврит и поддат...

*... никак не вырулит к итогу,
зануден, пустословен, голосист...».*

И желания его просты и понятны:

*« ...знать таблицу лотереи,
листы вакансий, ценовой разброс,
исчислить все и разрешить скорее
квартирный или половой вопрос».*

*А вот следующий поворот сюжета (воображения) приоткрывает совсем
другие горизонты: «...и свой секрет, как робкую свечу
ладонями от сквозняка закрою...*

*Ты знаешь, я живу не в первый раз,
я мог бы целый год плести рассказ
о людях, знаменитых и не очень,
о городах, державах и эпохах...».*

Вот это-то понятно и близко. Я и сам так постоянно поступаю.

Надо отметить, что автор достаточно требователен к себе.

Возможно, излишне.

Но судит себя он по самому высокому счету

*«...я повторяю прежние ошибки,
шагаю неуверенно и зыбко,
смотрю не там, и делаю не так?...
...Произношу молитву без запинки,
а после – продаю и предаю...».*

И все же финал стихотворения дарит высокое просветление и поэтическое осмысление.

И автору, и герою, и читателю.

*«...но снится белокрылое парение
твоей любви, поющей на лету,
и каждый раз по-новому рождаясь,
она меня зовет издали –
цветок сансары, строчка золотая,
туман, росинка, ручеек, река...».*

Это стихотворение можно оценить как творческую удачу.

И как свидетельство незаурядного поэтического потенциала автора.

Подборка стихотворений Никиты Брагина

* * *

Моих воспоминаний бабушка
сюда приходит каждый вечер,
и кормит синего воробушка,
а мне и поделиться нечем.
На полмизинца горьким вермутом
предзимье у души в поддоне –
укутан облаками Лермонтов,
и скомкан Пастернак в ладони.

Вся алость холода закатного
и терпкий чай опавших листьев,
как банка рыжиков, закатаны
и дремлют в лапнике смолистом,
и погружаешься в убежище
цепочкой слова, пульсом духа,
и отступает холод режущий,
и в глубине тепло и сухо.

И не посмертие мне грезится
на бесконечной карусели,
а просто нищая поэзия
блуждает по ветвям артерий,
и опадают клочья белые

на замершую ткань души,
и все слышнее – что ты делаешь?
Проснись, почувствуй, расскажи.

* * *

Туда, где мох и спелая морошка,
моя душа влетает спозаранку
сквозь отворенное во сне окошко,
минуя поезда и полустанки.

Еловый сумрак без конца и края
она вбирает, раскрывая очи,
и ведьминными кольцами играя,
себе самой – и родине пророчит.

Свои слова сама не понимает,
поёт их, словно песню берендеев,
и плачет вдруг, и бьется, как немая,
увидев над собой топор злодея.

И, соскользнув по иззубренной грани,
плывет к надежде паутинной нитью,
и в омутах сознаний и страданий
горит и говорит, что снова быть нам!

Что будет снег, пуховый, непорочный,
и будет смех, тишайший и легчайший,
и в сердце будет нежность многоточий,
зовущая все дальше, дальше, дальше.

И будет как платочек на деснице
моя страна, где радуешься, плача,
где умирая, улетаешь птицей
сквозь дым родной, смолистый и горячий!

* * *

В тишине пришли снега, словно тать в ночи,
поседевшая тайга стынет и молчит,
птица встала на крыло, затаился зверь,
лед порошей замело, – не ступай, не верь.

Погоди, раздует хмарь ветер ледяной,
солнца заревой янтарь растечется хной,
стужа выстелит пути крепостью зимы,
и тебе шепнет «иди» вечность Колымы.

Ровным шагом навсегда поведет река,
стает колкая звезда в темноте зрачка,
частоколом гребни гор, кровь во рту как медь,
а за поясом топор, а на сердце смерть.

Дай мне пригоршню огня, да глоток воды,
светом утренним граня голубые льды,
дай рассеять горький дым и вдохнуть покой,
дай уйти мне молодым ледяной рекой!

* * *

И Грозный был, и был Тишайший,
и тополевы пух легчайший
по всем Черемушкам летал,
подковы цокали в бульжник,
и вырастал раскладкой книжной
пятиэтажный квартал.

Все было вместе – пласт морены
в дорожной выемке, сирены
штурмующих проспект машин,
капуста и пучки укропа
у магазина «Изотопы»,
диагональ и крепдешин.

Дым бересты и «беломора»,
шум ругани и разговоры
о космосе и Корбюрье, –
Москва пестра и эклектична,
здесь все по-своему прилично,
но цель, конечно, в колбасе...

О, правда жизни! Ты прекрасна,
когда за далью безопасной
припоминаешь пафос твой, –
ночные записные бденья,
товарные столпотворенья,
уют, похожий на постой.

И только книги, книги, книги,
слепой души моей вериги,
всем дефицитам дефицит!
Собранья, серии, журналы –
шкафов и полок не хватало,
был век на прозу даровит.

И ныне, как студент в раскопе,
дивлюсь России и Европе,
их артефакты вороша –
тома лежат культурным слоем,
и шрифт чернеет в них золою,
и кладка слова хороша.

Рыба моя...

Рыба моя золотая, хозяйюшка тихого плёса,
слышу, как ты заплетаешь кувшинок зелёные косы,
вижу тебя в повечерье девушкой на берегу,
сказке твоей верю, радость её берегу.

Рыба моя, серебрянка, стройная дочь океана!
Сквозь пережат спозаранку идёшь, не чувствуя раны...
Вижу тебя в кольчуге светлых стальных колец,
вьющую в пенном круге любви смертельный венец.

Рыба моя живая, сетей галилейских свиток!
Семь испекли караваев, тысячи были сыты.
Прочту анаграмму «ихтис», увижу размах креста –
в потоке порочных истин правда твоя чиста.

Рыба моя, тайна – воды и самой жизни!
Вёсел плеск величальный, полные солнца брызги!
Плыви, я тебя отпускаю в твой сокровенный скит –
ты же одна такая, мир на тебе стоит.

* * *

И всё это стало музыкой,
спящей в закладках книг —
чёрный изгиб ужика,
кряквы нервозный крик,
сизый бочок ягоды,
сливовая камедь,
лилии в тихой заводи,
заката тёплая медь.

За этой тишайшей музыкой
сквозь умирающий сад
спешишь по тропинке узенькой,
но не вернёшься назад,
потому что мотив ласковый
здесь не сыграть и не спеть,

потому что за детскими сказками
нас ожидает смерть.

А жизнь остаётся музыкой
в том надзвёздном краю,
где снова юной и суженой
я тебя узнаю,
где на опушке вечного
наша любовь звучит
дальними звонами вечера,
тихой струной в ночи.

Олег Сешко, г. Витебск, Республика Беларусь

Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»

Конкурсное произведение

Лётчица

Тесно собаке в комнате, в старом промозглом хосписе.
Голуби в лунном омуте песни поют о космосе,
Мухи влетают в форточку: «Хай» тебе от поклонников!»
Ангелы чешут мордочки, сидя на подоконниках.
Смотрит на всех растеряно, зависть во взгляде вышита.
Кажется - не растение, а не взлетишь повыше-то!
В ухе свербит высотами, хочется в небо коршуном.
Пчёлкой жужжать над сотами тоже ей не положено.
«Кто он великий выдумщик, "Главный над эскадрильями?"
В хоспис его бы вытащить, вдруг нарисует крылья мне.
Боль заберёт нечаянно (счастье когда-то было ведь).
Ноги вернёт хозяину, дело за малым – выловить!
Значит, прорваться к выходу, лапы в пути изнашивать.
Ангелы с жиру пыхают, вот бы хлебнули с нашего -
Толстыми стали, ленными! Эх, проморгали прошлое...
Нынче-то здесь, за стенами, служба им стоит дешёво.
Чёрт с вами, спите, толстые. Вам не поднять хозяина.
Помню, бежала вёрстами, в небо смеялась, лаяла...
Таял хозяин куполом, белой снежинкой ласковой;
В зиму летели кубарем, резали снег салазками,
Падали в реку буйную, шторм побеждали аховый,
Пели под шестиструнную, чай разбавляя сахаром.

Ангелам было весело, резвыми были, жаркими.
Двадцать второго вечером в пух разодрались ангелы,
Сгнули той же полночью. Не было двое суток их.
Скоро пять лет исполнится случаю с парашютами...
Спят, не летают год уже. Крылья примерить хочется.
В самую пору, то-то же! Станет собака лётчицей.
Тссс, погодите, что-то здесь... что-то не очень правильно...
Спите, не будьте жмотами. Ноги бы для хозяина».

Над перелеском, хатами, над одинокой хижинкой
Выла стихи хвостатая, верная, тёмно-рыжая.
Жалась к больному, гордому, грела крылами пыльными.
Сказку слагал за городом "Главный над эскадрильями".

От литературного обозревателя

Краткое предварительное резюме: «Текст, на мой взгляд, достойный финала».

Захватывающее повествование. О жизни, разломившейся пополам. От лица верного пса, который все понимает и чувствует не хуже человека. Тем более ангелов.

И бьющее наотмашь название: «Лётчица».

Дальше только цитаты.

«Тесно собаке в комнате, в старом промозглом хосписе»;

«Ангелы чешут мордочки, сидя на подоконниках...»;

««Кто он великий выдумщик, «Главный над эскадрильями?»»

В хоспис его бы вытащить, вдруг нарисует крылья мне.

Боль заберёт нечаянно (счастье когда-то было ведь).

Ноги вернёт хозяину...»;

«Ангелы с жиру пыхают ...

Толстыми стали, ленными! Эх, проморгали прошлое...

Нынче-то здесь, за стенами, служба им стоит дешёво...»;

«Помню, бежала вёрстами, в небо смеялась, лаяла...

Таял хозяин куполом, белой снежинкой ласковой...»;

«Двадцать второго вечером в пух разодрались ангелы,

Сгнули той же полночью. Не было двое суток их.

Скоро пять лет исполнится случаю с парашютами...»;

«Спят, не летают год уже. Крылья примерить хочется.

В самую пору, то-то же! Станет собака лётчицей...»;

«Над перелеском, хатами, над одинокой хижинкой

Выла стихи хвостатая, верная, тёмно-рыжая,

Жалась к больному, гордому, грела крылами пыльными.

Сказку слагал за городом «Главный над эскадрильями...».

Только и остается, что бесконечно повторять:

«Кто он великий выдумщик, «Главный над эскадрильями?»»».

Подборка стихотворений Олега Сешко

Время

Вдоль причала усталой памяти
Расцветало время да выцвело,
Стало время ликом, как снить бело:
«Не хочу,- кричит,- по часам идти!»

Быть безумной гранёной полночью,
Сном разбитым, забытым именем.
Ведь не зря для себя ты выменял
Две судьбы на одну невольничью.

Стань холодной бедовой рыбиной,
Ощути чистоту дыхания.
Буду полнить тебя стихами я,
Шелуху ты в моря отрывивай.

То, что днями-годами прожито,
Разберём по костям сознания.
Править душу легко в изгнании,
Одиночество примешь кожей ты.

Соль морская под небо вытолкнет,
Если дно ощутить не боязно.
Через горы по жизни - поездом,
Пусть завидуют - мой воспитанник.

Поживёшь, доброты поделаешь -
За похлёбку. Забудь про золото.
Будет к старости детство в пору, то
Значит ты человек не тело лишь.

Значит, жалость тобой не изгнана,
Значит, мир твой в душе незыблемый.
А иначе – вернёшься рыбиной
И мы вместе начнём всё сызнаова.

Птицы

Это не важно, сынок, что апрель ещё,
Будет июнь, мы насыпем поболее,
Ты не жалея ни печали ни боли им,
Птица голодная – жалкое зрелище.
Чуть отойди, приоткрою ворота я.
Славные птахи, найдёшь ли ты где таких.
Вырастить только бы к лету нам деток их,

Просятся в небо птенцы желторотые.
Крохи совсем. Подождём до июня мы,
Рано ещё им лететь за родителем,
Тише цыплята, надеюсь, простите нам,
То, что Земля опоясана рунами.
Крылья окрепнут, обучитесь пению,
Горе земное взойдёт разнотравием,
Небо тогда распахнётся во здравие,
Выпущу к людям, имейте терпение.
Вдоволь напьётесь печали, страдания,
Скорби горячей, холодной апатии.
Самые вкусные слёзы у матери,
Той, что детей отдала на заклятие.
Слёзы мужские безумно полезные,
Редко встречаются, дорого ценятся.
Девичьи слёзы – пустая безделица,
Слёзы ребёнка – роса поднебесная!
Знаешь сынок, там хватает питания,
После недели птенцам не до родины.
Твари, которых с тобою разводим мы,-
Птицы мечты, по земному преданию.
То, что заложено в этом понятии,
Необъяснимо с позиции вечности.
Сила мечты в глубине человечности.
Но... это тема другого занятия.

Время хлеба

Ты наелся? Крошишь пиццу.
Плохо людям, птицам горше.
Я порву себя, где тоньше,
И тогда родятся птицы
Из небесной половины.
Из другой родятся змеи,
Ими я проникну в землю.
Сброшу кожу там, где дремлет,
Танец юной Саломеи
Ослепительно невинной!

Слово снова пустит корни,
Извьются строки танцем,
Жизнь твоя застынет глянцем,
В тонкой линии на горле,
Обозначенной пунктиром.
Для тебя готово блюдо -
От птенцов за пиццу плата.

Было бrenно, станет свято!
В каждой крошке зреет чудо,
Чтобы царствовать над миром.

Наступает время хлеба
Для героев и поэтов,
Время подлинных рассветов,
От земли летящих в небо,
Торжествующих над смогом.
Откровение - за счастье,
За любовь - одну страницу!
Ты сегодня крошишь пиццу,
Я делю себя на части -
Два пути с одним итогом!

Настя

Газета «Красная звезда», страница восемь:
На двадцать танков – пистолет и десять ружей.
Сегодня Настя снова чёрта ждёт на ужин,
Бюстгальтер с летнего плеча сползает в осень.
Знобит, коробится внутри, дождит слезливо,
Нашла от прошлого ключи, взглянув под коврик.
Жених - безусый лейтенант, не подполковник.
Сменить коньяк с Алиготе на спирт и пиво,
Гулять от взгляда до любви, и душу – в ключья,
Сегодня тело – шоколад, кипеть в экстазе.
Пускай заблудший старый лес поёт Настасье,
И чёрный город, приобняв, целует сочно.
Пускай державные кресты гудят молитвой,
Горячей кровью над свечой густеет пламя.
Судьба поджала куцый хвост, объевшись днями.
Так что наивно расплыться, друг мой ситный.
В беде всесильны, как всегда, одни лишь черти,
В беде глухие небеса помочь не смогут.
Всё, что просила, расцвело полночным смогом,
Не достучаться до небес мне бабьим сердцем.
Там наверху жируют, пьют, гуляют, спят ли?
Для них одиннадцать ребят – пустая строчка...
Нет больше в тексте запятых, поставим точку.
Всё, что зовётся пустотой, живёт навряд ли.
Почто, скажи ты мне, живых людей - под танки?
Любых богов мой подполковник стоил дюжин!

Сегодня Настя снова чёрта ждёт на ужин,
А к ней опять, в который раз, приходит ангел.

В тучах

В тучах ни печали, ни ласки вам.
Без вина виной захмелев,
Месяц души в небо вытаскивал -
Что им прозябать на земле?
«Если тело к жизни негодное,
Дело есть на небе - свети.
(Кто это ко мне огородами?
Кажется, пацан лет шести).
Люди стали льстивыми, стадными,
На сто вёрст не видно лица.
Коли не война, то и ладно бы...
(Нет, ну, несомненно, пацан).
Звёздам в землю больше не надобно,
Что земля? Разбег для броска.
Ходят в небе звёзды парадами,
От соска Пути до соска».

«Небо на котельную стелено.
Всё равно тебя не отдам.
Мне твоя иконка нательная,
Будто в сердце песенка, мам!
Что же ты не стонешь, не охаешь,
Прожита да выжата жизнь?
Если ты уйдёшь, будет плохо мне.
Я найду отца, не спеши!
Баба Маня ляпнула давеча:
В среду ты - к нему, не позжей!
У меня душа то не заячья.
Сколько в той трубе этажей?
Небо нынче низкое, целое...
Бате одиноко здесь, да?»

В тучах Месяц бреши заделывал,
Мало ли сорвётся звезда.

Он – любовь

Бог не терпит валяться весной в снегу,
До рассвета он снег языком слизал.
Я убит, я плыву по людским слезам
Вроде старой кастрюли с мясным рагу.
Мимо совести нации в кислых щах,
Мимо школы приветствия «Хайль и ко»,

Мимо скромного кербера - Ха-Ти-Ко,
Мимо старого страха в свой новый страх.
Я ломлюсь в городскую людскую грусть,
Я кричу в неё: «Зажило. Мне не лги».
Разлетаются пули во тьме легки,
Будто бабочки, каждая в чью-то грудь.
Под растерянной памятью тень в окне.
Разбиваются мысли о взгляд: «Забыт?»
Я давлюсь, запивая каплейю спирт,
Я домой прорываюсь к тебе - жене.
В белой роще, у нашей с тобой ольхи,
Где слетают куплеты на струны строк,
Ловит совесть на истину хитрый бог,
Просто так отпуская на свет грехи.
У него каламбурами полон рот,
Он любого заварит в обед и съест,
Что земля для него? Шестипалый крест
На одной из пробитых насквозь аорт.
Он - любовь, он забрал спелый дождь из ...бря,
И последнюю ночь - соловьиный пух,
Мы теперь существуем в одном из двух,
Мне случилось начаться внутри тебя.
Он - любовь, по судьбе полоснул ножом,
Чтобы снова свести нас. Кольцо надень.
По Арбату в развалку шагает день,
День отдельный от вечности, день - пижон.

За тобой! Не отдам никому. Держись!
«Мы, приходим из праха, уходим в прах».
Бог – любовь, он слепой неразрывный страх
За мгновение смерти, в которой жизнь.

Евгений Иваницкий, г. Фрязино, Московская обл., Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»

Конкурсное произведение

Попытка оглянуться

Колеблется пламя, дрожит, угасая,
Свеча затухает... Займётся ль другая?
И что же запомнилось, что же осталось?
Был шарик воздушный, надежда и жалость,

Мишень паутины и тонкие струны
Над пентаграммами пыльных петуний,
Июнь первых ягод и дачного чая,
Июнь, что сломался, как ветка сухая...
Шатается память, ведь ей не по силам
Обратный отсчёт, возвращенье к могилам,
Тот запах лекарств и молчанье кукушек,
Кардиограмма еловых верхушек.
Слоняется память в толкучке больницы,
Она не забыла угрюмые лица.
Не тешься надеждой, не жалуйся другу:
Несчастье – кругами, несчастье – по кругу...
Так дайте мне время! Забуду о яме.
Трава эту глину скрепляет корнями,
Скрепляет – не может. Стою в чистом поле
С душою озябшей, а глина глаголет...
Но были не только несчастья, больница.
Я видел другие, счастливые лица,
Улыбку мальчишки на площади скучной,
Взлетающий в небо шарик воздушный.
Был в храме гудящем огонь нисходящий,
Огонь нисходящий над жизнью пропащей.
Дыхание Бога, дыханье любимой,
Движение жизни неизъяснимой...

От литературного обозревателя

Предварительная формулировка: «Текст дарует утешение и надежду».

Всем нам сполна достается тягот и испытаний. Вот и ЛГ этого стихотворения немало изведало на своем веку.

«И что же запомнилось, что же осталось?».

Все перемешалось, как и в любой долгой жизни.

«Был шарик воздушный, надежда и жалость»;

«Июнь первых ягод и дачного чая,

Июнь, что сломался, как ветка сухая...»;

«Тот запах лекарств и молчанье кукушек,

Кардиограмма еловых верхушек...».

И вместе редкие, но потому так запомнившиеся радости:

«Но были не только несчастья, больница.

Я видел другие, счастливые лица,

Улыбку мальчишки на площади скучной,

Взлетающий в небо шарик воздушный...».

И окончательный итог, финальная формула:

«Был в храме гудящем огонь нисходящий,

*Огонь нисходящий над жизнью пропащей.
Дыхание Бога, дыханье любимой,
Движение жизни неизъяснимой...».*
Что еще может утешить в скорбях человеческих?

Подборка стихотворений Евгения Иваницкого

Покидая Вавилон

В непосильные дни, дни любви, бесконечной тревоги,
Где тебя мне искать? Только в сон мой зайдёшь иногда,
Где ты робко ласкаешь смиренного единорога,
Белый агнец уснул, и мерцает серёжка-звезда.

Прохожу виноградник, не здесь ли с тобой повстречаюсь?
Обовьёшь мою жизнь виноградную щедрой лозой.
Я иду мимо розы, и роза бутонем качает,
Чуть задетая каплей дождя, а быть может – слезой.

Вавилон зазывает, морочит, за полы хватает,
А над шумом и гамом – безмолвная кроткая высь.
Финикийские перстни, хитоны, шелка из Китая, –
Как же много всего, без чего я могу обойтись!

Семиглавые звери, огонь в их глазищах-агатах,
Голоса лжепророков, послушные звону монет...
Я хочу позабыть мутно-жёлтые воды Евфрата,
Эти дни без тебя, эту башню, закрывшую свет.

От навязчивой яви хочу – не могу пробудиться.
И в прикрытых усталых глазах – мельтешение лиц.
Город пуст без тебя... В небесах одинокая птица...
Город пуст, как пустые глаза вавилонских блудниц.

Белый агнец пылает в костре, поднимается пламя,
И... мрачнеют жрецы, изучая оттенки огня.
Я ловлю твоё имя в гудящем вечернем бедламе,
Я ловлю жадным сердцем, и нежность сжигает меня...

Забывтый

А вас всё нет. Темнеют крыши,
Луну – и ту погрызли мыши,
И крошки звёзд шуршат всё тише...
Лишь темнота и маета.

Я вечно жду вас у порога.
Как не погладить хоть немного
Такого нежного, незлого,
Такого мягкого кота?

Как не вернуться в царство лени?
Когда вокруг ложились тени,
Меня вы брали на колени,
Шептали добрые слова.
Я – кот любовного касанья,
Я – кот счастливого урчанья,
И ловля снов – моё призванье,
Тех снов, где больше волшебства.

Но вы погладили другого, –
Ловца мышей, убийцу злого,
Кота хитрющего, худого,
Поймите, это – западня.
Он вас обидит. Встанет шёрстка,
Сверкнут глаза нежданно-жёстко,
За всё – кровавая полоска, –
Тогда вы вспомните меня.

Тот кот – коварный сын помоек.
Он душит крыс и землероек,
Кротов и глупых пёстрых соек,
А усмехнётся он – беда!
Он просто кот, и нот хрустальных,
Снов безмятежных, беспечальных,
Надежд и блёсток карнавальных
Не принесёт вам никогда.

Менуэт

Это тема для кларнета: едет граф, скрипит карета,
Цок и цок, – стучат копыта, начиная менуэт.
Что не взял огонь заката, догорит в костре рассвета.
В дни любовной непогоды ни на что надежды нет.

В старом замке реверансы и галантные поклоны,
Мимолётные измены, маски фавнов и наяд.
Маски кружатся по зале под присмотром Аполлона,
Розы кружатся по саду, «С» упала – вышел ад.

Эти розы безрассудны. Боль и страсть вливаются в двери.
Альт и скрипка беспощадны – всё расскажут наперёд,

И принцесса так печальна, юный граф самоуверен:
Просит чай и два бисквита, поцелуи сам берёт.

Голос скрипки выше, выше, и на самой горькой ноте
Замирает над беспечным, беспощадным цветником,
И принцесса замирает, понимая, что на взлёте
Хлынет кровь из горла скрипки, иссечённого смычком.

Если пальцы музыканта прикоснулись к телу скрипки,
Пальцы властны, звуки нежны, – им уже не прекословь.
Юный граф кружит принцессу. С повелительной улыбкой
Словно бабочку отпустит, а потом поймаёт вновь.

Что ж ты плачешь за колонной? Розы шествуют по зале,
На альте играет ревность, а судьба берёт кларнет.
Сердце бейся – не разбейся, всё забудь, и без печали
Делай па и улыбайся: это сон, тебя здесь нет.

Эрос

В путанице сновидений, в ласковом плеске прибоя
Солнце в сетях рыбацких рыбкой плывёт золотою.
Утром на цыпочки встанешь, тянешься к спелой черешне,
Тянешься к поцелую, – вот он, твой первый, вешний.
Эрос, тебя мы не звали, мы не мечтали стать старше.
Белый платок на верёвке нам на прощанье машет.
Даль в перламутровых бликах. Моря и чаек всевластье.
На циферблате крылатом ветренный полдень. Счастье.
Парус, как пёрышко в море. К нам не вернётся детство.
Как о тебе не думать, есть ли такое средство?
Что я посмею поведать той, кто стала богиней?
Небо, храни эту лодку. Парус растаял в сини.
Линии совершенства. Бёдер прохладных лекала.
Буря, минуй нашу гавань. Туча. Предвестие шквала.
Бог беспощадный, прекрасный, Эрос, тебя мы не звали,
Что же ты мчишься над морем с песней, полной печали?
Ах, золотые стрелы! Сколько смятенья и боли!
Волны, их сердцебиенье. Нежность. Желанье. Безволие.
Счастье, разбитое к счастью. Форточек слабые нервы.
Путаница в поцелуях: сотый становится первым.
Эрос, ты победил нас. Будет ли добрым семя?
Волны следы смывают, волны смывают время...

Одиссей

I

Ночь прилетает на крыльях бесшумных, совиных,
Ночь, за которой, похоже, не будет рассвета,
И Одиссей засыпает в объятиях нимфы.
Выпита терпкая влага, попадали кубки.

Чёрными водами Стикса клянётся Калипсо,
Вечную молодость нимфа сулит Одиссею.
Ночь пахнет бездной и вечной виной, и забвеньем.
Небо пугает своей высотой непосильной...

Ночь на Итаке. Над пряжей поёт Пенелопа.
Боль, растворённая в песне, стала слезою.
Чайка кружит над простором любви и печали.
Утренним светом звезды согревается сердце.

Ах, Одиссей! Ты бросаешь вёсла в тумане
В сумерках жизни и в сумерках горестной смерти.
Годы и волны многое перемололи.
С чем ты вернёшься? В ладонях – ракушка пустая...

II

Вот и подъезд у дорожного круговорота.
– Здравсте! – басит Одиссею Харибда Петровна.
Сцилла Ивановна, губки поджав, замолкает,
Много чего порасскажет она Пенелопе,

Вспомнит волшебницу Кирку, детей Одиссея –
Щедрое семя далёких и долгих скитаний,
И пробежит скорпион – порожденье улыбки.
Время – по кругу. В ладонях – ракушка пустая...

Домовой

Улетаешь опять... Стало скучно со мной?
Погоди, не спеши, я ведь твой домовой.
Я сегодня на ёлку повешу
Старый лапоть, потерянный лешим.

Я весь год хлопотал, собирая добро:
Семена трын-травы и петушьё перо.
Двух солдатиков, порванный мячик
То туда, то сюда перепрячу.

Ну, зачем улетать из такой тишины?!
В новогоднюю ночь снятся лучшие сны.
Этот год промелькнул не напрасно.
На душе дедморозно и ясно.

До утра будешь где-то летать на метле,
Из хлопушек стрелять, танцевать на столе.
Ты сегодня, хозяйка, устанешь.
Не забудешь меня? Приласкаешь?

О тебе буду думать и слушать сверчка,
Буду ждать. Ты вернёшься, нальёшь молочка
Мне в щербатую древнюю чашку.
Хохотунья...певунья...
Бедняжка...

Александр Чжоу (Алисов), Москва, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия»

Конкурсное произведение

* * *

Поэт вне времени живёт,
Вне липкой темени.
Поэта время хлётко бьёт
Клюкой по темени.
Наука эта тяжела,
Не всякий выстоит,
И он уйдёт, не помня зла,
Тропой росистою.
Ведь суть поэтава ина -
Дитя беспечное,
С ним речь в ночи ведут луна
И небо вечное.
Он горстью пьёт из родника,
Что за деревнею,
И были слышит сквозь века,
Напевы древние.
По сердцу жить, не по уму,
В тиши, в прорухе ли,
И горше горького ему
Слеза старухина

И нищета родной земли,
И запустение,
И храм всё видится вдали -
Маяк спасения...

И не дано ему узнать
Душою чуткою,
Кому Господь дозволил стать
Своею дудкою.

От литературного обозревателя

Предварительная оценка: «Многие тексты второго тура выглядят вполне достойно. И этот тоже».

*Об участии поэта, который
«вне времени живёт, вне липкой темени».
Так уж ему предначертано. И он следует этой своей извечной стезей.
И сердце его всегда открыто окружающему миру:
«С ним речь в ночи ведут луна...»;
«И были слышит сквозь века...».
Готовое откликаться на любые зовы:
«По сердцу жить, не по уму...»;
«И горше горького ему
Слеза старухина...»;
Надеждой на этом пути (на всем его протяжении и в самом конце)
«...храм всё видится вдали -
Маяк спасения...».
Нужно просто делать, что должно. В полную меру своих сил и таланта. Не
думая о награде ли, вознаграждении...
«И не дано ему узнать
Душою чуткой,
Кому Господь дозволил стать
Своею дудкой».*

Подборка стихотворений Александра Чжоу (Алисова)

* * *

Полине Рожновой
Для одних он — горький пьяница,
Никудышный человек.
За окошком ночь туманится,
Настилает мокрый снег.

Замерла почти привычная
Городская суета,
Только жаль, зима столичная
Вологодской не чета.

Здесь повсюду стены тёмные,
Заслонили снежный путь,
Небо звёздное, бездонное
Полной грудью не вдохнуть.

Где-то бродит за околицей
Деревенская страна,
С ней судьба его, невольница,
Воедино сплетена.

С ней, средь быта несуразного,
Слышать вещие слова,
Вместе мыкаться и праздновать,
Вместе пить и горевать.

Только всё ему простительно
Оттого, что, видит Бог,
Так, как он, сказать пронзительно
О Руси никто не смог.

Осипу Мандельштаму

Ты никуда не уехал,
И не ушёл никуда.
В серого неба прореху
Глянет украдкой звезда.

Зданий уснувшие своды.
Тусклый фонарный маршрут.
Талые невские воды
С прежним величьем текут.

Тянутся голые сучья.
Летний окованный сад.
Целой вселенной созвучья
Скорбным хоралом звучат.

Вслед за безумной страной
Лёгких путей не искал,
Только желтел за спиной
Века звериный оскал.

Славы посмертной не жаждал.
Жить не стремился всерьёз.
Просто вернулся однажды
В город знакомый до слёз.

* * *

*"За этот ад,
За этот бред
Пошли мне сад
На старость лет..."*
М.И.Цветаева "Сад"

После приснится
Девочке русой
Вспышка - зарница
В небе Тарусы.
Тлеют закаты.
Тишь за Окою.
Яблоко снято
Тонкой рукою.
Осенью ярко
Зреет рябина.
Лучше подарка
Нет для Марины -
Бабки и деда
Старого сада.
Ада и бреда
Больше не надо!
Бреда и ада,
Смерти и горя...
Вешнего сада
Пенное море.
Сердце устало,
Просит покоя
Самую малость...
Что же такое?
Новое лихо!
Грозное лето.
Старости тихой
Нет у Поэта...

Памяти Даниила Андреева

Нынче солнце очнётся поздно,
Ночь несправедную продля,

Алой кровью сочатся звёзды
На терновом венце кремля.

Ни огня, ни слезы, ни вздоха
В царстве страха и кумачей,
Богоборческая эпоха
Жертв невинных и палачей.

За какие грехи расплатой
Эти страшные времена?
Одурманена и распята
Взбаламученная страна.

Чем была ты для нас, Россия,
Мы узнали в годину бед.
Зарастают пути бывшие,
И надежды последней нет...

Но парит в вышине ночами
Над Москвою, в кромешной мгле,
Словно чудный венец венчальный,
Величавый Небесный Кремль.

И плывёт над землёй осенней,
Отголоском иных времён,
Очистительный гимн Спасенья,
Неземной колокольный звон.

* * *

*"И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого, что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей."*
С.Есенин "Песнь о хлебе"

Отчего так сумрачно и снежно
Сердцем он предчувствует беду?
Дух его весенний и мятежный
Бьётся рыбой, пойманной, на льду...
Оттого ли, что в дали туманной
Не видать родимое село?
Оттого ль, что рано, слишком рано,
Довелось подняться на крыло
И потом, в чаду кабацкой славы,
Рваться к небу из последних сил?
Оттого ль, что косит серп кровавый
Жизни человечьи на Руси?
В те года чудовищных мистерий,
На земле, забывшей про Христа,
У народа он не подмастерьем,
А душой и горькой песней стал.
И его щемящее смятенье
Отражает боль родной страны,
И слова исполнены прозреньем,
Скорбью и раскаяньем полны...

Лебедей - собратьев тает стая,
И его уж близится черёд.

Голова поэта золотая
Словно колос наземь упадёт.

* * *

Ольге Флярковской
Мне ли быть взыскательней и строже?
Лишь бы жар полночный не остыл,
Лишь бы вновь марать по воле Божьей
Белые тетрадные листы.

Не изведать мелкого тщеславья,
Благ мирских предчувствовать тщету,
Самому себя скоблить и править,
Слова обнажая правоту.

И пройти свой путь, палимый зноем,
С посохом в обветренных руках,
И услышать ночью, как живое
В роще бьётся сердце родника.

Владимир Литвишко, Ессентуки, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международного литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»

Конкурсное произведение

Может, встретятся грибы поутру...

Опрокинулся небесный чертог. Над водой едва видны берега.
Плещут волны о подгнивший порог. Чешут лоси о деревья рога.
Стылым камням холода нипочём. Не страшны им ни туман, ни мороз.
Коль запасся к этим дням первачом, то не вешай в огорчении нос.

Здесь до гор, как говорится – рукой! Хоть топи, хоть не топи, всё - в сквозняк.
Дождь прошёл. Царит в округе покой. Даже лай не долетит от собак.
Летом, в лодке порыбачить бы смог - жаль, нахохлившись застыла, мокра.
Надоевший интернет, словно смог, – сброшен осенью в мои вечера.

Чай согрел из подвернувшихся трав. Покурил на склоне дня табачок.
Прав был в жизни, или в чём-то не прав? Ни к чему перебирать. Всё, молчок!
Кот, свернувшись, спит - и морду прикрыл. Мышковать, видать, устал по ночам.
Не поев, прилёг у печки, без сил. Только уши по привычке торчат.

На заброшенном посту мы одни. Никого сюда "взашей" не пригнать.
Уплывают однобокие дни. Им вослед течёт с небес благодать.

Ни уехать, ни уйти никуда. Поезда и самолёт не про нас.
Ломит зубы ледяная вода. Дарит музыку в приёмнике джаз.

Стены елей, поздней ряски панно, для медведя приготовлен жакан.
То грустишь, то беспричинно смешно. Чуть мерцает позабытый экран.
Так и тянется заброшено год. Незатейливую цедишь игру.
Может, смена через месяц, придёт... Может, встретятся грибы поутру...

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика: «Умиротворенный и одухотворенный текст».

Обстоятельное и подробное, но при этом ничуть не надоедающее повествование. И не слишком часто встречающиеся перепады привычного настроения только работают на общее впечатление.

Например:

«Надоевший интернет, словно смог, – сброшен осенью в мои вечера...»;
или

«Ломит зубы ледяная вода. Дарит музыку в приёмнике джаз...».

А так все знакомо и привычно:

«Стены елей, поздней ряски панно...»;

и даже «...для медведя приготовлен жакан».

Чего вообще суетиться: «Уплывают однобокие дни. Им вослед течёт с небес благодать».

В таком состоянии высокого стоицизма и находит душа свое успокоение:

«Может, смена через месяц, придёт... Может, встретятся грибы поутру...».

Так что и мне захотелось в тишь, в тайгу. Хоть на время.

Подборка стихотворений Владимира Литвишко

Лошадь, улица, телега. Волки

Лошадь, улица, телега. Волки, пойманные в плен.
Первоклашкой, после бега, сев - смотрю в упор с колен.
Трёп охотников. Цигарки. Взгляд звериный - просто жуть.
Дикость, злоба. Стало жарко. Отодвинулся, чуть-чуть...

День назад был лес тем домом, что кормил их и поил.
Городок же, незнакомый, вдруг лишил привычных сил.
Путы, в тело впившись сочно не дают продолжить бег.
Обхитрив, связал их прочно ненавистный человек.

Полста лет перевалило, а запомнил, как вчера,
двух матёрых - боль и силу - возле нашего двора.

Отчего их не убили? Похвалиться привезли?
Конь храпит в сторонке в мыле. Счёт ведётся на рубли.

Не осталось лиц и даты. Дом, не знаю, цел ли тот.
Патронташи. Люди рады. Солнце вскорости зайдёт.

Осень с вечером погожим. Дальше в памяти пробел.
Лишь они, в ремнях из кожи...
Испугаться не успел.

Вновь, пора на дворе, что отлично подходит к вину

Подышу на листочек, и ветру на память отдам.
Пусть, забрав у меня, как желанный автограф уносит
эти несколько строчек, итогом прожитым годам,
окантовкою дням, в золотисто-прекрасную осень.

Вновь, пора на дворе, что отлично подходит к вину,
где и белое впору, и красное столь же уместно.
Коль этюд в сентябре накропаю, под ноги взглянув,
он утонет в повторах, природой отмеренных честно.

Всё же нужно найти пусть пяток не затасканных слов.
Поищу по округе желанно искомое нечто,
ощущая в груди грусть промокших кирпичных углов
квинтэссенцией круга, в который стекается вечность.

Накрошу осенизм, добавлю карминостроку,
дожделивневых струй, ощущение светопотери.
Ренессанс с маньеризмом, сойдясь, навевают тоску.
Чуть горчит поцелуй, что замешан на гаснущей вере.

Дождь, как выстрелом в тире, пометит касаньем воды.
Повстречавшись в пути, восхищённо захлюпают лужи.
И, как главный арбитр, мне кивнёшь ожидаемо ты:
как всегда убедив, что любим, вне сомнений, и нужен.

Кончается осень устало

Кончается осень устало, шумящая в струях дождя.
Зима в этот раз запоздала: появится, чуть погодя.
Лишь дверь отделяет от мира, но служит преградой всему.
Без яркости красок квартира парящей душе ни к чему.

Как странно, томительно, вязко. В тех днях, что текут без чудес,
букетиков позднюю сказку нам дарит таинственный лес.

Промокший сжимается вечер. Чуть видно в бокалах вино.
Ты руки кладёшь мне на плечи, смотря молчаливо в окно.

Вода всё бурлит, всё клокочет, всё рвётся под кожу земли.
Покоя в бессонные ночи, мы раньше найти не могли.
Теперь же, бывшее - обманно. С годами сгущается кровь.
Из цепких объятий дивана непросто вдруг вырваться вновь.

Царит телефона молчанье, придавлен он спящим котом.
Прижалась, к подмоченным зданьям, горсть лужиц за каждым углом.
Смеркается. Время затишья. Привычный пейзаж городской,
где звёзды повисли над крышей. И тьма. И ноябрь. И покой...

А с утра, телефон - разрывался, звонили друзья

А с утра телефон разрывался. Звонили друзья.
Вспоминали родные, на год раздавая наказы.
Интерес был понятен. Им всем вперемежку и я
набирал номера, поздравлял и пускался в рассказы.
Стихло всё наконец. Расползлись, точно петли, слова.
Впору снова прикрыть невзначай обнажённые души
и, наполнив стаканы, пока не болит голова,
посидеть за столами и умные речи послушать.

А прощаясь, потом обниматься так, словно навек
расставаясь с друзьями, вновь встретиться повода нету.
И шутить напоследок, чтоб милый тебе человек
принимал все подначки за чистого сердца монету.
И на улицу выйдя, столкнуться с её тишиной,
побрести вдоль заборов, ступая ни шатко, ни валко.
Год, ушедший в архив, ощущая уже за спиной,
отломить от себя, отшвырнув, как никчёмную палку...

Задохнусь от мороза. По ели рукой проведу.
Чуть прищурю глаза, что слезятся от солнца и снега.
Фейерверка дымок угадаю, поймав на лету;
и шагну на тропинку, которой давно так, не бегал.
Поспешу. Мне пора. Зимний час, как огарок свечи.
Не заметишь, когда темнота вдруг окутает плечи...
В этом праздничном дне разминувшись, вдвоём помолчим.
Может, время и доктор, да жаль, обещая, не лечит.

Естественный отбор

Спускалась ночь с плечистых дальних гор, стекая по ущельям осторожно.
Ей, поглощавшей каждый дом и двор, сопротивляться было невозможно.

Она ползла, струилась вдоль камней, стремясь заполнить новые просторы.
Стих птичий гомон в тесноте ветвей. К глазам пещер туман придвинул шторы.

И стало сыро. Съёжилась трава. А кто-то, по тропе скользнув незримо,
исчез внезапно, будто те слова, что улетают словно тени дыма.
Заухал филин, тишину кроша на drobные корявые осколки.
Скатилась в пятки с трепетом душа. Охотясь, на опушку вышли волки,

принюхались и, вытянувшись в рост, завыли жутко, угадав добычу.
Вожак рванулся, скрыв меж елей хвост. Прыжками - стая, по следам их дичи,
за ним помчалась, ускоряя бег, стремясь клыки вогнать желанно, в холку.
С крыльца сошедший было человек невольно вздрогнул, покурил недолго

и запер дверь, привычно, на засов. Чай вскипятил. Послушал внука лепет.
Ругнул в сердцах скулящих жалко псов, что под крыльцом испытывали трепет.
Лес полуночной жизнью жил своей, не снисходящей до животных страхов.
Чуть позже ветер петли рвал дверей и молодецки в ставни бил с размаха.

А лось сметал всё новые кусты в надежде тщетной скрыться от погони.
Таилось много страшной красоты в жестоком и безжалостном законе отбора.
... Тяжко рухнул на плечо огромный зверь в неравной схватке этой.
Лишь струйки крови били горячо, по тонкой грани между тьмой и светом.

Несколько строчек зимнего настроения

Забросала пороша безлюдные тихие скверы.
Над горбами машин - ни огня, будто в спячке дома.
Одинокие птицы на белом пугающе серы.
Слишком редки кормушки. Закрыты людей закрома.

Нет причины свистеть, рассыпаться в залиvistых трелях.
Им дожить до весны бы, добычей не став для котов.
А по крыльям стучат, точно градины, стразы метели.
Ожидают напасти в провалах молчащих дворов.

Меж пластинками льда, утонули случайные крошки;
и непросто найти червячков под застывшей корой.
Нет гуляющих мам, с чьих им раньше бросали ладошек
ребятишки подкормку, столь нужную этой зимой.

Лишь цепочки следов. Хлопья густо летящего снега.
Мрак молчащих подъездов и окон безлика тьма.
Город, ждущий рассвета в рекламы мерцающих реках;
безразлично жестокий, как холод, сводящий с ума.

Боролись за победу в конкурсе и вышли в финал еще 7 авторов. По разным причинам они не прислали подборки своих стихотворений, тем не менее их конкурсные произведения и отзывы на них литературного обозревателя мы считаем правильным представить в этом сборнике.

Любовь Колесник, Тверь, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международной литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»

Я буду снова

Я буду снова. Как-нибудь потом.
Я буду. Завтра или послезавтра,
родившись снегом, деревом, котом,
весенним ветром, заревом, базальтом —
я буду, но ни слова не скажу,
не напишу и буквы все забуду.
Я семечко, летящее в межу,
смирненно покорившееся чуду.
Я то, что не записано в тетрадь,
не издано, не проклято, не стерто.
(Не существует — незачем стирать.)
Я тонкая трепещущая хорда,
протянутая с неба до земли, —
я и была такой, но кто б заметил...
Смотрите, в расцветающей дали
я снова есть.
Я облако.
Я ветер.

От литературного обозревателя

*В обзоре второго тура это стихотворение было охарактеризовано так:
«Завораживающая эмоция текста, исполненного образно и выразительно...».*

*И в самом деле. Ощущение полноты существования в непрерывном его
видоизменении.*

*Захватывающий калейдоскоп состояний души и ее непрерывной
самоидентификации.*

«Я семечко, летящее в межу...»;

«Я то, что не записано в тетрадь...»;

«Я тонкая трепещущая хорда».
И при этом неистребимая и неотменимая надежда, и вечное упование:
«Я буду снова. Как-нибудь потом...».
Это и есть подлинная вера.
И просто вера.
В чудеса ли, в перевоплощение ли душ.
А лучше всего определить все это как жизнь живого человека.
И поэта, сумевшего облечь такие неуловимые чувства в точные слова.

Геннадий АКИМОВ, Курск, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международного литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»

Напевы ля минор

Речь состоит из горечи и хрипа,
а пение — из громкой пустоты;
нам в клюве принесли немного гриппа,
тельца свернулись, жалобы просты.
Казалось, мы почти её достигли —
земли, где рай цветёт в урочный час,
но чудища в тени ветвистых библий
на подступах вылавливают нас,
как ребятню, затеявшую прятки
в бедламе постоянного двора:
ку-ку мадам, у вас гнездо на шляпке,
там кто-то съёс три пушечных ядра,
а вы, месье, шутили столь неловко,
что пополам сломались на ходу...
"Бог справедлив, умна боеголовка" —
изрек один учёный какаду.
Философы, художники, поэты,
ночной дудук скорбит, и потому
рисуйте нам красивые портреты
эпохи, захлебнувшейся в дыму,
скудельный мир — комок слюны и грязи,
где скорпионы выползли из нор,
где прочно сплетены арабской вязью
песчаные напевы ля минор.
Мы, сорок лет жующие в пустыне,
поющие в терновом словаре,
колючей безголосицей простыли
и до земли, и соль земли, и ре,

и реквиемы чёрных незнакомцев,
заполонив немеющий ландшафт
водою мёртвой взорванных колодцев,
угробят слух и зрения лишат.

От литературного обозревателя

Предварительная характеристика: «Пусть этот текст не отвечает на заданный вопрос напрямую, лишь опосредовано. Но делает это столь поэтически мощно, что заслуживает...».

Текст полностью соответствующий своей самохарактеристике, выраженной его первыми строками:

*«Речь состоит из горечи и хрипа,
а пение — из громкой пустоты...».*

*Таков он и есть, и в этом его своеобразная и слегка шершавая
привлекательность.*

*И разворачивается далее зримая картина мира во всей своей неочевидной (и
очевидной) сложности и противоречивости.*

*«...рай цветёт в урочный час,
но чудища в тени ветвистых библий
на подступах вылавливают нас...».*

О чем «ночной дудук скорбит»?

И что выдудит?

Разве что:

«Бог справедлив, умна боеголовка».

Можно считать и так, и этак.

И в результате:

*«Мы, сорок лет жующие в пустыне,
поющие в терновом словаре,
колючей безголосицей простыли...».*

Надежды практически нет. Или все-таки еще есть?

Может, на стихи, которые говорят об этом.

И так говорят. Кто знает...

Сергей Кривонос, Сватово, Украина

*Финалист номинации «Поэзия» Международного литературной премии имени
Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»*

Васильковое поле, тропинка и ветер шершавый

Васильковое поле. Тропинка. И ветер шершавый.
Паутинка сединки тревожно дрожит на виске.
И ползет муравей по своей муравьиной державе,
А потом по моей утомленной работой руке.

Отчего ж ты, храбрец-муравей, так беспечно рискуешь,
Вот укусишь меня, и прихлопну тебя сгоряча.
И никто не заметит такую потерю простую,
Нам ли, людям большим, меньших муравьев замечать?

Вот укусишь, и сразу окончится век твой недолгий.
Страшный зверь — человек, но тебе, видно, страх не знаком,
И толкает вперед вечный зов муравьиного долга,
Без которого не был бы ты никогда муравьем.

Люди тоже чуть-чуть муравьи на огромной планете —
Мы вгрызаемся в мир, в суете бесконечной живем.
Посреди васильков, посреди скоротечного лета,
Понимаешь, что жизнь — изначальное счастье твое.

Вот пополз и второй муравей, презирая опасность,
По уставшей руке. И подумалось грустно сейчас,
Что среди муравьев есть какое-то крепкое братство,
Но не встретишь подобного братства, увы, среди нас.

Каждый сам по себе посредине занудного быта,
Каждый сам по себе, оттого и на сердце тоска.
Есть среди муравьев единящие накрепко нити,
Ну, а нам единящие нити — веками искать.

Поле. Небо. Заря. Запах скошенных трав освежает.
Золотится простор. Снова щелкнул вдали соловей.
И ползет муравей по своей муравьиной державе,
И не знает, что он — лишь частичка державы моей.

От литературного обозревателя

Ранее было сказано: «Текст представляется излишне многословным и не слишком сконцентрированным на главном».

Безусловно, в этом стихотворении есть заслуживающие внимания и по-настоящему поэтические фрагменты. Но значительная часть его предложений выглядит достаточно очевидными. Такие как:

«Нам ли, людям большим, меньших муравьев замечать?»;

«И толкает вперед вечный зов муравьиного долга...».

Или:

«среди муравьев есть какое-то крепкое братство,

Но не встретишь подобного братства, увы, среди нас».

Но все же общая горьковато-печальная тональность текста вызывает

*душевный отклик у самого скептически настроенного читателя.
«Люди тоже чуть-чуть муравьи на огромной планете...»;
«...нам единящие нити — веками искать...».*

Александр Соболев, Ростов-на-Дону, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международного литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»

«Если не будете, как дети...»

Забыл о тусклых, его – запомнил.
Он был недлинный.
...Как будто – день, и на ум пришло мне
идти долиной.
По палой хвое, по мягким тропам,
не знавшим пала,
и по полянам с густым сиропом
нога ступала.
Мело пыльцой над лесной округой,
беспечной силой
сияло небо и по заслугам
наградой было.
Горбатый корень, валежник влажный,
резные лозы –
всё отзывалось на эту жажду
мгновенной грёзой,
то муравьями, то муравую
ступней касалось,
плелось желанием и мечтою...
Опять казалось,
что спелым будущим день наполнен,
как рот – малиной,
и жизни полдень! Чуть-чуть за полдень
перевалило,
где сытно пахнет с корзинкой в рифму
грибной мицелий,
кораблик солнца минует рифы,
чудесно целый,
струится, светится напоследок
спиральным светом,
и хмель по вантам то так – то эдак,
то там – то этам...
Одушевлённый и каждой частью
во мне продлённый,

он знал, как лёгок, красив и счастлив
полёт подёнки,
он был любовным напитком лета
и аналоем,
он звал ребёнка, он ждал приветов,
он пах смолою,
корой сосновой оттенка чая,
лесным левкоем...
Он жил единым своим звучаньем,
своим покоем.
Недолгий, он дорогого стоил.
На белом свете
мы были – целым, нас было – двое,
и с нами – Третий.

От литературного обозревателя

Ранее был сделан следующий вывод: «Очень прочувствованный и чрезвычайно живописный текст».

Очень понравилось общее настроение текста. Настроение упоения и слияния. С природой, с миром, с самим собою. С Богом, наконец. Выхватываю из общего полотна самые и выпуклые и яркие мазки. «Забыл о тусклых, его – запомнил...»;
*«По палой хвое, по мягким тропам,
не знавшим пала,
и по полянам с густым сиропом
нога ступала...»;*
*«Мело пыльцой над лесной округой,
беспечной силой
сияло небо и по заслугам
наградой было...»;*
*«...то муравьями, то муравою
ступней касалось,
плелось желанием и мечтою...»;*
*«...и жизни полдень! Чуть-чуть за полдень
перевалило...»;*
*«...где сытно пахнет с корзинкой в рифму
грибной мицелий,
кораблик солнца минует рифы...»;*
*«...и хмель по вантам то так – то эдак,
то там – то этам...»;*
*«...он был любовным напитком лета
и аналоем,
он звал ребёнка, он ждал приветов,*

он пах смолою...»;
«Он жил единым своим звучаньем,
своим покоем...».
И одухотворенный финал:
«На белом свете
мы были – целым, нас было – двое,
и с нами – Третий».

Сергей Дьяков, Кемерово, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международного литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»

Все чаще не молюсь, а ворожу

Из всех искусств я выберу одно –
Скрестив уток тоскливости весенней
С основой чувств и самоосмыслений, -
Словами ткать ночное полотно.
В котором зримо:
Почек скорлупа
В сплошной тиши расщёлкнется сверчками
И разожмутся листья кулачками
В густой воде,
Где плавают крупа
Икринок млечных, квантовых мальков.
И телескопы вертят звездолы
В своих руках
В предчувствии улова.
И шевелятся перья облаков.
Заря царапнет матовый винил.
Обмажет ранку ранняя зелёнка
И, в воду капнув,
Вытянется плёнкой
И разрастётся в загородный ил
На мачтах веток, днищах земляных,
В полях озимых, в трюмах парниковых.
И пенье рыб
Проникнет в сон суровый
И расцветёт в наличниках резных...
Когда тепло достигнет глубины,
То расцветёт над ней кристальный лотос.
И белый свет
На многослойный Логос

В нём распадётся –
Станут дни длинны.
И сплетены опять в узле одном.
В быту сермяжном, в облачном эфире,
В полуденном или подлунном мире,
Который смотан звёздным полотном...

От литературного обозревателя

Предварительный вывод: «Самоопределение («Словами ткать ночное полотно...») полностью применимо к этому тексту. Поставленная задача выполнена. И результат впечатляет...».

Действительно автор, начиная свой творческий поиск «Из всех искусств я выберу одно», принимает правильное решение «Словами ткать ночное полотно». И реализует его успешно и выразительно. Рисуя на редкость живописную и всеобъемлющую картину быта и бытия. Не стану перечислять всех удачных находок и отрадных образных воплощений. Только несколько цитат.

*«Скрестив уток тоскливости весенней
С основой чувств и самоосмыслений...»;*

«И телескопы вертят звездоловы...»;

«Заря царапнет матовый винил...»;

«И пенье рыб

Проникнет в сон суровый

И расцветёт в наличниках резных...»;

и т. д.

*Так и тянет разделить с автором его впечатляющие видения
и приобщить свой взгляд
к зоркости его поэтического зрения.*

Вероника Батхан, Феодосия, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международного литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»

Минута

Прячутся мальчики в старых книгах, в тусклых открытках "Восьмого ма..."
В пулях свинцовых, монетках, нитках. Как незаметно пришла зима!
Тащится туша пешком по лужам, палка о камни - скирлы-скирлы.
Ужин не нужен, и дом не нужен, разве в кровати считать углы,
Прятаться куклой под одеялом, гладить обои, скрести узор.

Стал отработанным матерьялом, шлаком, отходом, позор, позор!
Буки крадутся к забытой зыбке, серые волки падут на грудь.
Мальчик, ты слышишь? Играй на скрипке, выйди из тени, останься, будь!
Ты, шестилетний, с песком в кармане, видишь, твой мячик упал в Неву.
Ежели Таня тебя поманит - прячься от Тани, сиди во рву.
Вот тебе корка и сахар сладкий. Вот от отца полтора письма.
Вот от бабули чулок с заплаткой. Мама исчезла восьмого ма...
Ты уцелеешь. Забудешь голод. Вырастешь сильный и молодой.
Чуешь - в тебя прорастает город, серым гранитом, густой водой.
Скрипка останется в бывшей детской. Крошится желтая канифоль.
Мальчик, уже никуда не деться - только по нотам, на страх и боль.
Только минута и я не стану. Ты, шестилетний, живи пока -
Струнным квартетом, зерном каштана.
Камешком
В клапане
Рюкзачка...

От литературного обозревателя

Трудно было сдержаться в предыдущем комментарии: «Очень уверенный и продуманный текст. Вызвавший у меня пока самый сильный душевный отклик...».

Стихи, в которых нет ничего лишнего. Только уникальные и неотразимые детали. История, соединяющая времена не столь отдаленные, но иногда уже слабо душевно различимые. И не дающая им кануть в бездну памяти. Оставляющая неизменно в сердце. И повторяющаяся снова и снова. «Прячутся мальчики в старых книгах...», но «Как незаметно пришла зима!...».
Прошла жизнь и пришла старость, ее крайний рубеж:
*«Ужин не нужен, и дом не нужен, разве в кровати считать углы,
Прятаться куклой под одеялом, гладить обои, скрести узор.
Стал отработанным матерьялом, шлаком, отходом, позор, позор!».*
А детство еще совсем рядом на расстоянии протянутой руки!
*«Мальчик, ты слышишь? Играй на скрипке, выйди из тени, останься, будь!
Ты, шестилетний...».*
Накатывается беспощадное время:
*«Вот от отца полтора письма...
Вот от бабули чулок с заплаткой. Мама исчезла восьмого ма...».*
Кажется, все удалось преодолеть, повезло больше чем другим:
«Ты уцелеешь. Забудешь голод. Вырастешь сильный и молодой...».
Но ничего не остановишь и ничего не вернешь. Остается только вспоминать и наблюдать с далекого берега.
*«Скрипка останется в бывшей детской...
Мальчик, уже никуда не деться...».*
Последнее завещание (самому себе?):
«Только минута и я не стану. Ты, шестилетний, живи пока...».

И потрясающий образ:

«Камешком

В клапане

Рюкзака...».

Минута почти миновала, разве что осталось несколько секунд.

Нет слов, одни слезы...

И ведь автору надо было все так прочувствовать и так угадать.

Еще задолго до собственного конца.

Виктор Скоробогат, Москва, Россия

Финалист номинации «Поэзия» Международного литературной премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия-2017»

Гулливеры

Да поможет нам бог
в одиночку тащить корабли
по колена в воде,
без любви,
без надежды
и веры...
если мы до сих пор
удержать их канаты смогли –
это значит, что мы,
слава богу,
еще гулливеры.
И куда б ни забросил
с тобою нас Джонатан Свифт,
и куда б он ни вёл,
наши судьбы вконец перепутав –
у него во дворце
постоянно курсирует лифт
из страны великанов
и до страны лилипутов...
Не читая роман,
мы попали с тобой в переплёт,
и казалось бы – чушь,
но закручен сюжет не на шутку –
мы с тобой гулливеры,
и кто же теперь нас поймет:
я влюблён в великаншу,
а ты полюбил лилипутку!
И похоже, никак –
ни тебе и ни мне –

никому,
в вековую нетленку
вот так без согласия канув,
нам с тобой не обняться
в масштабе один к одному:
ты – в стране лилипутов,
а я – я в стране великанов...
Посему да поможет
Господь нам тащить корабли,
в одиночку тащить, без любви,
без надежды и веры...
Если мы до сих пор
удержать их канаты смогли –
это значит, что мы,
слава богу,
еще гулливеры!

От литературного обозревателя

Ранее было сказано: «Любовь устанавливает свои масштабы. И в жизни, и в творчестве».

И в соответствие с этой сентенцией:

*«Не читая роман,
мы попали с тобой в переплёт».*

*Так уж сложилось, что
«...в масштабе один к одному:
ты – в стране лилипутов,
а я – я в стране великанов...».*

*К тому же
«...постоянно курсирует лифт
из страны великанов
и до страны лилипутов...».*

Но автор не теряет оптимизма

*«...мы,
слава богу,
еще гулливеры!».*

И как хочется его поддержать в этой уверенности! Коллизия, однако...

ПРИЗЫ СИМПАТИИ УЧАСТНИКАМ КОНКУРСА

От членов жюри

Галина Булатова

- Евгений Иваницкий (Москва, Фрязино) - стихотворение "Попытка оглянуться" - *За попытку оглянуться и ощутить "дыхание Бога, дыханье любимой, движение жизни неизъяснимой"*

Лариса Морозова-Цырлина

- Елена Рышкова (Германия, Оффенбах на Майне) - стихотворение "На каждый февраль обязательно выпадет март" – *«За чувство слова, глубину и сдержанность»*

Анна Фуникова

- Олег Сешко (Белоруссия, Витебск) – стихотворение «Летчица» и др. - *«За силу и оригинальность мысли и слова»*

Елена Крадожен-Мазурова

- Олег Сешко (Белоруссия, Витебск) – стихотворение «Летчица» - *«За пронзительное чувство добра и справедливости, отражённое в родниковой воде поэзии»*

Юрий Бердан

- Смирягина Клавдия (Санкт-Петербург) – по оценке всего творчества - *"За глубокий лиризм и выразительную поэтическую интонацию"*

От литературного обозревателя (Владимир Гутковский)

- Любовь Колесник (Тверь) – стихотворение «Я снова буду» - *«За захватывающее поэтическое выражение полноты человеческого существования»*

- Олег Сешко (Белоруссия, Витебск) – стихотворение «Летчица» - *«За пронизательность и проникновенность поэтического текста, включившего в себя необычайно полную гамму чувств, свойственных всему живому»*

- Вероника Батхан (Крым, Феодосия) – стихотворение «Минута» - *«За запредельную эмоциональную насыщенность и неотразимое мастерство поэтического воплощения человеческой жизни во всем ее высоком и трагическом многообразии»*

От Учредителя (Ирина Царёва)

- **Босина Евгения** (Израиль, г.Нагария) – стихотворение «Когда придут большие холода» - *«За силу и красоту поэтического слова, рождающего трепетный душевный отклик»*

От оргкомитета «Пятой стихии» (Наталья Колесникова)

- **Данченко Елена** (Нидерланды, г.Зэйст) – стихотворение «Молитва» - *«За отодвигающие темноту» и открывающие дорогу свету поэтические строки»*

От «Избы-Читальни» (Валерий Белов)

- **Юрукин Юрий** (Германия, г.Вальшtedт)- стихотворение «Снова вечер меняет краски» – *За поэзию, в которой мир и чувства автора отражены «с маху... по-русски»*

Из 11 лауреатов в номинации «Приз симпатии» творчество 8 авторов уже представлено в сборнике.

Ниже – стихотворения еще трех участников, которых не дошли до завершающего этапа конкурса, но оставили след в памяти жюри, оргкомитета, учредителей.

Елена Данченко, Зэйст, Нидерланды

Лауреат приза симпатии оргкомитета «Пятой стихии»

Конкурсное произведение

Молитва

Отодвинь темноту, отодвинь
синей шторкой ли, лампочкой, свечкой,
огонёк, чей выпрастывал вечность
в виде рыбок глазастых янь-инь.
Чёрно-белых, не свет и не тьма...
Ну а если он в силах отринуть
темноту настоящую, вынуть

этот чёрный квадрат из ума?
Янь плюс инь – это птицы глубин
океанских, иль рыбки в полёте?
Отодвинь темноту, отодвинь,
чтоб они не погибли на взлёте.
Коль они в этой адской войне
так срослись плавниками упруго,
что – одним ограничились кругом
и премудрыми стали вдвойне.
Боже праведный, им помоги,
чтоб они понимали друг друга,
чтобы их не захлёстывал туго
белый вой из гортани пурги!
Из стервозной промозглости вынь
раму белую с чёрным квадратом.
Умоляю, не дай плагиату
разорвать круг из двух половин.
Отодвинь темноту, отодвинь,
прояви Божью суть и терпенье,
чтоб явилось и без промедленья
чудо света из двух половин!
...отодвинь темноту, отодвинь
.

Подборка стихотворений Елены Данченко

Я буду гидом

Не купленной, воскресшей – что за дело
до власти? – я уже не продалась,
и если власть имущих я задела,
прошу прощения, имеющие власть!
Уборщицей, укладчицею шпал,
бродягою, шоссе энтузиасткой,
хромой, босой, состарившейся, в маске
морщин (зато в отсутствие зеркал).
Хромой, босой, шершавые ступени
вслепую изучая наизусть,
как бабочка границы светотени
и как глагол пещеру сжатых уст,
я буду жить. Так тихо, как портниха,
с иголками-булавками в зубах,
а пошумлю , так только как шутиха,
сорящая вокруг веселый прах.
Я буду жить, изжившей все обиды,
и не одну переигравшей смерть.

...а в царствие теней я буду гидом
тем, кому выйти из него дано посметь.

* * *

Мне написал знакомый из Москвы:
«а если это чувство, дорогая?
Мне одиноко...» Ах, я понимаю,
но здесь жара и одолел москит.
Здесь островная жизнь. Здесь бытие
на уровне: пойти поесть куда бы?
Где посвежей лангуст, крупнее крабы?
Здесь рай, а значит, чувства все – враньё.
Любовь, она похоже, на века
и вся - заключена в пределах МКАДа,
Эксперимент на прочность в тиглях ада,
наряд всё с тех же дьявольских лекал.
Любовь – такие страшные дела,
что я отсюда не хочу смотреть на
убитую себя, назад столетье;
в московские кривые зеркала.

Телефонный разговор

Голландия - хорошая страна.
В ней есть для счастья всё – поля и реки.
Универсамы, полные навеки
еды, питья и прочего добра.

Есть люди, европейские вполне,
гуляющие с хондами* своими,
по тротуарам в хондовом говне
(наверно, демократии во имя).

Ты знаешь, я не верю больше в СМИ
и не хочу писать о негативе,
о том, как эти люди навредили
сами себе, а виноваты – мы.

Как в их глазах любой приезжий тут
есть недоумок или недоучка.
А потому заслуживает взбучки,
коль пол не трёт, а хочет в институт.

Да и вообще, сия страна в миру -
так вышло, что имеет мало места.

Куда уж нам! И без того здесь тесно.
Ты не такой (такая). Точка. ру.

Здесь надо перманентно делать вид,
что всё отлично, всё, как есть – в ажуре,
не то локальный прозорливый люд
на всю страну ославит, глаз не щуря.

Но я держусь. Всему своя пора.
Так надо сердцу, сжатому от горя,
ПОКОЯ. И спокойного пера,
уютя в доме, отдыха у моря.

И мне не стыдно своего хотеть!
Так просто было умереть когда-то.
Мы, перестройские бумажные солдаты,
жить не желая, принимали смерть.

Российский ад на ихний скучный «рай»
я, выбравшись из ада, не сменяла.
я просто выжила, а впрочем ты всё знала.
Теперь ты знаешь, что тут вовсе и не рай,

а край земли, окраина Европы.
Лоскут, распаханый до края, до конца.
Застроенный, закаканный, засса...
«читатель ждёт уж верно рифмы»: ...

Прости за грубость. Чем-нибудь помочь
мне трудно. Мне не дашь, увы, совета,
как мне прогнать о прошлом мысли прочь.
И на вопрос: за что? - не дашь ответа.

...Голландия. Такая же страна,
как прочие, не лучше и не хуже.
Когда сидишь в отечественной луже,
все страны кажутся получше, чем она.

Голландия. Европа. Материк.
Планета. Боже, неужели так же
езде? В подушку спрячем крик
и на троих помянем водкой павших.

Я – в Зэйсте. Ты в Москве нальёшь стакан.
В обледенелости российской душ не чуя,

нам любо, что одна поймёт другую.
А третья наша – русская тоска.

Елена Рышкова, Оффенбах на Майне, Германия

Лауреат приза симпатии члена жюри Ларисы Морозовой-Цырлиной

Конкурсное произведение

На каждый

На каждый февраль обязательно выпадет март
И будет прогноз, словно карточный долг неприятен,
За серым дождём занавески полощется старт,
Предчувствуя финиш в толпе атмосферных объятий.
Всё катится вдаль с ускорением прожитых лет,
Весенний азарт на подснежники кажется лишним,
И крестиком в небе висит боевой самолёт,
У Бога на шее качаясь всё дальше и выше.
Я жду пробужденья, каких-то несказанных слов,
Неизданных истин, а с ними пирог с ежевикой
Пускай и вчерашней, из прошлого века - прошло
То время, когда мне на утро являлся всевышний.
И благо прошло, да и весть не настолько мила,
Чтоб новый завет составлять для народа в избраньи,
Язык приустал в доказательствах - Бога нема,
Но есть это небо в моей украинской окраине.

Юрий Юрукин, Вальштедт, Германия

Лауреат приза симпатии МОО «Изда-читальня»

Конкурсное произведение

Снова вечер меняет краски

Снова вечер меняет краски,
Расплескавшись в реке зарёй
И как будто снимает маску,
Обнажая свой лик живой.

По просторам поёт уныло
Песнь свою в предзакатный час,
Словно вечность сама застыла
В половодье цыганских глаз.

На полях прослезившись тало,
Всему свету несёт покой.
Даже солнце вздохнув устало,
Поспешило за шар земной.

Замер мир в красоте нетленной...
Отведя горизонта гладь,
Человек на краю вселенной
Вновь стремится её объять

И кивком непокорным с маха
С глаз откинув туманов прядь,
Рвёт по-русски с груди рубаху,
Чтобы слову свободу дать.

Подборка стихотворений Юрия Юрукина

Дожди

За окошком дожди и дожди.
Плачет небо всю ночь напролёт.
Вот уже и ноябрь позади,
А зима всё никак не придёт.

На термометре осень - плюс семь,
Лишь под утро чуть ниже нуля.
Плачет грустно за домом плетень
И дрожат на ветру тополя.

На стене облетает листвой,
Исхудавший на нет календарь.
Снова нет тебя рядом со мной,
И на сердце лишь сырость и хмарь.

За окошком дожди и дожди.
Ветер бесится, душу знобя.
И ещё один год позади...
И ещё одна жизнь без тебя.

Саур-Моида

На Саур-Моида снег рыхлится, тая.
Облака беззвучно тянутся вдали.
Здесь ещё недавно, взыв звериной стаей,
Шли, сметая жизни, смертные бои.

Спит курган суровый, лишь вздохнёт порою.
Деревянным строем свежие кресты,
А под ними рдеют, обнявшись с землёю,
Капельками крови алые цветы.

Ветры приутихли, нагулявшись в поле.
Спят степные дали, тайнами полны.
Льётся где-то песня, вырвавшись на волю,
Словно отголосок той, большой войны.

"Давай закурим, товарищ, по одной.
Давай закурим, товарищ мой."

Вот и снова зима

Вот и снова зима нам рисует на окнах узоры.
Ветер снег закружил, разметая сомнения прочь.
Мне с тобой хорошо. Сквозь прозрачно-хрустальные шторы
Улыбается нам нежным веером звёздная ночь.

Нам уютно вдвоём. Чуть касаясь друг друга руками,
Молча пьём тишину, словно тёплый ромашковый чай.
Я тебе расскажу, как мечтал, ожидая веками,
Встретить трепетный взгляд, чтобы в нём утонуть невзначай.

Будто два ручейка, в поцелуе мучительно томном,
Мы сольёмся в одно, позабыв про мирские дела.
Где-то в недрах души прозвучит надорвавшимся стоном
Звон гитарной струны, раздевая сердца догола.

Вот и снова зима нам поёт вьюжный блюз полусонно.
Снег кружит и кружит, мысли рыхлым сугробом примяв.
В этом мире смешном и таком несуразно огромном
Мы с тобой две мечты, вдруг неожиданно обретшие явь.

Орден

Стонет в поле рябина, словно плачет навзрыд.
В изголовье у сына мать седая не спит.

Скрипнув ножками стула, провела по щеке.
Что-то тускло блеснуло в её слабой руке.

Лист багрово в аккорде за окном закружил.
- Посмотри-ка, тут орден. Это твой, заслужил.
Месяц яростно-светел всполохнул, как в огне.
Ничего не ответил, отвернувшись к стене.

Взвыл бы волком-подранком, только не было сил.
- Принеси, мать, тальянку, - тихо вдруг попросил.
Мать уткнулась в платочек, пряча горечь-слезу.
- Да конечно, сыночек. Принесу, принесу.

Небо враз потемнело. Замер плёс у ракет.
Ведь всего-то пол тела на кровати лежит.
Ведь всего-то пол сына ей вернули домой
Даже садик у тына почернел той весной...

Жирный палец на карте. Допивая Bordeaux*,
Кто-то бросил в азарте в мясорубку АТО
Недопетые песни, не испытанные сны.
Хлопцы шли в неизвестность, не заметив весны.

Словно молнией взрезав, стыла ярость в глазах.
Полыхало железо в иловых котлах,
Степь горела, стена, на курганах седых,
Судьбы в пепел сжигая пацанов молодых.

Души в прах повергая, бог войны ликовал.
Зря парнишка безусый, на святых уповал...
Под иконкой в селенье на излучке реки
Молит мать о прощенье за чужие грехи.

*Bordeaux - Бордо (французский сорт вина)

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ВЫХОД В ФИНАЛ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

Виктория Бурцева, Москва, Россия.

От литературного обозревателя

Текст смиренный, но не смиряющийся. И это правильно.

Цитата в тему конкурса: «Ты прости меня ради жизни, утекающей через край!...»

Прощеное воскресенье

Памяти Станислава Золотцева
Достопамятное преданье
Различно в пыли веков,
Как монашеское дыханье
На страницах патериков:

Брату брат поклонялся в ноги
На пороге монастыря,
"Ты прости меня ради Бога!" -
В сокрушении говоря.

Шли пустыnnики, с коркой хлеба
Целый мир унося в горсти
В край, где дюны целуют небо
И песком шелестят: "Прости!.."

Быть прощённым - такое счастье!
Шелест мантии - крыльев плеск.
Каждый третий не возвращался
Пасху праздновать на земле...

В наших узких душевных кельях
Не монашеский дух живёт,
Только русскому сердцу цельно
Полюбился обычай тот -

Повиниться, чтобы простили.
Что злопамятство? - Мелкота.
Испытующий взгляд пустыни
Можно выдержать только так.

В наготе самоукоризны
Я глотаю солёный рай:
"Ты прости меня ради жизни,
Утекающей через край!"

И немею: вчерашний недруг
Благодарно в ответ поник -
И пустыня бывает щедрой,
Если в недрах таит родник.

Комарики

Д*Ж*

Вечерами в эти лётные дали,
В эти северные выси без сна
Комариной неизбывной печали
Упирается тугая струна.

Облачённая таинственной свитой
В эфемерный горностаевый плащ,
Я иду, сопровождаема сюитой,
Переигранной в безудержный плач.

Величаюсь горделивой осанкой -
Точно манией величья больна! -
Уклоняюсь от объятий росянки
К пухлым коврикам кукушкина льна.

На сквозном ветру зудящей тростинкой
Зубы ломит и за сердце берёт
Вдохновение жалейки с волынкой -
Голос плакальщиков гиблых болот.

А когда, моей напоенный кровью,
Поезд свадебный срывается в путь
И клубится над твоим изголовьем,
Песня крови возбуждает уснуть.

Провозившись до рассвета мишенью,
Ты уверишься, что цель высока,
И отпущенницу кровосмешенья
Не поднимется прихлопнуть рука:

Это я к тобой подаренной воле
Комариною царицей лечу;
К этой заводи и к этому полю
Не измеришь ты болезненных чувств

Высотой ноты в каждой кровинке,
Слюдяным крылом поблёкшей вдали,
Глубиной нашей русской глубинки -
Терпеливейшей к укусам земли.

Соломенное счастье

У плетня, вдова соломенна,
За воротами стою,

Затвердила до оскомины
Всю-то волюшку твою.

Вполнеба бушует зарево -
Вот бы кто сейчас позвал
Зоревать... да не позарился
На чужой-то сеновал.

Выпадает счастье ломкое -
Светлячковая роса,
Золотистой соломкою
Застревая в волосах.

Где проходишь королевствами -
Претывается нога,
А в полях за перелесками -
Всё стога, стога, стога...

Чтобы встретили солонкою
С рушником в ином краю,
Я бы выстлала соломкою
Всю дороженьку твою.

Елена Копытова, Рига, Латвия

От литературного обозревателя

*Лаконичный текст, в котором авторский взгляд точен и проникновенен.
Заслуживает внимания.*

*Цитата в тему конкурса: «Ты – замысел, который просто НЕ... пока ещё,
который может сбыться»*

Замысел

Стрекочут стрелки, и шаги пылят.
Задуматься: «А что же там – в основе?»,
пересчитать по осени цыплят,
осокой слов пораниться до крови,
сказать: «Люблю!», дрожа на простыне,
поймать – не журавля, хотя б – синицу...

Ты – замысел, который просто НЕ...
пока ещё, который может сбыться.

И дождь тебя смывает со стекла.

И музыку из треснувшего блюда
под утро цедит сонная пчела.
И мир хорош – настолько, чтоб вернуться.

О золотой рыбке

Сверкнула осень рыжим плавником,
нырнула в голубое молоко
и сгнула в небесной «шайке-лейке».
Чуть ниже – блиндажами – гаражи,
на стенке накарябано "Цой жив!"
И у "хрущёвок" – бабки на скамейках.
И голуби заводят чехарду,
как будто по весне не наигрались...
Но гонит ветер эту лабуду,
плевать ему на наши пасторали!
Он раздражённо каркает: "пор-ра!"
и катится в свое позавчера.

И мир прозрачен – весь, как "дважды два".
Но небо! – Хоть цеди его из блюда.
И, Боже мой, такая синева,
что впору очуметь и не очнуться!

Скорей домой! – Туда, где шелест книг,
коньяк и кофе – большего не надо.
Эйнштейн с десктопа высунет язык.
Я разделю с ним плитку шоколада.
Пусть он не хочет главного сказать...
(а если бы сказал, то что ответить?)
Мы будем так сидеть – глаза в глаза,
играя в переглядки, точно дети.

И не о чем как будто говорить...
Пойти во двор, где вечность прорастает
в земное? Просто молча покурить...
Была ли осень – рыбка золотая?

Пан Митя

Закат душист и спел. Степное лето вянет.
И август, отзвучав, дрожит на волоске.
И обрусевший «пан» играет на баяне
в пропахшем чабрецом приволжском городке.

Суббота. Банный дух, настоянный на травах.
И музыкой живой душа облучена.
По клавишам бежит далёкая Варшава.
Выходит на крыльцо любимая жена.

– Матёуш... Митя! – ей так проще и привычней.
И карий мёд – в глазах. И вишнями – уста...
Она ведь для него – всё та же Беатриче.
(Неважно, сколько лет!)
И дай ей, Бог, – до ста.

...По-русски тосковать – безудержно и долго.
Тоска на польский лад – забытое вчера.
Разлился Полонез Огинского над Волгой.
(Пан снова не уснёт до самого утра).

Стрекочет саранча. Алеет солнце маком.
И музыка, как свет, идущий изнутри.
А пана не жалеи, ведь здесь – его Итака.
Суббота. Слобода. Вот-вот засентябрит.

Виктория Левина, Ришон Лецион, Израиль

От литературного обозревателя

Эмоциональный текст о высоком содружестве муз, безусловно, заслуживает уважения.

Цитата в тему конкурса: «после ночи навзрыд, когда счёты с земным сведены...»

Я, как он, - напишу про окружность...

После спектакля, где Михаил Барышников читал и "танцевал" 50 стихотворений своего друга Иосифа Бродского 22-го января 2016-го года в городе Тель-Авив - Яффо.

Он стихи танцевал, как танцуют последнее танго, -
после ночи навзрыд, когда счёты с земным сведены...
Стая книжных страниц, высотой заоблачной планки,
танцевала, да так, что исподние были видны!

Белый стул танцевал, испомаженный кремом для тела,
и являл сухожилья кентавра, где было дано...
И открытого рта фуэте прямо в космос летело! –
по-неомому, безгласно, как мим в чёрно-белом кино.

Замыканья щитка, как нейроны у публики в зале,
порождали разряд (и как следствие - взрыв и испуг!).
Провода оголённые боль и тоску танцевали,
что в запасе у гения были, как ром и мундштук.

Тренированным телом и мускулом выпуклым каждым
танцевал Тель-Авив на стихи о простуженных днях,
о простом одиночестве в небо идущих отважных,
кто стихи танцевал, кто парил на крылатых конях.

И остатки заплаканной обескураженной воли
на ступеньках, на выходе, вместе в пучок соберу, -
танцевали стихи моей собственной прожитой доли...
Я, как он, - напишу про окружность - и тихо умру.

У меня межсезонье...

У меня межсезонье. Как птица,
навигацией снятая с мест, -
моё сердце в пределы стремится
опрокинутой чаши небес!

Опрокинуты воля и мысли, -
всё лететь бы куда-то, лететь...
И не важно, что тучи нависли,
и не страшно в грозу умереть!

Я, как птица, - приказана лёту,
как рожденью приказана смерть...
Безраздельно присвоена квота
мне куда-то стремиться и - сметь!

У меня межсезонье. Трепещут
руки-крылья, предчувствуя высь...
И зазывными далями блещут
расстояния. Сердце, уймись!

Я о том переулке...

Я о том переулке, где пахло горелыми листьями,
что сжигались в преддверье зимы на ноябрьских кострах.
Хулиганское, светлое детство мазками искристыми
воскрешаю и помню, пока не рассыпалось в прах...

Пока жизнь, что клубится озоном тропическим плазменным,
не развеяла в памяти тоненький дым из трубы,

а на летнем дворе, пересытившись зноем и праздником, -
как мы вялили рыбу и как мы солили грибы.

Вспоминай меня, двор! Понастроены новые здания
там, где мамины мальвы на клумбах садовых цвели.
Здесь кружил-проникал в лабиринты мембран обоняния
насыщающий запах украинской чёрной земли!

Я - пацанка. Я центр той вселенной, что зреет в зародыше:
ноги босы и сбиты колени, в шелковице рот.
И зовут меня смачно "бандиткой" и Витькой - "поскрёбышем",
и душа моя юная громко под вишней поёт!

Как взрывалась сирень после первого майского тёплышка,
и парил в переулке парфюм её, сладок и густ!
В том дворе до сих пор сохранилось "секретное" стёклышко, -
как душа у Кашея, зарыто под розовый куст.

Геннадий Миронов (Петраков), Санкт-Петербург, Россия

От литературного обозревателя

Текст лаконичный (что является несомненным его достоинством). Но даже при таком скромном объеме автору не всегда удается удержаться в нем на равно высоком уровне.

Цитата в тему конкурса: «Зажигаются звёзды и рождаются души из умной икры...».

MAGISTER LUDI

Фараон не успел закрепить свой успех, –
Он ушёл слишком рано.
Смерть поставила точку и в этой судьбе,
Как магистр, филигранно.

Очевидно, что ей проиграет любой.
Грозен Промысел Божий:
И титаны и люди пойдут на убой,
Прахом прах припорошит...

Создаются миры для Священной Игры,
Зажигаются звёзды

И рождаются души из умной икры,
Чтобы плыть на погосты.

Милосердие

Живи не для себя, а для других,
для ближних или дальних, Христа ради,
избрав себе благую роль слуги,
и будешь средь светил в Небесном Граде.

Взгляни на бедных брошенных детей,
приди к ним в бесприютные приюты,
растущим в растлевающей среде,
где хамы процветают и иуды.

Взгляни на одиноких стариков,
они на склоне дней почти как дети.
Кто предоставит им надёжный кров?
Кто им поможет выжить в лихолетье?

Всем людям обездоленным служи
по-христиански, честно, бескорыстно,
чтоб свет твоей болеющей души
и ныне согревал сердца, и присно.

Божественные интенции

*«Христиане не различаются от прочих людей
ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями...»
(по мотивам «Послания к Диогнету», главы V и VI,
автор неизвестен)*

О сколько христиан живёт в земном чертоге,
благовествующих, с молитвой на устах!
Как и язычники, они порой жестоки.
Как и язычникам, им ведом смерти страх.

Они такие же, как все, в питье и пище,
культуре и быту, манерах и речах.
Как Иисус Христос был нищим среди нищих,
так и они скромны в одежде и вещах.

Во всём участвуя, живут и умирают
в отечестве своём как граждане его,
хотя на всякое отечество взирают,
как на чужбину, где до рая далеко.

В каких бы городах они ни обитали,
в каких бы ни были учения сильны,
их взорам явлены заоблачные дали,
их мысли в Небеса к Отцу устремлены.

Они всегда бедны. Христос был тоже беден.
Богатства раздают. Зачем им здесь дворцы?
Они бесхитростны и кротки, точно дети.
Бог даст за нищету им царские венцы.

И повинуются любым законам мира,
но превосходят их, стараясь жить в любви.
Сопротивляются насилию не силой,
а словом истины, животворясь в крови.

На них злословят, а они благословляют,
почтеньем воздают за все плевки и яд.
И прославляются и Бога прославляют,
хотя клеветники бесчестьем их клеймят.

И, как злодеев, их наказывают власти
за добрые дела в тени позорных стен.
Но преисполнены они в любой напасти
пасхальной радости о жизни во Христе.

Вступив в церковный брак, они детей рожают,
несут совместно крест до роковой черты, –
как граждане Небес за грешных чад страдают,
а если те умрут, то ставят им кресты †

Но Царству Божьему страшнее нет измены,
чем если на Петра восстанет Иоанн,
когда войной идут, как на иноплеменных,
когорты христиан на толпы христиан...

Душа заключена во плоть, как бы в темницу.
И этот смертный кров ей суждено любить.
Но грешной хочется, переступив границу,
попасть в нетленный мир и Сущему служить.

Что в теле есть душа, то в мире – христиане.
Их суть надмирна – вне космических границ.
При видимости тел невидимо сиянье
богопочтения, оно внутри глазниц.

Но христиан любить не хочет мир подлунный,
что в удовольствиях и похоти погряз. –

страшится смерти он и слов Христа в День Судный,
когда пойдут в огонь все мерзости и грязь.

А христианам всех любить дано от Бога,
и даже таковых, кто ненавидит их,
кто Слово оскорблял и бичевал жестоко,
кто выносил Ему неправедный вердикт.

Его ученики при всякой божьей власти
с достоинством живут и ожидают смерть,
и умножаются числом, претерпевая страсти,
как будто силу им даёт, бичуя, плеть.

Кто исповедает Христа, среди народов
хваля и славя всей душой Благою весть,
того прославит Бог – Отец небесных сводов
и пажитей земных – Господь всего, что есть!

Сергей Смирнов, Кингисепп, Россия

От литературного обозревателя

*Характеристику ЛГ (лирического героя) текста «я, наивный, неискушённый»
вполне можно отнести и к самому тексту.*

*Цитата в тему конкурса: «пред ликом Твоим, как пред совестью,
обнажённый».*

Письмо небесному Отцу

Отец всемогущий мой, сущий на небесах,
сегодня стою я, наивный, неискушённый,
с тетрадкой в руках и вечерней росой в глазах
пред ликом Твоим, как пред совестью, обнажённый.
Зачем же писать мне посланье Тебе в тетрадь,
просить вящих милостей в суетном мире всеу?
Ты ведаешь всё, и минут на меня не трать,
а если подашь от щедрот Твоих – не спасую.
Живу я ни шатко, ни валко, ни горячо,
а Ты с основанья времён не любил прохладных,

хожу, перекинувши сумку через плечо,
и сумму грехов на костяшках считаю ладно.
Молюсь, хлеб жую, пью вино и пытаю суть,
порой мелочишкой делюсь с неказистым нищим,
а в храме бываю не часто, не обессудь:
для праздной души оправданий найдутся тыщи.
Ну вот, получились стихи на манер письма,
но почта Твоя переполнена нынче ими...
Душа пусть летит, пусть плечо тяготит сума,
даждь хлеб мне насущный, Твоё да святится имя!

На полночном перегоне

На одной пречистой ноте
паровозик по полям
тянет нудную работу,
тянет с горем пополам
сам себя, пяток вагонов,
машиниста, суп с котом —
на полночном перегоне,
на маршруте непростом.
И в любое время года
как виденье, как мираж
он в движение приводит
окружающий пейзаж.
Он выводит чёрной сажей
на замызанном окне
объявление о пропаже —
и вполне понятно мне,
что упало, что пропало,
что водою пролилось,
что бежит за ним по шпалам,
затаив под сердцем злость.
Он пыхтит, скрипит устало,
тяжело дымит трубой.
Этим стареньким составом
едем в утро мы с тобой.

Под осень

Мы лето красное пропели,
по краю крыш протанцевав,
мы всё над виршами корпели,
играли в мудрые слова.

Ты гнал гусей по стогнам Рима,
я божиих коровок пас,
пока неслышно и незримо
к нам подходил медовый Спас.

Ты стал полковником запаса,
я до сержанта дослужил,
под сенью яблочного Спаса
катрены осени сложил.

Пускай же нас теперь утешат,
залив и даже завалив,
и мёд густейший августейший,
и сочный яблока налив.

Илья Криштул, Москва, Россия

От литературного обозревателя

Автор пишет «Всегда пути искал попроще я...». Вот и текст получился примерно в таком же стиле.

Цитата в тему конкурса: «Хотел пройти по жизни берегом, но нет у жизни берегов...».

* * *

...Хотел пройти по жизни берегом,
Чтоб капли не грязнили брюк...
Мечтал открыть свою Америку,
Открыть, но не испачкать рук.

Хотел пройти по жизни радугой...
Сладка, беспечна, весела,
Текла бы жизнь моя, как патока,
И я бы в ней не видел зла...

Хотел пройти по жизни рощею,
Тропою тихой меж берёз...
Всегда пути искал попроще я,
Пути, далёкие от гроз...

Хотел пройти по жизни радугой,
Хотел пройти по жизни берегом...
Хотел весь мир собой обрадовать,
Хотел, что б мир в меня уверовал...

И вот стою, тем миром брошенный,
Перед началом всех начал...
Хотел пройти по жизни рощею,
Да по дороге заплутал.

Не открывал свою Америку,
Хороших не писал стихов...
Хотел пройти по жизни берегом,
Но нет у жизни берегов...

* * *

Не знаю, что мне суждено -
Жизнь жалит осами
И путь мой выстлан уж давно
Увы, не розами.
Приют последний я видал,
С чёрной оградой...
Молюсь Тебе, что б он не стал
Моей наградой.
Молюсь Тебе – не жить в тоске,
Как нищий пьяница...
Молю Тебя, что б было с кем
Просто состариться.
И что б наградой мне была
За жала осовы
Лишь та, которая ушла -
Светловолосая...
Что б мог бродить я по росе
С той, кто мне нравится
И с ней прийти туда, где все
Пути кончаются.
И где живые образа гуляют в вечности,
Я буду лишь смотреть в глаза – до бесконечности...

* * *

Как боюсь я тебе надоесть,
Как боюсь оказаться ненужным,
И однажды напротив присесть,
И поймать твой взгляд равнодушный.

Как боюсь я тебя потерять...
В плену папиросного дыма
Проснуться и вдруг понять,
Что ты любишь и ты любима.

Но, увы, не меня и не мною,
Что, увы, я любовь обронил...
Где-то в жизни, летом, зимою,
Потерял её, позабыл...

Как боюсь я тебя разгадать,
Все разгадки обычно унылы...
Открыть книгу и прочитать,
Что не ангел ты мой белокрылый...

Как боюсь я тебя разлюбить
И остаться с пустою душою...
И в вине пустоту утопить,
Запивая вино пустотою...

Как боюсь я тебя разгадать!
Как боюсь я тебя разлюбить...
Своё бросить, чужое забрать
И с этим чужим потом – жить...

И с этим чужим умереть,
Сполна за ошибки ответив...
И издали грустно смотреть,
Как ходишь ты по планете...

Ирина Гумыркина, Алматы, Казахстан

От литературного обозревателя

Удовлетворительное понимание и такое же исполнение.

Цитата в тему конкурса: «Вопросов нет ни к богу, ни к себе, ни к чёрному на белом многоточию».

* * *

Вопросов нет ни к богу, ни к себе,
Ни к чёрному оконному проёму,
Что манит совершить побег
И пасть в объятья вязкой вечной комы,
Увидеть снов невидимое дно,
Где в стаи собираются кошмары.
Их кормят светом, вознося огонь,
Больные птицы.

Очертанья рамы
Всё чётче прорисовывает мгла.
Внутри темно и холодно снаружи.
И птицы бьются в тонкий лёд стекла,
Ломая тишину, хрипят натужно.
Когда уйдём — они вернуться к нам
В глубоких снах, чтоб рассказать о чём-то
На языке неведомом, к словам
Цепляя запятые.

Время стёрто,
Как на бумаге карандашный след.
И всё забылось, что случилось ночью.
Вопросов нет ни к богу, ни к себе,
Ни к чёрному на белом многоточию.

* * *

Мы выходим из материнских коконов
Нелюбимыми да одинокими,
Словно бабочки однодневные,
К солнцу тянемся и не ведаем,
Что летать высоко не можем мы.

Так рождаются безнадёжными —
С животами уже бездетными.
А когда за окном безветрие,
Пишут письма в пустоты ящиков.
Только нужного не обрящем мы:
Счастье наше — на подоконниках,
О котором не пишут в сонниках,
В гороскопах журналов глянцевого.

Эта жизнь — маета да странствие
От порога к порогу сбитому.
Тишина за дверьми закрытыми
Так звенит, что оглохнешь, ежели
Не отступишься.

Где же, где же вы,
Золотые да сердцу милые,
Кто над нашими над могилами
Ни о чём не захочет спрашивать?

Нам бы света, да будем скрашивать
Однотонные дни белёдые.
Нам бы веры. Да мы с вопросами.

* * *

Н.К.

Зарастает гречихой птичьей вишнёвый сад,
Улетели последние птахи на крайний юг.
Почерневшие гнёзда на голых ветвях висят,
Никого не теряют и никого не ждут.

Вот бы нам научиться не ждать ничего, нигде,
На холмы не ходить, у подножия цветы не класть.
Без корней всё равно не прорасти к воде,
И стеблями пожухлыми ей не напиться всласть.

Привыкаем сквозь окна смотреть в одичалый сад,
Вспоминая, как тени пили звенящий зной.
Мы смирились, что птицы не прилетят назад
Ни сегодня, ни завтра, ни следующей весной:

Слишком долог их путь — не успеют вернуться в срок.
Даже если иначе — они не узнают нас.
Потому что давно в нас молчит безъязыкий бог,
И фонарь у калитки ржавой в саду погас.

Светлана Кузьмина, Хотьково Московской области, Россия

От литературного обозревателя

Сложное через простое, вечное через преходящее. Похоже, автор - зрелый поэт. Это чувствуется.

Цитата в тему конкурса: «И смотрит на неё с иконы Тот, кого она искать не захотела»

* * *

Врачи не боги, боги – не врачи...
И только стены – стены.(Знаю точно.)
Часами ищет бабушка ключи
В пыли своей хибары шлакоблочной,
Забывтой всеми. В четырех стенах.
В компании торшера и кровати.

Они молчат, но помнят имена,
Она – давно не знает, как назвать их.
Всё ищет. Ищет. То, не знаю что.
Все меньше тень изношенного тела...
И смотрит на неё с иконы Тот,
Кого она искать не захотела.

* * *

ПОЭЗИЯ... Слова на дыбе чувств?
Проклятие любой бессонной ночи?
Затравленной волчицею мечусь
В кругу обыкновенных многоточий,
И то и дело рвутся нервы строк
В моей душе. Она немеет сразу...
ПОЭЗИЯ... Распутье без дорог.
Безумие, рождающее разум.

* * *

Толстобрюхая рыба сыта,
Шевеля плавниками лениво
Наслаждается тенью куста,
Изучая поверхность залива.
В бирюзовых глазах рыбака
Отражается эта картина...
А вверху - облака. Облака-
Всенебесная белая тина,
Проплывающая не спеша,
Исчезая за кронами где-то...
Как же здесь отдыхает душа.
Как же тихо кончается лето.

Елена Крикливец, Витебск, Беларусь

От литературного обозревателя

Поэт о поэте. Здесь нужны единственно, самые точные слова. Пока не всегда получается.

Цитата в тему конкурса: «бинтуя изувеченные души, сорвавшиеся с горнего пути»

* * *

Светились очи – лики, а не лица.
Клубились рифмы, едкие, как дым.

От пастуха в кошаре не укрыться —
судьба приходит в срок и за своим.

Вздыхает, утомленная дорогой,
и смотрит, чьи-то вирши бормоча,
как жертва, уготованная Богу,
резвится на глазах у палача.

Стучит в окно рассохшейся клюкою —
и вот ни петь, ни быть уже невмочь...
И ждут они не истины — покоя,
как в бездну, глядя в угольную ночь,

где месяц, будто яблоко, надкушен,
где прошлое без времени гостит,
бинтуя изувеченные души,
сорвавшиеся с горного пути.

Захлопнется ловушка ли? Калитка?
Слова уйдут, подметками пыли.
Безмолвие. Ни строчки. Ни молитвы.
Вечерний час. Елабуга. Петля.

* * *

Часы не остановятся, когда
среди июльской терпкости полынной
осина у чернильного пруда
засмотрится в студеные глубины.

Так женщина начало октября
предсказывая, словно ворожея,
однажды утром взглянет на себя,
да только не узнает отраженья.

И отойдет от зеркала в сердцах,
когда поймет — и сделается строже, —
что паутинку липкую с лица
она смахнуть, как в юности, не может.

И больше не поверит докторам.
В шкафу отыщет кофту потеплее...
И забелеет вата между рам
от зазимков до мартовской капели.

...Дрожит на ветке сморщенный листок.
Сплетает время свой широкий невод.

И выцветает синий лоскуток
остывшего октябрьского неба.

* * *

Посмотри, как дрожит этот лист на березовой ветке.
Полпути до зимы нам отмерят вот-вот Покрова.
Прорастает тоска, словно детство из песен советских,
и сбиваются в стаи бескрылые прежде слова.

Улетают к теплу облака, журавли, паутина —
неизбежный исход накануне больших холодов.
Пусть для всех моисеев найдется своя палестина.
Нам достанет юдоли и вне гефсиманских садов.

Журавлиное эхо в озябшие заводи канет...
Проплывут над рекой непрожитых столетий клубы,
там, где Пушкинский мост обреченно бряцает замками
и рискует прогнуться под тяжестью чьей-то судьбы.

Посмотри: этот город из ветра и времени соткан.
Нам подсыпала осень в карманы звенящих денег.
Обнаженная ветка скребется в закрытые окна.
Я держу тебя за руку крепче, чем можно держать.

Юлия Долгановских, Екатеринбург, Россия

От литературного обозревателя

Могучий текст. (Хотя и хорошо известный). И тоже требующий подробного анализа. Надеюсь на встречу в финале.

Цитата в тему конкурса: «...Открывается дверь, за которой раскинулся лес Иггдрасиль. Ты начинаешь петь»

Иггдрасиль

В час недобрый, когда с головой накрывает упадок сил,
с недостижимой для взгляда кроны дерева Иггдрасиль
срывается птица, царапает воздух, садится тебе на плечо —
и начинает петь.

Если птичий язык распознал как родной — ты, увы, обречён.
Обречён молчать во веки веков и владеть ключом.
Молчать, даже если тянулся к небу, но пальцы попали в гниль
и на спину обрушилась плеть.

Птица, клюв наклонив, пропоёт, что Земля — это ком,
ком налипшей земли на корнях, что укрыты песком,
ствол томится в волнах, что дают свою зелень листве —
в ней покоится шар золотой.

В этом мироустройстве таится печальный ответ —
то, что мы испокон принимали за солнечный свет,
есть лишь сон, ибо тьма поутру распускается хищным цветком,
обволакивая слепотой.

Видят люди во сне, что летят над Землёй высоко,
что идти и бежать, и дышать — широко и легко,
дети видят во сне, что по дереву лезут вверх
и сидят на тяжёлых ветвях.

Рыбы спят — видят сны, как выпрыгивают из рек
и скользят в облаках, где идёт и бежит человек,
человек забирает руками, плывёт на восток,
обжигаясь о шар второпях.

Мрак дневной убивает живое — и множится гниль.
Каждый погибший становится семенем Иггдрасиль.
Вырастают деревья. Шатаясь, к плечу плечо,
из корней выплывают сеть.

Мой язык распознал как родной? Знай, что ты обречён.
Обречён молчать во веки веков и владеть ключом.
...Открывается дверь, за которой раскинулся лес Иггдрасиль.
Ты начинаешь петь.

Смерть медведя

Зов шатуна весною недалёк —
уже не рёв, ещё не стон глубинный —
зверь, обесшерстевший наполовину,
наполовину мёртв. А мотылёк
парит — зачинщик травяного праха —
дрожит его зелёная рубаха,
ей сносу нет, но к ночи выйдет срок.

Шатун умолк, бредёт — уже не шаг,
ещё не смерть, но близко, близко, близко,
вот мотылёк зигзагом входит в изгарь —
торфяники горят? — и видит мрак.
Пытаясь выплыть, вязнет глубже, глубже —

идёт на дно. Медведь ступает в лужу —
и давит мотылька... Глухой овраг,

запорошённый снегом, ночь, метель —
уже зима, ещё звезда не встала —
оледенелым абрисом оскала
любуется луна. И колыбель
свивает тело зверя, словно сына —
усни! — так принимает крестовина
в свои тиски рождественскую ель.

Трое

Просыпается ночью ребёнок — холодно и темно,
словно в космосе неосвоенном.
— В космосе страшно,
он большой, а я маленький, —
думает мальчик, но
в космос всплывает мама, тёплая и домашняя.

Мальчик спит.
Окружает комнату тишина
и часы на стене молчат — видно, кончилась батарейка.
Женщина думает:
— Я у сына одна,
если вдруг замолчу, то с ним..?

Страх залепляет клейкой
лентой рот, и почти невозможно дышать —
ищет женщина в темноте и находит Бога.
— Он большой, а я маленькая, — думает мать, —
он меня защитит.

Уплывает тревога.
Засыпает женщина, а вокруг тишина —
во сто крат тишиной, чем обычно бывает ночами.
Бог печалится:
— Что будет с ней, если я дотемна
буду занят другими?

Зябко поводит плечами —
всё же холодно нынче в космосе! — смотрит через плечо,
напрягает глаза — мамы нет и давно уже не бывает
за спиной у Бога.
И в груди становится горячо.

— Я хочу быть маленьким.
Закрывает глаза. Засыпает.

Сергей Востриков, Воронеж, Россия.

От литературного обозревателя

Исторические параллели в этом тексте неплохо прослежены и довольно удачно скомпонованы.

Цитата в тему конкурса: «Огнём крестить, мечом докрещивать»

Чересполосица

Кому дано, с того и спросится,
Тут даже к бабке не ходи.
Вся наша жизнь — чересполосица
С неясной целью впереди.

Нас из огня бросает в полымя,
А мы всё тенью на плетень.
Так, дань отдавший сизым голубем,
Дотла сожжен Искоростень.

Огнём крестить, мечом докрещивать:
Не с нами кто — тот против нас.
Из золоченых светом трещинок
Слезой кровит иконостас.

Лишь миг между войной и теменью
Всё ждём-пождём благую весть.
Люты Малюты по безвременью,
Но и на них управа есть.

Из века в век, как ни раскрашивай,
Кружится смут веретено.
И если Бог с тебя так спрашивал,
То сколько ж, Русь, тебе дано?

И хохочет колокольчик

Фатализм Экклезиаста поделив на свой авось,
Божий промысел рулеткой перемерив,
Мы вращаем по фэн-шую под углом земную ось

И в астрал с носка распахируем двери.

Нам гадания без толку - ни к чему знать наперёд -
Где, когда, кого настигнет волчья стая.
Ведь всё так же в час урочный наше солнышко встаёт,
И хохочет колокольчик - дар Валдая.

Эта точка на карте...

Эта точка на карте
не город, приятель, а крап.
В этой сборной колоде
такие на каждой второй.
Ты уверен на старте
и вроде в коленках не слаб,
но мечта о свободе
затянет нелепой игрой.

И в безумии страсти,
уоставшим чертям вопреки,
ты хватаешь колоду,
опять покупаешь билет...
Вновь тасуются масти,
проливы и материки.
С каждым новым заходом
надежней теряется след.

С каждой новой раздачей
всё дальше дорога домой,
где червовая дама
давно проглядела глаза.
Ну, а ты наудачу
шагаешь упрямо за той,
что не ведает срама
и прячет в кармане туза.

Татьяна Парсанова, Наро-Фоминск Моск. области, Россия

От литературного обозревателя

Похоже, тема конкурса этого сезона так удачно определена, что сюда с самых разных краев слетаются, как птички на долгожданный прикорм, очень достойные тексты.

Цитата в тему конкурса: «Гостьей долгожданной Смерть вошла. Тридцать зим ждала старуха встречи. Тридцать безнадежных лет ждала».

Мать

Кто она, и как тогда всё было -
Старожилам вспомнится с трудом.
Вроде б говорили, что купила
На краю деревни старый дом.

Спряталась за каменным забором.
Равнодушна к мнению молвы,
К новостям соседским, сплетням, спорам...
Вечно в черном. С ног до головы.

За спиной о ней ходили слухи -
Ведьма то ль, то ль тронулась* слегка.
Кто б подумал, что тогда старухе
Было лет чуть больше сорока.

Вёсны, зимы чередой ходили.
Календарь листал за годом год.
Про старуху все чуть-чуть забыли.
Ну, живет и ладно. Пусть живет.

* * *

В старый дом в морозный, тёмный вечер,
Гостьей долгожданной Смерть вошла.
Тридцать зим ждала старуха встречи.
Тридцать безнадежных лет ждала.

Потеплел старухин взгляд колючий,
Разглядев безносую в дверях.
"Слава тебе, Господи. Отмучил," -
Губы шелестнули второпях.

Удивилась – так легко, аж странно
Память пролистнула на бегу
Страшный день, когда домой с Афгана,
Сын вернулся в цинковом гробу.

И дойдя уже до грани зыбкой,
Рассмотрев вдали зовущий свет -
Расцвела счастливою улыбкой,
Понимая – боли больше нет...

* * *

Проводить безумную старуху
Собралось, привычно, полсела.
Обсуждали равнодушно, сухо -
Кто, откуда, кем она была,

Всё, что память выдала навскидку
И вовнутрь благоговейный страх
Спрятали. Счастливую улыбку
У старухи видя на губах...

Когда с тебя сдерут седьмую шкуру
Х.В.

Когда с тебя сдерут седьмую шкуру,
Когда в душе мятущейся ни зги;
Знай – там ты должен лечь на амбразуру,
А здесь - тебе прощают все долги.

И пусть октябрь смывает радуг блики,
И радость дня затеряна во тьме...
Ты знай, что там ты должен быть великим.
А здесь ты тот, кто просто нужен мне.

Михаил Кульков, Санкт-Петербург, Россия

От литературного обозревателя

Танец (и текст) исполнены вдохновенно. Пусть они и не размышления о смысле жизни. Они сама жизнь во всем ее полнокровии.

Цитата: «Веди, испанка! Твой силуэт то топит тени, а то взмывает...»

Фламенко - дуэт дуэнде

«Правит терпкий дуэнде, необузданный и одинокий».

*«Дуэнде сметает уютную, затверженную геометрию, ломает стиль;
это он заставил Гойю, мастера серебристых, серых и розовых переливов
английской школы, коленями и кулаками втирать в холсты черный вар...»*

*«В арабской музыке, будь то песня, танец или плач, дуэнде встречаются неистовым
"Алла! Алла!" ("Бог! Бог!"), что созвучно "Оле!" наших коррид и, может быть,
одно и то же»*

Федерико Гарсиа Лорка

Движение пальцев, изгиб руки и искре страсти из струн гитары
Идти сквозь сердце под каблуки, дробь разгоняя... аллегро в престо!
Веди, испанка! Твой силуэт, то топит тени, а то взметает
От точки, кинутой на “мольберт” искусным мастером – мим-маэстро...
Отточен чёткий частящий ритм, очерчен в небе кистями шали;
То оттолкнётся... Вскрик:
- Розмари!
То отуманит...
- ...(Вдох):
розмарин...
Кисть гитариста: аккорд печали!

Хлопки ладоней: отметить такт, и ткать в терпении нитью танца
Искрящих, хищных хвалы «Алла!»... Бог вдохновляет! Тебе без “башни”
Творю дуэнде! Ритм выбивать... Быстрее! Быстрее костяшки пальцев...
Отдёрну руку, прерву слова, заткну за пояс...
края рубашки.
От дёрна в небо, как кипарис! Из неба в землю клинком испанца!
До одержимости...
- Воспарил!
До одурманить...
- ...(Вдох):
«Мон-Пари»...
Кисть гитариста: узор компаса...

**Компас исп. Contrás — испанское слово для обозначения понятий метра и такта из теории музыки. Также оно относится к ритмическому циклу или, иначе говоря, ритмической схеме того или иного стиля.*

11 ноября

*"Гутен абенд, дорогая, миль пардон,
Пожалей меня, сегодня, пожалей!
По жаре я выпил крепкого бордо,
А потом еще добавил божоле...
...Я, сказав официантке «данке шон»,
Слушал мысли в черепах у черепах..."*
Игорь Царёв "ДЕФИЛЕ ПО ЗООПАРКУ"
Как божественно в бокале божеле!
Словно вишенка в трясущемся желе.
Кто бы неба Ле Бурже не пожалел
За бутылочку французского вина?
Я ж нестоек, как нетрезвый скандинав.
Осушу, да и наклюкаюсь клико –
Благо тут аэропорт недалеко.
Здравствуй и прощай родной Владивосток.

Где твой сын, скажи? А где тот зоопарк?
Не пойти ли погулять ... Пуркуа па?
Почему бы не теперь – для тет-а-тет
Шкура от котэ идёт прет-а-порте...
Здесь когда-то был один Большой Поэт
Очарован черепами черепах.
С Днём Рождения!
Опять пуркуа па...

Памяти ушедшего

Нам жизнь казалась королевой, но не Снежной.
Целует в лоб, а не в уста... Вкус – безутешный!
Вот стыннут льдинки на губах – слов быстротечность,
А так хотелось поиграть со словом «вечность».
Казался мир водой, огнём и трубной медью,
А был лишь стопкой для души, накрытой смертью.
И зачерствел, как на ветру, кусочек хлеба –
Не прикоснувшийся к нему, коснулся неба.

Виктория Панина, Тверь, Россия

От литературного обозревателя

Прходных текстов во втором туре практически не вижу. И этот тоже не из таких.

Цитата в тему конкурса: «...всколыхнуть покой со дна души – по силам только смерти...»

Стекло

И может быть, я обернусь,
Шестое чувство не обидев.
Настигнет вдруг такая грусть,
Когда, друзей своих увидев,
Застыну и навек пойму,
Что рядом с ними не стоять мне.
И осознаю, почему
На маме траурное платье.
Пойму, что освобождена
От суеты и круговерти,
Что всколыхнуть покой со дна
Души – по силам только смерти...
Похоже, время истекло,

И песня навсегда допета...
Алмазно-чистое стекло
Разделит мир на тот и этот.
На нем появятся штрихи
Незримые от слёз несчастья.
За ним – останутся стихи,
К которым я была причастна.

Снега

"Идут белые снеги..."

Е. Евтушенко

Накрыли город белые стога:
Он обесцвечен, обескровлен.
Идут, идут, идут, идут снега.
Не за тобой ли?

Несётся, спотыкаясь, по дворам
Хромое колесо метели,
И с ловкостью простого маляра
Пространство белит.

Кто раскрывает неба дряхлый зонт,
Давно необратимо спятил.
Без сил раскинул руки горизонт,
Как на распяты.

Земля нага под чистой простынёй.
И, кажется, что хочешь – требуй.
Но крошится без меры на неё
Большое небо.

Зима невозмутима и строга:
Как выжить, никому не скажет.
Идут, идут, идут, идут снега.
Идут за каждым.

Март

Заложено кусками грязной ваты
Небесное немытое окно.
Над городом расправлено щербато
С вороньим ворсом грубое сукно.
Под ноги взглянешь – что ни шаг, то «мина»
И миной отдаётся на лице.
Уродливых сугробов гнутся спины,
Попавшие под мартовский прицел.

Зажата Тверь меж серых параллелей,
Запуталась - где небо, где земля.
И только храм, возвышенный и белый,
Парит, всем очищение суля.

И, вытащив за шкурку из подполья,
Свершив большое чудо, как пустяк,
Весна спасает и несёт в подоле,
Нас - только что родившихся котят.

Полина Потапова, Челябинск, Россия

От литературного обозревателя

Текст о том, чем приходится суррогатно довольствоваться при тотальном одиночестве. Тела и души. Автор внес еще одну заметную краску в палитру конкурса. И спасибо ему за участие.

Цитата: «...он смог вломиться в мой мир – туда, где меня не найти, откуда я тихо вышла...»

Смотрящий из тишины

Он снаружи глядит в окно, а наскучит – кто' вы,
чтоб прикидываться бессмертными! – намежнёт.

*(...поутру приходил знакомиться участковый.
и спросил ещё про соседа: буянит? пьёт?)*

Заряжаясь от солнца утром и тая в небе,
он способен метать отравленные лучи.

*(...ну, бывает, напьётся. ну, ломает мебель.
ну, покроет всех матом. главное – не молчит)*

А ночами – бельмом фонарного глаза светит,
смерти ближе, бледней покойника –
страшный вид...

*(...я не знаю, чего рассказывать о соседе.
если слышу я – мне спокойно. пускай шумит.)*

Он в агонии пьяной не пробивает стены.
(лучше б он – не алкаш сосед – был бы слышен мне)

Он, безмолвно давя на нервы, вскрывает вены.
(лучше б громко – мне страшно в мертвенной тишине)

Он стучится внутри, но глухо, почти не слышно,
где-то слева он смог вломиться в мой мир – туда,
где меня не найти, откуда я тихо вышла,
зная: нет на него милиции. И суда.

Воздух

выходишь из долгой бессонницы, плотной, вязкой,
а там – это зимнее, тонкое... то, где слов нет.
и думаешь: скоро концовка, вот-вот развязка
и воздух пронзительно-звонкий взорвётся, лопнет.

стоишь перед выбором, точно обрывом ветра:
войти в это мёртвое утро, что там и тут спит?
и видишь в несбыточном, что впереди – то лето,
которое всё не наступит. и не наступит.

и входишь в прозрачное – словно открыто – утро,
хоть кода не знаешь ты и от ворот ключа нет.
и слышишь: навязчивый воздух звонит кому-то
и кто-то
не отвечает...
не отвечает...

* * *

горчит миндаль и жжёт имбирь –
куда уж проще.
дымит урал, цветёт сибирь,
вода полощет.

откусишь лёд, откроешь рот –
свежо и мятно.
хоть нагородишь огород –
а всё понятно.

не важно, кто на что готов
на склоне лета,
ведь остаётся только то
и только это:

гореть – траве, манить – краям,
чужим и дальним,
хрустеть – орехам и корням

имбирминдальным,

болеть – зубам без плотных пломб
(трава долечит)
и застревать волокнам слов
в щербатой речи.

Владимир Негинский, Унеча, Россия

От литературного обозревателя

Такие негромкие и проникновенные тексты всегда привлекают к себе внимание. Автору удачи.

Цитата в тему конкурса: «На кладбище русском - всё в покаянных крестах»

Покаяние

Осень бросает золото раннее
Исповеданий весны,
И я хожу,
И ищу покаяние
С запахом хвойным сосны.

Мокрые листья
Шафранные,
Красные -
Память желаний иных.
Мне не нужны покаяния разные
И откровенья чужих.

Что же искать на тропиночке узкой,
След покаяний в кустах?
Как-то увидел
На кладбище русском -
Всё в покаянных крестах.

Вон,
За пригорочком
Кладбище новое,
Слева на поле жнивье.
Может когда-то
Найду там сосновое...
Я покаянье своё.

Два цвета

В смешенье золота и меди,
Опавший осени итог,
С размаху я в каштаны метил
Носками сбитыми сапог.

И через лужи улетали
Каштаны мокрые в кусты,
И небо с криком распинали
Ворон испуганных кресты.

В осеннем,
Горьком многоцветье
Я тайну двух цветов искал,
Двух сил ушедшего столетья,
Его двух катастроф начал,

И ран двух от лоботомии
Голов имперского орла,
И неизбежности в России
Угроз трёхзначного числа.

Весь день над городом кружился
Вороньих стай тревожный гвалт,
И град каштановый избился
Дорожек парка об асфальт.

А вечером
Частей двух целого
Я тайну всё-таки нашёл:
Из сумки чёрного и белого
Буханки выложил на стол.

Дождь оборвался...

Дождь оборвался,
Синева запела
В разрывах туч,
В сверкании окон.
Из дома рядом выносили тело,
Умершего,
Для скорых похорон.

И удивительно!
Над гробом ликовала,

Звала к себе лазоревая высь,
Ответ искало небо,
Но встречало
Всё головы,
Опущенные вниз.

И странное у гроба
Место горькое,
Без радости всегда, что взоры слепо
Все упирают
В землю только,
Затылками отталкивая небо.

Окно распахнуто моё -
И подоконник
Не загораживал подъездное крыльцо,
И к небу,
Было видно,
Лишь покойник
Из гроба обратил своё лицо.

Виктор Хатеновский. Москва, Россия

От литературного обозревателя

Экспрессивный и афористичный текст. Хотя и безупречный (на мой взгляд), но все же бесспорно заслуживающий внимания.

Цитата в тему конкурса: «А, может - мысль к молитве пристегнуть ...»

* * *

Стучится ночь в оконное стекло.
Отравлен город сворой негодяев.
И темнота подтрунивает зло
Над городской бессонницей. Бердяев
Невыносим, как боль зубная... Здесь,
Где круглый год спирт заедают салом,
Ты, расчехлив взлохмаченную спесь,
Расправы ждёшь под скользким одеялом?
А, может - мысль к молитве пристегнуть,
И жизнь на прочность испытать - покуда,
Приказом царским прикрывая грудь,
К тебе губами тянется Иуда?!

* * *

Т. П.

Возлюбленная мной, - в момент полураспада,
Жизнь не растормошив признанием роковым,
К безрадостной судьбе крамольного комбата
Примериваюсь, в грудь впуская терпкий дым.
Раздробленной судьбой - зачитываюсь. Скоро,
Потёртость вздорных плеч запрятав в соболя,
Ты под брагурный марш срамного приговора,
Жизнь выскоблив, сбежишь, как крыса с корабля.

* * *

Т. П.

С разнузданной страстью к погромам - не споря,
Жизнь растормошив, ты бросаешься в море
Подследственных чувств. Твои бёдра, твой взгляд
С бесстыдством - о ласках земных говорят.

Медведь, впавший в спячку, и тот был разбужен
Твоим восхитительным возгласом,- "Нужен
Мне ты!". В Дюссельдорфе, в Атепцево, в Минске
В честь - вздорной любви - расцветут обелиски.

Константин Еремеев, Монтерей, США

От литературного обозревателя

Текст, как искреннее выражение чувств и признание любви к поэту.

Цитата: «И этот мир на первый взгляд неброский любить. И не бояться умереть»

Наши реки

(памяти Николая Рубцова)

Плыть по реке на неспешащем судне –
Что может быть приятней и теплей?
Доверить бегу волн года и судьбы
И дух речной увидеть, как елей.

Простым матросом, а не капитаном –
Работать днями в саже и в поту.
А вечерами становиться пьяным
От водной глади, стоя на борту.

Меж берегов спускаться по теченью
В туманы утра, в розовый закат,
И предаваться внутреннему пенью,
И знать, что нет судьбе пути назад.

Бороться с непогодой и стихией.
И женщину любимую свою
Не забывать, и ждать – писать стихи ей,
И в письмах повторять «Я вас люблю...»

Слова срываясь с губ подобны птицам –
Летят, чтоб возвратиться через год.
И встреча неизбежно состоится,
Как, впрочем, и прощанье и уход.

Плыть в никуда с дымящей папироской.
Нехитрый ужин с другом разогреть.
И этот мир на первый взгляд неброский
Любить.

И не бояться умереть.

Песнь пчелы

Я пчела.
Лето жжёт. Лето бесит нас.
И летим мы жужжа и брюзжа.
И спасение наше – Медовый спас,
Наше жало острее ножа.

Мы голодные, жадные мессеры,
Мы лютуем с утра до темна.
Нам не так, как вам кажется, весело –
Наша жизнь коротка. И – одна.

Мы корпим.
Мы не просто со-трудники, –
Мы ловцы вкусовых жемчугов.
Мы ныряем в янтарных сот рудники,
Оставляя там капельки снов.

В нашем доме сокровище-золото!
И мы все, как один за него
Отдадим свои буйные головы.
Жизни мёд! – он ведь стоит того.

А когда мы умрём этой осенью –
Кто – от холода, кто – от тоски,

Пчеловод с чуть заметною проседью
Нашим мёдом набьёт рюкзаки.

...

Лето умерло. Землю всю залило,
Над осенними ульями дым.
Всё же жаль, я его не ужалила, –
Я за мёд посчиталась бы с ним.

Свободное падение

Осень. Закрываются скворечники.
Есть неторопливость у судьбы.
Шепчут, глядя в небо люди-грешники:
Нет, мы не рабы, мы не рабы...
Мы всего лишь навсегда прохожие,
Выпившие собственных тревог.
Озираясь ищем царство Божие,
Укрепляя собственный острог.

Осень на жильё меняет ценники,
Дорожают тёплые дома.
Вечерами там ютятся пленники –
Сходят потихонечку с ума.
И когда, казалось бы, над городом
Солнышко надеждою блеснёт,
Вспомнится, как было счастье молодо
И ушло под старый новый год.

Нет мы не рабы. А может всё-таки
Есть – но не для всех- тот самый Рай?
Шепчут в ухо сумерки, как отроки:
Знаешь, что ты хочешь – улетай.
Осень – всему миру отпущение;
Улетают птицы. А грехи
Прячутся до вешнего прощения
В холод, – сублимируясь в стихи.

Надежда Якушева, Ленинск-Кузнецкий, Россия

От литературного обозревателя

С цитируемым выводом нельзя не согласиться. Собственно ради этого и проводится конкурс. Может стать его девизом.

Цитата: «Да не померкнет слов живая рать!»

Слов святая рать

Вольна словами. Лучше запереть,
В темницу спрятать те, что больно ранят,
Истлеют пусть ненужной ветхой рванью,
Зачахнут, сгинут, их настигнет смерть.
И мы всегда привыкли выбирать
Всё лучшее: не грязь и не лохмотья, —
Каноны святыми с неба смотрят, —
Да не померкнет слов живая рать!

Легка словами. Звуками сочны
Они. Их не поникла свежесть
И многоцветье, яркость глаз не режет,
Слова имеют ранги и чины.
Не все они достойны взмыть в полёт,
И многим не парить над облаками,
Где вечность с неба звонкими слогами
Молитвенно и слаженно поёт!

Больна словами. Лучше излечить
Их лихорадочность, неточной мысли образ,
Пусть обретут слова прекрасный облик
И благородство их живая нить.
Негоже речь родную разменять
На сорняки, скупой жаргонный мусор,
Слова с небес для всех сияют музой,
Оберегают, как святая рать!

Дом родной

Я бреду по любимой из детства, стареющей улице,
Где наш дом среди зелени яркой в сети паутин.
Пряных трав аромат рвётся в воздух, пленительно кружится,
Из трубы старой баньки не вьётся дымка серпантин.

Накренился угрюмый наш дом и стоит, приунывший,
Подломились колени, угас, помутнел окон взор.
Я давно не была здесь, и чувством пустынности дышит
Наш очаг охладевший не греет, простужен и хвор.

Под окошком в цветах заблудилось забавное детство,
Ах, как пахнет ранетка, и солнце танцует в кустах!
Спозаранку в окно птицей бьётся упрямая ветка,
Было время, настойчивым стуком будила с утра.

Одинокая вишня кичится цветением пышным,
Распластались на грядках согбенные стебли травы.
Как тоскливо свидание с домом под ветхою крышей,
Видом сгорбленным слёзы он вызвать сейчас норовит.

Без хозяйки застыла немая подружка - скамейка.
Не уловит калитка знакомый уверенный стук,
Не пришлют мне родимые письма в небесном конверте,
Близиких нет на земле, но деревья чтут память, цветут!

В небе звёзды утонут

В небе звёзды утонут,
Уступая дорогу светилу,
Что мечом раскалённым
Разрежет понурые тени домов.
Сны зашторенных окон
Покинут бездонность квартиры
И заблудятся в клёнах
В ожидании ночи немой.

Парус белый простынный
Разбудит простор безмятежный,
Бирюзовая нежность
Украсит певучий апрель.
Грусть моя бригантиной
Покинет туманную млечность,
Стану снова беспечной,
Разрушив тоски цитадель.

Суток радужность выльет
Ликование в даль горизонта,
Унесёт грусть сомнений,
Оттаявших в радужном сне.
Расцветёт день ванильный,
Прольётся рассветом мёд солнца,
Счастье жизни — безмерно
На Земле многозвонной моей!

Денис Садыков, Ижевск, Россия

От литературного обозревателя

Нетривиальное осмысление темы и вполне кондиционный текст.

Цитата в тему конкурса: «Я создал тебя равным ... давай как-то сам...»

Звездный завет

Звездной мельницы пыль оседает в ручей -
Льёт молочный коктейль в небесах Водолей
Молодой серафим с парой острых рогов –
Месяц звездную рать шлет к приюту богов.

По Равнинам, по острым изломам вершин
Лунной тенью проходит немой Господин -
Триединая суть – Солнце, Ночь и Рассвет,
Не дано нам услышать безмолвный ответ.

Сотни, тысячи лет неизвестной вины -
То ли узники мы, то ли дети войны?
Путь держать нам куда - то ли вест, то ли норд?
Гролом пусть прогремит поднебесный аккорд!

Звездной мельницы пыль вновь засеет поля,
Только раз мой Господь снизошел до меня,
И услышал я глас, сквозь камлання в мольбе –
«Я тебе не помощник, мой образ в тебе,
Не скули и не бойся - строй собственный храм!
Я создал тебя равным ... давай как-то сам...»

красная конница

движутся в зареве пришлого прошлого
конники латники вестники времени
нового смелого неосторожного
нам незнакомого виду и племени

полнится чаша знамений грядущего
и обретает своё наполнение
всё что «естественно» не от насущного
дважды не сходит одно откровение

дымом крадётся туманами прячется
жжёт огнестрельными дырами язвами
развоплощениядушеукладчица
лик восходящий с подлунными глазьями

бьёт на закат устрашающим бременем
колоколов неуёмная звонница

силой пророчества прошлого семенем
черная свастика красная конница

имя моё

я мог бы быть богом [руке так привычна сталь]
меч ангела в чём-то сродни «беретте»
не хватит страниц перечислить кого мне жаль
люблю одного [максимум двух] на свете

я мог бы стать богом [поверьте я знаю толк]
рождённый бессмертным играю в людские игры
грубее мозолей податливой кожи шёлк
а кровь горячее [когда счёт идёт на литры]

я мог бы стать частью того что за гранию тьмы
и ярче того что зовётся привычно светом
в фаланге спартанцев не встретится чувство вины
поверженный враг под щитом промолчит об этом

за падшей звездой легионы [лавиной с небес]
где имя моё - провозвестье решающей битвы
я мог бы быть богом [похоже не мой интерес]
закончились бланки ответов на ваши молитвы.

КОНКУРС «ЦАРЕВНАМ И ЦАРЕВИЧАМ – 2017» - стихотворения для детей

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА

Александр Попов (Гинзберг), Москва, Россия

Стихи для бывших детей и будущих взрослых

**На Северо-Западе
Юго-Востока**

На Северо-Западе
Юго-Востока,
На горных лугах и речных берегах,

Стадами огромными и одиноко
Гуляют деревья
На длинных ногах.

Пасутся Дубы
На холмах и в долинах,
На кручах могучие кедры стоят,
За быстрыми стайками Дикой Малины
Рябины устало
И зорко следят.

Там Ёлки на лапах
Пружинистых скачут,
Плетутся Осины, дрожа от дождя,
А Ивы Плакучие горестно плачут,
В холодный ручей
По колению зайдя.

Там носит Черёмуха
Белую гриву,
За ветками пряча богатство своё,
И хищные стаи Голодной Крапивы
Кусают
За голые ноги её!

На Северо-Западе
Юго-Востока,
На горных лугах и речных берегах,
Стадами огромными и одиноко
Гуляют деревья
На длинных ногах.

Икс

Весь урок мы Икс искали.
Целых сорок пять минут
Мы напрасно потеряли:
Нам уже их не вернут!

Неизвестное число
Не иксалось, как назло!

Не иксалось, хоть ты тресни.
Я-то знаю, почему:
Икс искать неинтересно,
И не нужно никому!

Лучше был бы он не этим
Вредным маленьким значком,
А по клеткам, как по сети,
Бегал шустрым паучком!

Он бы выбрался из книги,
Этот самый Хитрый Икс,
Посидел, и на пол прыгнул,
И сбежал куда-то вниз.

Марьвасильевна в азарте
Начала б его гонять,
И кричала из-под парты:
«Эй, гоните на меня!»

Мы б в углу его прижали,
Обыскав усердно класс,
И девчонки б завизжали
Вдруг от гордости за нас.

Икс бы в банку посадили
И закрыли поплотней...
Все б потом смотреть ходили,
Как он бегаёт по ней!

Ёжик

Папа ездил по грибы,
И ежа в лесу добыл.
Ёжик спрятался под шкафом -
В норку... (Ну, как будто бы!)

Мама начала ворчать;
Папа ей пообещал,
Что ежа мы будем вместе
ЕЖЕдневно изучать!

Достоверно надо бы
Знать: а ест ли он грибы?
Как ежи умеют плавать,
Почему их когти слаБы,
(Или, может быть, слаБЫ?)

Классно ёж у нас живёт:
Молоко из блюдца пьёт,
И стучит когтями громко
В доме - ночи напролёт!

...Ёж по комнате ходил,
Маму с папою будил,
И теперь из всех вопросов
Папу мучает один:

ГДЕ СРЕДИ КОЛЮЧИХ ИГЛ
ЁЖИК ПРЯЧЕТ КНОПКУ
«ВЫКЛ.»?!

Баю-баюшки-баю!

«Баю–баюшки–баю!» –
мама с бабушкой поют;
«Баю–баю, баю–баю» -
спать кладут сестру мою.
Только Юлька спать не хочет,
Плачет – вот и я не сплю!

Я не сплю, и слушаю
Сказку про Бычка,
Да ещё про злющего
Серого Волчка:
«Он придёт из зимней стужи,
За бочок зубами – хватить!»

(Это сказка, чтобы лучше
Дети стали засыпать.)

«Баю–баю, баю–баю,
Прилетела кошек стая,
Леший тенью притворился,
Под кроватью притаился,
Сел пиджак верхом на стуле:
Засыпай скорее, Юля!
Страшный дядька с бородой
Заберёт тебя с собой,
Вместе с милиционером,
Водяным и волком серым
В тёмный лес утащит свой!»

Наконец, уснула Юля,
Больше не боится.
Мама с бабушкой уснули,
Только мне не спится.

Нет, совсем не страшно мне:
Нечего бояться!
Просто тени на стене
Странно шевелятся.

Ветер стукнул на бегу
Вдруг в стекло оконное...
Лучше, лампу я зажгу:
Так ещё спокойнее!

Оса

У нас в квартире чудеса
Творятся, как в кино:
Влетела в форточку оса,
И - выбила окно!

Стекло осыпалось, звеня,
Но я – не виноват!
«Без приключения ни дня!» –
Так мама с папой про меня
Все время говорят.

Устал задачу я решать,
Присел немного поиграть,
Стал из бумаги вырезать
Отличные усы...
И больше некого ругать:
Ведь нет уже осы!

Она сама ползла ко мне,
Жужжала по стеклу,
Потом уселась на стене,
А я сидел в углу.

Ведь я ей честно говорил:
«Уйди, меня не тронь!»
И - заградительный открыл
Игрушками огонь!

Она разведчиком была,
А я – зенитчик был.
Она зависла у стекла,
И я её подбил!

Стекло осыпалось, звеня,
Но я – не виноват!
«Без приключения ни дня!» –
Так папа с мамой про меня
Друг другу говорят.

Могу я честно рассказать,
Что здесь произошло:
Влетела в форточку оса,
И - выбила стекло!

Лужа

Из соседнего подвала
Быстро речка побежала!
Побежала, разлилась,
Гордой лужей разлеглась.

Поползли ручьи, как змейки
Под зелёную скамейку,
И отрезали собой
Трём старушкам путь домой.

Но уже идут ребята
Той реке наперерез,
В виде сводного отряда
Из состава МЧС!

Две широкие доски –
Вот и крепкие мостки;
Чтоб старушки проходили,
Шли спокойно старики!

Мост надёжный перекинут
От угла и до угла,
И построена плотина,
(Чтобы лужа не ушла.)

Но другой несчастный случай
От потопа может быть:
Вот листья опавшей кучи,
Их водой грозит размыть.

Зря ругаются старушки,
Что листву зажгли в момент:

Спички - детям не игрушка,
А - рабочий инструмент!

Мы построить плот решили,
Чтобы плавать по двору,
Но приехала машина,
И - испортила игру!

Аварийная машина
Злейшим сделалась врагом:
Осушили, потушили,
Погрозили кулаком!

«SOS», спасите нашу лужу!»
Но не слышен голос мой.
Нет плотины, мост разрушен:
Всё! Пора идти домой.

Песенка о хвостах

Как было бы здорово, вдумайтесь сами,
Когда бы все люди ходили с хвостами!
С пушистыми,
Яркими,
Длинными,
Сильными,
С красивыми, или – ужасно красивыми!

На крепких хвостах мы б на ветках висели,
Качали бы папы хвостами качели,
А мамы по парку спокойно ходили
И вслед за собою коляски катили.

Как было бы здорово, вдумайся ты,
Когда бы все люди имели хвосты!

Хвостом хорошо перелистывать книжку,
Хвостам бы придумали модные стрижки,
Мальчишки б на них, как на шпагах, сражались,
Девчонки за хвостики парой держались,
И пела певица о счастье простом,
Держа микрофон разноцветным хвостом!

Хвосты бы сгодились зимою и летом:
Военным – пятнисто-зелёного цвета,
И гордо б в полоску держали свои

Хвосты на шоссе постовые ГАИ!

А на стадионе зелёном у школы
Прошёл бы весёлый турнир по «хвостболу»...

Как было бы здорово, вдумайся ты,
Когда бы все люди имели хвосты!

ФИНАЛИСТЫ КОНКУРСА

Елена Игнатовская, Казахстан

Сон

С февральским ветром в унисон
Поёт мне вьюга песни.
Я сладко сплю, мне снится сон,
И нет его чудесней:

Июль, жара, вокруг песок
И ласковое море.
Свобода! Не звенит звонок
Назойливо по школе!

Здесь всё как будто наяву,
И всё мне здесь неново,
Вот что-то шепчет, не пойму,
На ухо мне Петрова.

Петровой я сказал: - Отстань!
Дай, чуть позагораю!
Иди с Орловой поболтай,
Попей с Фроловым чаю!

Она меня толкнула в бок,
Вскочил я от испуга,
Смотрю: февраль, идёт урок,
А за окошком вьюга!

- Ну, что проснулся, отпускник?» -
Спросил учитель громко.
- Неси-ка, Сидоров, дневник!
За поведенье – двойка!

«Признание»

Заявил сегодня Вова:
- Ты красивая, Петрова!
Согласился с Вовой Вася:
- Лучше всех девчонок в классе!
Васю поддержал Серёжа:
- Я согласен с Вовой тоже,
Про тебя сказал поэт:
«Ты прекрасна, спору нет!»
К Лене подошёл Андрюша:
Друг мой, Леночка, послушай...
Ты не против, если рядом
На урок хотя бы сяду?
Посмотрели Вася с Вовой
На соперника сурово,
Закричал в ответ Илья:
- Нет, с Петровой сяду я!
Тут же у Ильи и Вовки
Завязалась потасовка.
Что поделаешь, мужчины,
Им бы драться без причины.
Все разборки на пороге
Вмиг прервал учитель строгий:
- Вы не слышали звонок?
По местам, идёт урок!
Что ж, задиры-забияки,
Вы уже размялись в драке,
Предлагаю вам в нагрузку
Семь задачек на закуску.
А Петрову раньше срока
Отпускаю я с урока,
У неё за четверть «пять»,
Можешь, Лена, погулять.
Вова пробубнил уныло:
- Что ж, проваливай, зубрила...
Лене прошептал Андрюша:
- Топай, топай, дорогуша!
Крикнул ей вдогонку Витя:
До свиданья, Нефертити!
Обойдёмся без красот,
Эшафот так эшафот...

Паучья песенка

Живёт на нашей улице
Бабулечка-паук,
Она усердно трудится,
Не покладая рук.
Накидки паутинные
Бабуленька плетёт,
Струятся нитки длинные
И просятся в полёт.
Плетёные кружавчики
Ажурны и легки,
Мелькают быстро пальчики
И вяжут узелки.
Открылась ветром форточка,
И бабушкина шаль
Поплыла, словно облачко,
И улетела вдаль.
И тут же, возле лампочки,
Как будто у цветка,
Кружат салфетки-бабочки,
Два мотылька-платка.
И белую лебёдушкой
Бабулин сарафан,
Подставив спинку солнышку,
Улёгся на диван.
Пришьёт бабуля бусинки,
Всё сложит в сундучок,
Потом придёт к бабуленьке
С работы паучок.
Румяные оладушки
И яблочный компот
Поставит мужу бабушка
И песенку споёт.
А песенка – старинная!
Ах, чудный голосок!
К ним юность паутинная
Вернётся на часок.
Когда погаснет солнышко
В бабулиной избе,
Она расстелет пёрышко
Дедуле и себе.
Но чуть рассвет затеплится,
Уходит паучок,
А наша рукодельница
Берётся за крючок!

Вся правда о самолётах

Под солнечной люстрой, в заоблачном классе
Летят самолёты и кружатся в вальсе:
Шажочек повыше, пониже шажочек
И новое «па» - грациозный виточек!

Вальсируют все, восхищаясь друг другом,
Идут самолётные головы кругом!
У кромки земли или под облаками,
И солнце у ног, и земля вверх ногами!

Танцуют под рокот поющих моторов,
(Такой вот у них романтический норов!)
На нотках финальных в изящном поклоне
Красиво садятся на аэродроме!

И тут же восторженно слева и справа
Доносится «бис!» и, конечно же, «браво!»
Никто не скупится на аплодисменты!
Ах, как восхитительны эти моменты!

Случай на концерте

– Ужасная нота! – обмолвился кто-то.
– Неправда, красотка! – обиделась нотка. –
Я в новенькой фуге не хуже подруги!
Чиста, высока, уникальна, изящна!
Меня вы сейчас оскорбили напрасно!
Увы, не снести мне такого позора!
Прошу честь мою защитить дирижёра!
Ему в секунданты даю музыканта,
Он в этом знаток и ценитель таланта!
Сказала подруга: – Не драка, а фуга
Спасёт от позора! Прошу без укора:
Чтоб всё прозвучало, сыграем сначала!
И все по команде достали улыбки,
И фугу сыграли уже без ошибки,
В ней каждая нота талантом блистала!
Им «браво» и «бис» доносилось из зала!
И даже воскликнул восторженно кто-то:
– Она бесподобна!!! Шикарная нота!!!

Ольга Киевская, Новосибирск, Россия

Белый котёнок

Смотрит в зеркало спросонок
Белый маленький котёнок –
И капризничает детка:
«Мне не нравится расцветка!

Шубы у знакомых кошек –
В точку, в крапинку, в горошек.
Каждый кот окраске рад,
Кто – пятнист, кто – полосат»,

Кошка молвила игриво:
«Ты, малыш, такой красивый.
Посмотри, какой пушистый...
Белый-белый, чистый-чистый!
Ты – как молочко, сыночек!»
«Мам, я быть хочу – в цветочек!»

* * *

До чего нежна снежинка...
Ты, смотри, её не тронь!
Только льдинка-балеринка
Села прямо на ладонь.

Долго в воздухе плясала,
На неё боюсь дохнуть,
Танцевать она устала –
И присела отдохнуть.

Я снежинку покрутила
На ладошке не спеша
И малышку похвалила:
"До чего ж ты хороша!

Как звезда твоя сверкает!
Как лучи твои светлы!"
А в ответ снежинка тает...
Тает вся – от похвалы.

Я растения люблю

(Считалочка)

Я растения люблю.
Их – по имени дарю.

Загибайте пальчики,
Девочки и мальчики.

Жадничать не стану:
Иван-чай – Ивану,
Лилии – дам лилию,
Васильки – Василию.

Отыщу я в поле
Колокольчик – Коле,
Синий лён – для Лёни,
Сон-траву – для Сони.

Папоротник – Пашке,
Ромочке – ромашки,
Огоньки для – Светы,
И петуньи – Пете.

Если я кого забыла,
И цветок не подарила,
То прошу прощения
За стихотворение.

Вы внимательно читали?
Все цветочки посчитали?
Не успели? Так и знала!
Начинаем всё сначала.

Мышка - малышка

Заболела мышка-дочь.
Как малышке той помочь?
Говорит ей мама-мышь:
«За тобой не уследишь.
Простываешь то и дело.
Сала мёрзлого поела?
Ты – от холода дрожишь,
И вся мокрая, какмышь!»

Просит мама дочку-мышку
Сунуть градусник подмышку.
И пошла варить отвар!
Ясно: у малышки жар.
Пролетело пять минут.
Уж готов отвар. И тут

К дочке мама подошла –
Градусника не нашла.

Все проверила подмышки.
Нет его у дочки-мышки.
Поискала под простынкой ...
«Где же градусник?» «Под спинкой.
Ты велела взять в подмышку –
Я засунула **под мышку**.
Я всё правильно решила.
Под себя и положила».

Мама мышку обняла,
Ловко градусник взяла,
Дочку кашкой покормила
И отваром напоила
С ложкой мёда, и с малиной,
И с лимона половиной.
Улыбнулась маме мышка
И... поправилась малышка.

* * *

Жил на свете добрый слон.
Очень вежливый был он.

Как проснётся, тут же мудро
Всем кивает: «С добрым утром».

В полдень встретится олень,
Говорит он: «Добрый день».

На закате же при встрече
Произносит: «Добрый вечер».

А как только спать захочет,
Что он скажет? «Доброй ночи».

Дина Немировская, Астрахань, Россия

* * *

Мы раскрасим весёлыми красками
Город свой под названием «Астрахань»,
Чтоб искрились рассветами ранними
Куполов золотых очертания.

Станем самыми нежными звуками
Щедрый край воспевать и аукать мы,
Чтоб слышали люди мелодии
Нашей малой и милой нам родины!

И стихами опишем, и прозою
Летний зной и сугробы морозные.
Любим город свой трепетно, искренне –
Белый кремль, и каналы, и пристани.

Нарисуем и сочно озвучим мы
Солнца луч над осенними тучами,
Плеск весла, зори алые гордые -
Всё, что юным сердцам очень дорого!

Воробьишко

Он мечтает стать всех выше.
И глаза-горошины
Смотрят весело на крыши.
Маленький, взъерошенный,
Всем вокруг бросает вызов:
«Кто сказал, что я – малыш?»
Резво скачет по карнизам
Удивлённых серых крыш.
Всё теперь – как на ладони!
До всего крылом достать!
«Ты совсем ещё ребёнок!
Возвратись!» - щебечет мать.
Но повсюду – хлеба крошки
И сейчас – ни до чего!
Вдруг увидел: снизу кошка
Молча смотрит на него...
Вот уже подкралась близко –
Как печален наш удел!
Пропищав: «Приветик, киска!»
Он вздохнул и... полетел!
Он летел такой весёлый,
Еле сдерживая смех,
Первым в воробьиной школе!
Он сегодня выше всех!

Что предпочитают птицы

– Что предпочтительней для птиц –
Гнездо, скворечник ли, кормушка? –

У стайки маленьких синиц
Спросил зайчишка на опушке.

Те зачирикали в ответ:
– И то, и это, и другое.
Гнездо прекрасно, спору нет,
Когда птенцов пяток иль трое.

Его мы сами можем свить.
Но только добрый человечек
Кормушку может сколотить,
Приладить к дереву скворечник.

Заботу ценим очень мы,
Когда мороз, снегов безбрежье,
Приятно посреди зимы
Вдруг ощутить тепло и нежность.

Про котят

Шесть шустрых маленьких котят
В тени резвиться не хотят
И под палящие лучи
Упрямо лезут, хоть кричи!

Ни «Вискас» и ни «Китикет»
Им не заменят белый свет.
Котятам нашего двора
Сейчас важней всего игра.

Потешных этих малышей
Никто не смеет гнать взащей,
Однако не зовут их в дом –
Так и резвятся вшестером!

Учу в жару их воду пить.
Как эту стайку прокормить?
А кошка Пума – вот дела! –
В зубах седьмого принесла.

Маленькая помощница

Два алоэ, три герани
Поливаю утром ранним.
Поливаю их из лейки,
Стоя в кухне на скамейке.

Но цветок, который в зале,
Я сама полью едва ли -
Ведь за три последних дня
Фикус перерос меня!

Ирина Пантелеева, Москва, Россия

Вороны-макароны

На ветке вороны жуют макароны.
Свои макароны жуют.
Попробовать даже свои макароны
Они никому не дают.

Мы очень просили:
- Давайте делиться! –
Просили Семён и Захар.
Но жадные птицы
Не стали делиться,
Пока не сказали мы:
- Кар!

- По-русски ни слова не знают вороны, -
Заметил разумный Захар, -
Поэтому надо просить по-вороньи,
Просить по-вороньи:
Кар-кар!

Отдали вороны свои макароны.
Жуют и Семён и Захар.
Но мамы и папы кричат удивлённо,
Кричат почему-то:
- Кошмар!

Самый смелый Новый Год

Вот послушай: далеко,
Там, где светятся снега,
Мчатся саночки легко,
В них сидит Баба-Яга.

Едет Баба к нам сюда.
Тоже хочет в хоровод.
Злая Баба? - Ерунда!
Все добреют в Новый Год!

Змей Горыныч и Кощей,
Людоед и Великан.
Мы дадим им калачей,
Лимонаду океан.

Злюку-Лешего возьмем
За копытца и рога
И в сгущёнку окунём,
И отрежем пирога.

Станет Бабушка для нас
Колдовать одно добро,
А Горыныч нам припас
Смеха целое ведро!

Вот послушай: если вдруг
Страх вернется невзначай,
Созывай друзей, подруг,
Громче музыку включай!

Рассыпай и там, и тут
Из ведра весёлый смех.
Пусть чудовища придут.
Ты теперь смелее всех.

Что у Феди в кармане?

В кармане у Феди
Монетки из меди,
Шнурки от ботинок,
Двенадцать картинок,
Пенал, телефон,
Акварельные краски,
От лампы плафон,
Новогодние маски,
Журнал «Вело-мото»,
Котлетка с обеда,
Любимое фото
Артёмки-соседа.
И мячик футбольный, чуть-чуть если сдуть,
То в Федин карман тоже можно впихнуть.

Из школы шагает наш Федя неспешно,
В портфеле – тетрадки и книжки, конечно.
На стенке табличка висит: «Не сорить!»

Вещица что надо, о чём говорить?
Примерился Федя и, что было сил,
Табличку от стенки, кряхтя, открутил.

Бочком, аккуратно заходит в подъезд.
Под мышкой – табличка и наперевес –
Портфель, да случайно попало под руку
Пустое ведро – превосходная штука!
Подумаешь, дырка и обод кривой –
На снежную бабу наденем зимой.

На лестнице Феде соседи кричали:
- Не ваш ли котёнок мяукал в подвале?
Не вы ли котёнка вчера потеряли?
Ему мы пытались налить молока,
Но в узкую щёлку не лезет рука.
Попробуй-ка, Федя, достань малыша,
Всю ночь отдыхать он нам будет мешать.

- Приличные кошки не лезут в подвал. –
Сосед из квартиры напротив сказал,
- Приличные кошки сидят на окне,
А этот ваш рыжий не нравится мне.

Вот вызовем службу «бездомных котят»,
Пускай и достанут его, как хотят.

Какая удача – бездомный котёнок!
Ведь Федя о кошке мечтает с пеленок!
- Послушайте, дядя, идите домой,
Котёнок в подвале, конечно же, мой.
Он вас испугался, но день ото дня
Он просто из школы встречает меня.
Эй, Рыжий, кись-кись, вылезай, торопись,
Пойдем-ка обедать скорее, кись-кись!

Котёнок подумал... и вылез из щели.
На Федю соседи с улыбкой глядели,
А он не спеша поднимался все выше
Котёнка манил и рассказывал тише,
Какой на обед приготовлен паштет,
И рыжий котёнок бежал ему вслед.

Эх, если бы знал он про рыжую кошку,
То места в кармане оставил немножко.
В карман бы засунул, чего тут гадать?

Да заняты руки и жалко бросать:
Картинки-монетки и прочие штуки,
Которыми заняты Федины брюки.

Пока он ключи от квартиры искал,
Ведерком гремел и журналом шуршал,
Котенок мяукнул, присел, подождал...,
А после
опять
устремился
в подвал.

Сладкоед-конфеткоед

Жил ужасный Сладкоед.
Резал тортик ножиком.
Был он страшный тортоед,
А ещё печенькоед
И большой конфеткоед,
И любил мороженку.

Сладкоед с собою брал,
Дальнею дороженькой,
Мармеладок самосвал,
И зефирок самосвал,
И халвы огромный вал,
И трамвай с мороженкой.

Раздавал он по пути
Пряники и коржики.

Ребятишкам, лет пяти, -
Сколько смогут унести.
Остальным - в кульках, в горсти,
Каждому - мороженку.

Жил ужасный Сладкоед.
Резал тортик ножиком...
Это наш с тобой сосед,
Тот, кому не жаль конфет,
Тот, кому всего пять лет,
Что зовут Серёжиком.

Овечка

Однажды с причала
овечка упала,
пошла моментально ко дну.

Ах, если б сначала
овечка с причала,
сначала кричала:
"Тону!"

Давайте сначала
начнем все сначала,
споем про овечку одну,
О том, что сначала
овечка кричала
с причала кричала:
«Тону!»»

Ах, если б сначала
овечка бы знала,
что падать с причала –
беда,

Тогда бы с причала
овечка не стала,
не стала бы падать
тогда.

Однажды с причала
овечка кричала,
овечка кричала:
"Эгей!"

Начните сначала,
чтоб я не упала,
начните
сначала
скорей!"

Татьяна Разумовская, Израиль

Мой слон

У меня есть добрый слон,
Он от всех врагов заслон.

Прислоняюсь я к слону,
И между лианами

Мы шагаем в глубину
Джунглей за бананами.

Тигры, лоб собрав в морщины,
Забиваются в лощины,
А гиены и шакалы
Быстро прячутся за скалы.

Знают все - шагает слон -
И бегут от ног-колонн.

Уважают все его,
А он боится одного.

Как мой слон увидит мышку,
С ног трясётся до ушей,
Так что я его, трусишку,
Охраняю от мышей.

Барашек

У меня барашек шалый,
Постоянно лезет в скалы.

Он на камни так похож,
Что его там не найдёшь.

Вот барашек мой на днях
Снова спрятался в камнях.

Я метался, звал к себе,
Наконец, сказал он: «Бе-е!»

Верблюд

В пустыне выросший верблюд
Не верит в пользу многих блюд.

Он ест колючки, лижет соль,
Плюя на всякий разносол.

Что ест жираф?

- Что ест жираф, не слышал?
- Ну, это очень просто!
Он тянет шею выше

Сквозь облака и крыши –
Срывает с неба звёзды.
Полезны звёзды, сочны,
Вкуснее не найти...
- А пьёт коктейль молочный
Из Млечного Пути?

Лев

Лежит, на солнце разомлев,
Сам царь зверей, могучий лев.

Но отправляться на охоту
Льву совершенно неохота.

Он царских не уступит прав,
Раз – лев, так он во всём и прав!

Поест и снова спать ложится.
А на охоту ходят львицы.

Александр Рушковский, Тверь, Россия

* * *

Тетерев к тетёрке
шагал из-за горки.
Нёс он горстку леденцов
да кулёчек пряников
(Угостить её птенцов –
своих племянников):
- Здравствуй, Тетёра Тетёровна!
Раздели всем поровну.
Каждому мальцу
дай по леденцу.
И на каждый носочек –
пряника кусочек.

Какая я!

Я долго-долго бегала.
Я много-много прыгала.
Мне мама скажет: - Вредная!

А я ведь просто прыглая,
Прыгучая, прыгащая –
Я просто настоящая!
Ничуть-ничуть не вредная.
Я очень непоседная.

* * *

Добр бобр для бобрят.
Любит бобр своих ребят.
Бобр добр, но и строг.
У него не пошалишь:
Как ты выучил урок?
Ну-ка, покажи, малыш!

И малыш с разбега
прыгнет в речку с берега.
Как матрос судёнышком
управляет брёвнышком.
Прямо к плотине подгонит: Ура!
Честь и хвала для бобра.

* * *

У Наталии сандалии –
просто заглядение.
Подарили их Наталии
папа с мамой в День Рождения.
А на талии у Наталии –
поясочек с пряжкой.
Юбка новая есть с оборками
и с кармашками...

Все подарки для неё –
изумление.
Есть и торт на столе –
объедение!
И веселье, и гам,
и припевки слышны:
«Каравай, каравай! –
вот такой вышины!..»

Все ребята уважают Наталию.
Не зовут теперь просто Наташкою.
У Наталии есть чудо-сандалии,
Юбка новая с оборками, пояс с пряжкой.

Про курочку Рябу

Радуется Рябушка ребятне:
цыплятки разные развелись.
Греются на солнышке в тишине.
Рыжий кот крадётся к ним...
- Ну-ка, брысь!

Цып-цып, мои крошки! Корм насыпан.
Поклюйте немножко...Цыпа!..Цыпа!..
Ты, забияка, не трожь-ка братца!
А ты почисти клювик – надо умываться!

Дни проходят к осени чередой.
Подрастает выводок молодой.
Хорошо при Рябушке детворе.
И всё так же слышится во дворе:
-Цып-цып, мои крошки! Корм насыпан.
Поклюйте немножко...Цыпа!..Цыпа!..

Эвелина Цегельник, Красногорск, Россия

Островок души

Есть в каждом сердце островок,
Но сколько ни шагай,
Дойти туда не хватит ног,
Не довезёт трамвай.

Полмира можешь обойти –
И не найдёшь его,
Он в глубине твоей души
Упрятан далеко.

Там милый дом на три окна,
И кошка на тахте.
Там папа, мама, ты и я,
И чайник на плите.

На длинной нитке абажур
Свисает с потолка,
Там я сажу, придвинув стул,
За краешком стола.

Мне корчит рожицы сестра,
И норовит щипнуть,
А мне так хочется, друзья,
Стать повзрослей чуть-чуть.

Там счастья море – через край,
Там любят нас и ждут.
Там детства бьют колокола,
И ходики идут.

Там за окном, там за окном
Кольшется сирень,
И я по лужам босиком
Бегу в июльский день...

Есть в каждом сердце островок,
Но сколько ни шагай,
Дойти туда не хватит ног,
Не доведёт трамвай.

Летучая кошка

Лежала на стуле обычная кошка:
И хвостик, и лапки в полоску немножко.
Лежала, лежала, тихонько вздыхала,
Летучею Кошкой стать кошка мечтала.

Взлетела бы в небо она, словно птица,
Поймала б за хвостик на завтрак синицу.
А после на ужин по случаю
Поймала бы мышку летучую!

Находчивые утки

Дремал над длинной удочкой
На мостике старик,
А мимо плыли уточки:
Звенел по речке крик.

Старик на уток сердится:
Спугнут ему улов!
А уточкам не терпится,
Когда начнётся клёв.

Ведь там, за дедом, баночка,
Отменнейших червей.

Копал их спозараночку
Внучок его Матвей.
Не видит сзади дедушка,
Как уточки снуют,
И щиплют в сумке хлебушко
И червяков клюют.

Толпятся у жестяночки,
А банка об пол - звяк!
Схватился дед за баночку,
А там - один червяк...

Репей

По дороге на ручей
На меня напал репей.
За штанину уцепил,
К речке дальше не пустил.

Три часа я с ним сражался:
Еле-еле оторвался.
А бесовестный репей
Вновь на курточке моей.

Прилепился и на мне
Едет, словно на коне.
Захватил меня он в плен
От панамки до колен.

В клочьях куртка и штаны,
А репею хоть бы хны!

Лохматый ветерок

Из ущелья вылез ветер,
Он спросонья не заметил,
Что ужасно он лохматый,
Поспешил скорей куда-то.

Погоди, задира Ветер,
На тебя же смотрят дети!
Ты лохматым не носись,
Поскорее причешишь...

Ветер сладко потянулся,
Ветер в небе развернулся

И тотчас об склон горы
Расчесал свои вихры.

Сразу стал он аккуратным,
Тёплым, лёгким и приятным.

Людмила Чеботарёва (Люче), Израиль

Дед-всезнайка

Я люблю беседы с дедом,
Знает он про всё вокруг:
Кто упал с велосипеда,
Кто мой самый лучший друг,

Где большая новостройка,
Где я спрятал Люськин бант.
Знает даже то, что тройку
Получил я за диктант.

Что не приложил старанья,
Что не застелил кровать.
Дед, а можно эти знанья
Маме не передавать?

Интернет

Отключили Интернет —
Связи с миром больше нет.
Где смогу теперь узнать,
Не идёт ли дождь опять?

Чем нам вылечить кота?
Сколько весит пустота?
Как друзьям послать привет,
Если Интернета нет?

Не пойти ли мне во двор?
Там Серёга и Егор.
Может, мы войдём в контакт
Не в компьютере, а так?

Школьная любовь

У старосты Морозовой в косичке бантик розовый,
И не опишешь прозою зелёные глаза.
Недаром Васька Старостин в любви признался старосте.
Готов с ней жить до старости — он старосте сказал.

У старосты Морозовой зарделись щёки розами,
Но староста с угрозами: «Теперь тебе влетит!»
И от расстройства Старостин за косу дёрнул старосту.
И впрямь, с какой бы радости влюблённый делать вид?!

Класс пишет сочинение про «чудное мгновение».
У Васьки есть сомнения в правдивости стихов.
Иван Семёныч Бабелев вкатил две двойки в таблице:
Они-то и ослабили всю Васькину любовь!

Привидения

Навестили наш шкаф привидения,
Чтоб отпраздновать свой день рождения.
Был одет их вожак в старый папин пиджак,
Он плясал до упаду гопак.

Привиденьице в жёлтом халатике
Объедалось фруктовым салатиком.
Пара красных штиблет и зелёный жилет
Под кларнет танцевали балет.

Не страшны мне теперь привидения,
Ведь закончился их день рождения.
Я могу мирно спать, потому что опять
Прилетят они лет через пять.

А я вырасту к этому времени
И устрою сюрприз привидениям.
Я зажгу в спальне свет и скажу им: «Привет!
Привиденьям в шкафу места нет!»

О вкусах не спорят!

Бурёнкина Муся не спорит о вкусах,
А дарит нам масло, творог и сырок.

И Гавриков Тузик не спорит о вкусах,
А требует косточку и сахарок.

И Мурзик Мяусов не спорит о вкусах.
Он просит колбаски себе на обед.

Я, Петенька Усов, не спорю о вкусах,
А просто хочу шоколадных конфет.

ПРИЗЫ СИМПАТИИ ЖЮРИ КОНКУРСА «ЦАРЕВНАМ И ЦАРЕВИЧАМ»

Олег Вайс (Северин Алекс), Германия

Приз симпатии «За верность русской поэзии и за воспитание любви к русскому слову у подрастающего поколения Германии» - присужден общим решением всех членов жюри.

Летом рыбам нелегко

Рыбы жаркою порой
Все спешат на водопой,
В очередь стоят к киоску,
С газированой водой.
На двери висит табличка,
"Сегодня кончилась водичка".
А жара такая, братцы,
Рыбам впору искупаться.
Очень рыбам нелегко,
Но бассейн недалеко.
Рыбы бросились к бассейну -
Он закрыт по воскресеньям.
Вот такая неудача...
И навзрыд все рыбы плачут.
Слёзы льются в семь рядов,
Что не видно берегов.
Хорошо ещё хватило,
Всем спасательных кругов.
2013г.

Гость

В гости к нам пришёл щенок.
Он был лохматый, лопаухий,
В шутку всех кусал за руки
И жить без шалостей не мог.

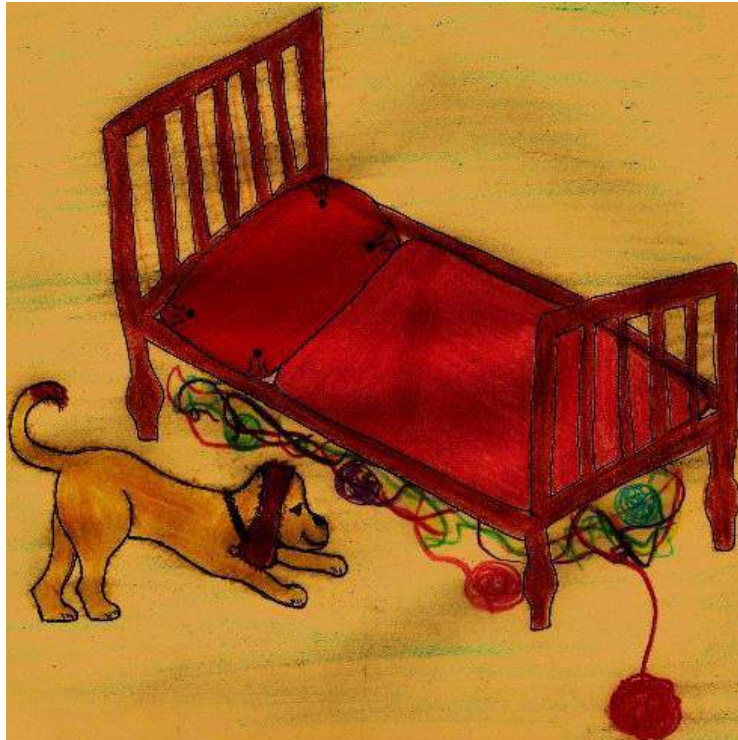
Сначала сгрыз мои ботинки,
Потом сжевал от них шнурки.
Достал из маминой корзинки
Клубочек шерсти и чулки.

Все нитки вмиг он перепутал,
Загнал всё это под кровать.
Теперь наверно двое суток

Мне их оттуда доставать.

Совсем на гостя не сержусь,
Я тоже был ведь маленьким.
С щенком я точно подружусь,
Нам хватит места в спальне.
2013г.

Автор иллюстрации внука Шанталь

Дождик

На рисунке детском
Девочка с цветком,
Кошка с розовым бант'ом,
С черепичной крышей дом,
Два окошка с занавеской.
Рядом дерево в саду,
А на дереве скворешня,
Вся в цвету стоит черешня,
Утка плавает в пруду.
Подоконники в герани,

В синем небе облака,
Цветёт ромашка на поляне,
Дождик капает слегка.
Хотела спрятаться в шалаш,
Но, ...сломался карандаш.
2013г.

Автор иллюстрации внучка Настя

Скорая помощь

Иногда происходят в лесу чудеса:
Комара укусила за ногу оса.
Опухла нога, он не может летать,
Доктора срочно нам надо позвать.
Врача к комару вызывайте скорей,
На «Помощи скорой» летит воробей.
Комарик наш доктора сразу узнал,
От страха бедняга всем телом дрожал.
Он очень боялся шприцов и уколов,
Йода, зелёнки и клизм от запоров.
Но врач-воробей, добрый был врач,
Комарику сразу лечение назначил:
Печенье, варенье и три эскимо,

Для выздоровленья, билеты в кино.
Все носятся по лесу, ищут осу,
Хотят, чтобы всех покусала в лесу.

Автор иллюстрации внука Настя

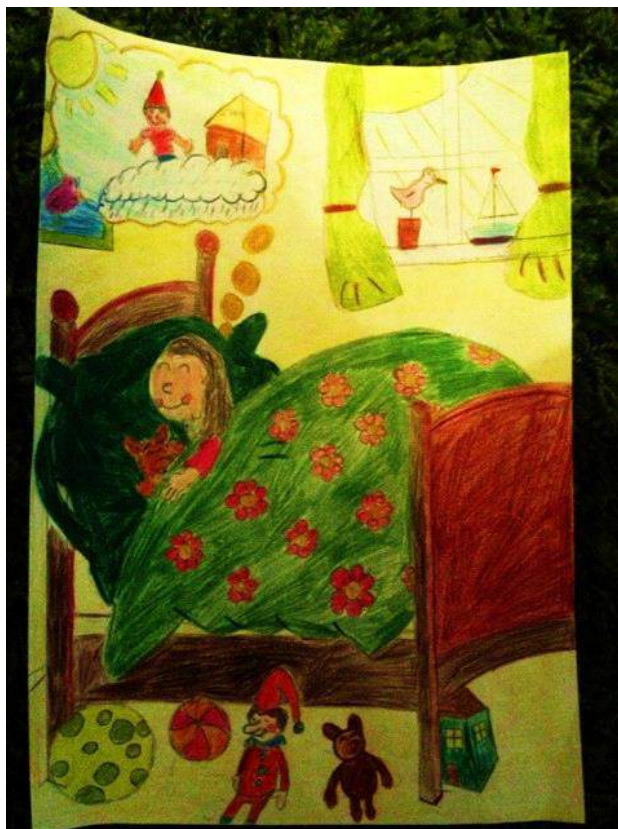

Гном

Мне сказка приснилась во сне,
Там падал из облака снег,
А потом мы промокли насквозь -
Вдруг закапал из облака дождь.
Кто там прячется за облаками,
Мне потрогать их надо руками,
Посмотреть бы на них свысока,
И на них отыскать чудака.
Что за странный такой человек,
Он включает то дождик, то снег.
Может там заколдованный гном,
Свой построил заоблачный дом?
Разбудил меня солнечный свет,

Небо синее, облака нет,
Снега нет и дождя за окном,
Это с солнцем играет гном.
2013г.

Автор иллюстрации внука Настя (младшая)

Анатолий Мармазов, Москва, Россия

Приз симпатии «За яркие, емкие, образные детские стихи» - присужден членом жюри Александром Алисовым за всю подборку конкурсных стихотворений автора.

Львёнок

Ты не плачь, малютка-львёнок,
Что в достатке нет силёнок.
Будешь сильным, не грусти, -
Только надо подрасти!

Ёрш

Ёрш и шуки не боится, -
Перед ней всегда ершится.
Пусть он с виду не могуч,
Но зато плавник колюч!

Лошадка

Не быстра лошадка в беге,
Еду тихо на телеге, -
Есть такое на Руси
Деревенское «такси».

Муха

Сделав в воздухе два круга,
Мне на нос уселась муха,-
Для нее в пределах дома
Лучше нет аэродрома.

Кенгуренок

Улыбается спросонок
Любопытный кенгуренок
И глядит вокруг отважно, -
В «сумке» маминой не страшно!

Алёна Жилкина, Зеленодольск, Республика Татарстан, Россия

*Приз симпатии «За свет поэтического чувства» - присужден членом жюри
Никитой Брагиным за стихотворение «Одуванчик».*

Одуванчик

Одуванчик, одуванчик
С золотою головой,
Что с тобою приключилось?
За ночь, вдруг, ты стал седой!
Расскажи мне, одуванчик,
Что за горе у тебя?

Или, может, испугался?
Иль обидели зазря?
Отвечает одуванчик:
Страх неведом мне, дитя,
А под этим ясным небом
И обид не знаю я!
И, поверь, совсем не горе,
Что, как лунь, я стал седой!
Знай, что я расстанусь вскоре
Со своею сединой.
Озорной проказник-ветер
Шевелюру мне сорвёт
И пушинки с семенами
По газонам разнесёт.
Так заложено природой:
Расцветать и увядать.
Это радость, а не горе!
Скоро свидимся опять!

Пушинка в паутинке

Пушинка в паутинку
Попала к пауку,
А пауку пушинка
И вовсе ни к чему.
«Лишь место занимает!» -
Ворчит в углу паук,
Плетёт он свои сети
Для комаров и мух.

Я по радуге бегу

Я за радугой бегу,
Руки к радуге тяну,
Вслед за мною мой дружок –
Непоседа-ветерок.
Мы по лугу, вдоль реки
Побежим вперегонки.
Эй, народец луговой,
Расступись передо мной!
Я за радугой-дугой
Громко ей кричу: «Постой!»
Подхватил меня дружок –
Непоседа-ветерок
И по радуге вдвоём
Мы пустились босиком.

Туча - электричка

Туча - электричка
Из Услонских гор
По небу примчалась
В наш притихший двор.
Вот уж нити-рельсы
По стеклу стучат,
Капли-пассажиры
Устремились в сад.
Напоили влагой
Жухлую листву,
Хрусталя прохлада
Села на траву.
Молния сверкнула,
Гром издал гудок,
И помчалась тучка
Дальше на восток.
Там, где очень жарко,
Где сады цветут,
Тучу-электричку
С нетерпеньем ждут.

Тополиная зима

Как случилось, что в июне белый снег пошёл?
Это просто старый тополь на аллее цвел.
Закружило, завьюжило, снегом замело –
Белым пухом тополиным сад мой занесло!
Удивляются детишки, что за снег такой?
Мягкий, белый и пушистый, но не ледяной.
На ладошке сколько хочешь может пролежать,
Из такого вряд ли можно снеговик свалить.
Это дети снег волшебный – нежный и живой:
Он из тополя родится летнею порой.
Чтоб потом лететь, кружиться, наземь оседать,
Чтоб побегам тополиным заново жизнь дать.

Лариса Калинина, Великие Луки Псковской обл., Россия

Приз симпатии «За наглядный урок христианского отношения к жизни» - присужден членом жюри Ольгой Фляковской за стихотворение «Как Пчёлка Мишку перевоспитала».

Как Пчелка Мишку перевоспитала

(маленькая сказочка-сценка в стихах)

Мишка по лугу бежит,
А над ним Пчела жужжит:
"Ах, негодник Михаил!
Ты наш улей разорил!
Меда съел ты весь запас,
Погубил, ты, Мишка, нас...
Как мы будем зимовать,
Что нам есть и где нам спать?
Постучался бы в окошко:
"Дайте меду мне немножко,
Очень я его люблю,
Вас малинкой угощу!
Ты же, Мишка-Михаил,
Как разбойник поступил!"

... "Ты прости меня, Пчела,
О себе лишь думал я.
Свой проступок осознал
И совсем другим я стал:
Улей новый вам построю,
В магазине мед куплю
И малинкой угощу."

"Бог простит, и мы прощаем
И Мишаню приглашаем
Рядом с нашим ульем жить,
С нами, пчелками, дружить!"

Машенькин обед

Очень вкусный шашлычок
Скушал Машин язычок!
Зубки тоже рады были,
Их морковкой угостили!

Кот-вегетарианец

Толику Клочьеву, вегетарианцу.

Наш пушистый Мурыч-кот
Утром ест наоборот.

Он позавтракал пюре,
Съел моркови миску
И улегся на кровать,
Чтоб немножечко поспать...
Вот какая киска!

Спит и видит: плачет мышка:
«Что же ты наделал, киска!
Горе нам... Пустая миска.
Ничего в ней больше нет!
Съел мышиный ты обед!»

Отвечает Мурыч строго:
«Поделюсь! Моркови много.
Зря, соседка, плачешь ты,
Есть запасы у хозяйки.
Приводи семью скорей –
Я с утра не ем мышей!»

Просыпательная песенка

Посвящается Ане Залесовой

Просыпайся, Кузя наш!
Мы дадим тебе гуляш,
Два стакана молока,
Пообедаешь слегка.

А потом пойдешь гулять,
С другом Шариком играть!
Гав, гав, - мяав!

Обида

«Мурыч, Мурыч, где ты был?»
- «Я в подвале месяц жил!
Ты, хозяйка, не права!
Приголубила врага:
Рыбку отдала тому,
С кем я больше не дружу!»

- «Мурыч, Мурыч, дорогой,
Приходи скорей домой!
Друга Рыжика прости,
Вкусной рыбкой угости!

Без обид и без вражды
Заживем отлично мы!»

Галина Кравец, Братск, Иркутской обл., Россия

Приз симпатии «За художественное продвижение национальных традиций в детской поэзии» - присужден членом жюри Викторией Бурцевой за стихотворение «Мастер».

Мастер

Доска дрожала под пилой,
А та от радости звенела.
И дух древесный то и дело
Свиваясь стружкой кружевной
И ароматы источая,
Напоминал о той поре,
Когда бетонных стен не зная,
Дрова рубили на заре.
Когда дома из мощных бревен,
Душистых, свежих, смоляных,
Вдоль улицы стояли вровень,
Пуская дым из труб печных.
И мастер в облаке опилок,
Со стружкой в волосах седых,

С руками в сетке синих жилок,
Глядел на дело рук своих.
Смолистый дух, дурманя, реял,
Светилось дерево слегка.
И превращалась в чудо-двери
Простая грубая доска...

* * *

Деревья зимою спят и растут?
А я им букварь отдам!
Они подрастут и в школу пойдут
Учиться читать... по следам.
Следов под деревьями – не перечеть!
Их видно в снегу хорошо!
И много еще интересного есть...
Ах, только бы снег не пошел!

* * *

Мы вчера играли с тенью –
Наступали ей на пятки!
Мы подпрыгивали смело –
Тень за нами повторяла.
Мы руками помахали,
Ну и тень махала тоже.
До чего же интересно
Подружиться с черной тенью!

Весна

Солнце смотрит в лужицы,
Словно в зеркала.
От веселья кружится
Солнца голова!
Рыжее, кудлатое,
В шляпке золотой.
Предложу лохматому
Частый гребень свой...
Почек липких кожица
Лопнула едва.
Где сугроб скукожился –
Бирюзой трава.
На осколки множится
Солнца яркий лик.

Корчит дерзко рожицы
В лужах озорник!

Одуванчики

Золотисто-золотой,
яркий огонек.
Утонул в траве густой...
Вот сплету венки,
для которого нарву
желтых огоньков.
Завтра к раннему утру
будет он готов...
Не успеешь если вдруг,
золото собрать,
превратится в нежный пух
золотая рать...
В изумрудной мураве
снежные шары
на забаву детворе
выбелят дворы.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТУРНИР имени ИГОРЯ ЦАРЁВА «ПТИЦА – 2017»

Виктория Смагина, Россия, Томск

Победитель поэтического конкурса им. Игоря Царёва «ПТИЦА-2017»

Конкурсное произведение

Меня здесь нет

меня здесь нет, как нет меня и там,
где в облаках темна вода и тени
скользят по сиротеющим кустам
терновника, цепляясь за сплетенье
корявых веток и когтей шипов –
рой мотыльков неведомого вида,

чьи крылья рвутся в воздухе и вновь
срастаются. метель эфемеридов.

меня здесь нет, но я была былъём,
проросшим на обрушенных курганах,
где стук сердец уснувших под землёй
доселе слышен в говоре гортанном
и топоте каурых кобылиц,
ковыльном море, шепчущем закатно
о племенах, не падающих ниц
от золотого бога и булата.

меня здесь нет, на нет не быть суду,
кто не судим, тот божьему подсуден
на тридцать третьем иль седьмом году
под шепоток серебряный иудин,
с заплечную молитвой «не оставь»,
когда не раб, не нем, но болен словом
и крест ложится росчерком на явь
безумием толпы многоголовой.

меня здесь нет и ссученную нить
теряют парки в путаных сюжетах
прошитых на живую...
... быть – не быть –
вопрос вопросов и ответ ответов...

Подборка стихотворений Виктории Смагиной

на вдохе

1
как с похудевшего пальца
кольцо неизвестно когда
тоненько дзынькнуло
в токе людей и событий,
как растворяются
кубики пьяного льда,
как расползаются
в простыни старенькой нити...
вроде бы было – и нет.
протекает вода
в кухонном кране
и время проточное дышит
глухо, с присвистом,
устав выбирать невода

полные тины,
теней позабытых и лишних...
мы же их множим,
мы тоже свои среди тех,
кто неизбежно потерял
в парящих над крышей...
...падают капли,
«так-так» говорят темноте...
слышишь?

2

дни тарахтят
нелепы и нервозны.
заражены безрыбьем и тоской.
на вдохе замирает стылый воздух.
не выдохнуть.
чернильной рекой
окрашен звук –
бессмысленный осколок
всех пулитцеров-букеров...
скорбя,
цыплят считает старый нумеролог,
тебя бессловно вычтет из тебя...

3

стою и смотрю,
привыкшая не смотреть
на этих бегущих по краю земного неба,
они убегают, они догоняют смерть
на клятой арене для зрелищ с раздачей хлеба.
бежать, обгоняя десятки усталых спин,
не видя ни света, ни горних вершин, ни ночи...
и вот добегаешь.
один.
ты совсем один...
...и небо живое,
межзвёздное и лопочет
о вечном...

рассылка

зима без спроса рассылает снег
по адресам былым и настоящим –
на, получай, не зимний человек,
сезонный спам на свой почтовый ящик,
на изгородь,

на флюгерный разбег,
на хлебный пир продрогшей птичьей стаи.
на белом белым письмамена...
но снег
к апрелю непрочитанным растает...

состав

А за окном толкуют поезда,
Переходя с гудка на полушёпот.
И тянется обжитая среда,
Как грузовой состав «Урюпинск – Локоть».
А ты на перегоне ждёшь флажка.
Вагоны – мимо, нервы – мимо, годы – ...

А время по-московски бьёт с носка
И, посмотрев как корчишься, уходит...

и дни за днями колкая вода

И дни за днями колкая вода
вступает в силу.
Холодеет время
до жёлтых листьев.
Скоро невода
паучьи полетят ловить осенних
в тугой комок клинической тоски
по яблокам несбыточных эдемов,
и торкнется межрёберно «беги!»,
усталый кролик интернетных мемов,
беги туда, где каждому дано
смотреть и видеть жемчуг в мутном иле,
смешное и наивное кино,
где нас вели за ручку и любили,
а яблоки лежали на траве
планетами, упавшими с орбиты,
гудели пчёлы массовый привет
дворовым клумбам,
день дрожал на нити
воздушным шаром – дунь и улетит
в неведомое за седьмое небо,
и дождевой рассыплется петит
на пыль дороги, не читаем, нем, но
по-детски чист, облаян рыжим псом –
охранником за тёплую горбушку,
и каждый вздох молочно-невесом,

и ангел шепчет светлое на ушко
об оперённом слове.

До поры
осенних лет – пуды съедобной соли.

...И катятся по блюдечку миры,
и спит в походной шляпе белый кролик...

Андрей Земсков, Россия, г. Владивосток – Украина, г. Харьков

Лауреат поэтического конкурса им. Игоря Царёва «ПТИЦА-2017»

Конкурсное произведение

Забытая речь

Далеко до царя и до Бога
В обезумевшей этой стране.
Мы – затопленный город Молога.
Мы лежим, словно рыбы, на дне.

Наши улицы – скользки, покаты –
Зарастают лиловой травой,
А по крышам шумят перекаты,
Словно грозы, – волна за волной.

Воды тёмные в церковке волглой
Говорят на немом языке.
Лишь одна колокольня над Волгой
Ржавый крест поднимает в руке.

Кто мы были? Какими ветрами
Мы дышали на кручах своих,
И с какими молитвами в храме
Мы роднили языческий стих?

Стали вязкой бессмысленной глиной
Невесомые прежде слова,
Пыль дорожная – грязью и тиной,
Серым илом – степная трава...

Что ж, прощайте. Гудит пароходик.
Может статься, до будущих встреч

Мы уходим, уходим, уходим –
Зыбь речная, забытая речь...

Подборка стихотворений Андрея Земскова

Поэт

Постигая азы
Векового молчанья,
Слушай времени счёт ну хотя бы вполуха.
Если вырван язык
У поэта – печально.
Хуже, если вокруг все лишаются слуха,

Между злом и добром
Размывают границы
И возводят шутов под небесные своды.
Зря старинным пером
Ты мараешь страницы:
Снова Средневековье – ни книг, ни свободы...

Только ты никаких
Гастролёров не слушай,
Похвалу и хулу пропускай без оглядки.
Если жжётся твой стих,
Если рвёт чью-то душу
Твоя песня, – то значит, ты в полном порядке.

Пой для Бога, вари ты
Шаманское зелье
И живи голышом, раз родился в исподнем.
Суеты фавориты
Уходят под землю,
Только Вечности слуги на небо восходят.

Пражский рыцарь

Прислонясь к пятнадцатому веку,
Мы – туристы – выгядим нелепо.
Пражский рыцарь, стерегущий реку, –
Брат Марины, улетевшей в небо, –

Обнаживший меч не ради битвы –
Ради мира в этом старом граде, –
Подскажите нам слова молитвы,
Бога ради!

Покажите, где живая рана
Горячит под мёртвою водою!
Зла в себе не держит злата Прага
И врачует строгой красотою.

Мы спешим послушною оравой
Вслед за гидом. Промедленье – роскошь.
И гудит над медленною Влтавой
Карлов мост Ваш.

Рыцарь Брунsvик – одинокий воин
В стороне от мира и от Праги, –
Он свободен, светел и спокоен,
Как Марина над листком бумаги.

Может быть, в осенней круговерти
Не сберечь и этого листочка.
Может быть, всей жизни после смерти –
Только строчка...

Объектив освобождён от кофра,
Субъективен к цвету чёрный камень,
Увлечённо щёлкает фотограф,
А у нас – как бездна под ногами!

К Староместской площади мы вышли
Чуть другими – странная картина.
А с небес на нас глядел Всевышний –
И Марина.

Островок

Вот и стало хорошо, где нас нет.
Стёрли память в порошок жернова.
Сколько зим, ты говоришь, сколько лет?
Между строчек проросла трын-трава, –

Ни проехать, ни пройти... Что с того,
Что нам выпало летать между звёзд?
В океане есть один островок,
На который путь один – звёздный мост.

Там, на острове зима – не зима.
Там в ночи всё те же песни звучат.

Там шиповник, резеда, бузина,
И рассветом край земли не почат.

Там тропа тебя ведёт, как сестра,
Крепко за руку держа, – не споткнись!
Там ушедшие друзья у костра
Вечерами пьют, как прежде, за жизнь.

С ними холодно-тепло-горячо
Нам на этом берегу тишины.
Но внезапно тронет ночь за плечо:
Там, где нет нас, – хорошо. Где же мы?

Всё пройдёт, ты говоришь, всё пройдёт,
И рассвет перехлестнёт через край.
Мост качнётся, – и звезда упадёт.
Загадай вернуться в срок, загадай.

* * *

Спи, Добро, подложи кулаки под голову.
Ещё рано спешить, словно в баню голому,
Райских яблок отведать в саду колхозном.
После драки дубиной махать не стоило.
Золотого Тельца – за рога и в стойло:
Приковали архангелы цепью к звёздам.

Спи, Добро. В этом мире всё слишком зыбко.
Зло поёт колыбельную. Мчится зыбка
По кисельному берегу, как салазки,
Вылетает на лёд неокрепший радостно.
Чем тонуть в молоке, лучше так барахтаться,
Чтобы масло сбилось. Ты веришь в сказки?

Спи, Добро. Нет валькирий с крылами мрачными:
Зодиак развесил огни над мачтами,
Освещая воинам путь к Валгалле.
Завтра ветры с юга и ветры с севера
Шквал такой поднимут – держите семеро.
Дай-то Бог, чтоб руны опять солгали.

Спи, Добро. Погремушки твоей не слышно.
За белёной печкой скребётся мышка.
Сладко тесто дышит в опаре тёплой.
Спи, Добро. Твоё Зло подушку тебе поправит.
К снам твоим прикоснуться оно не вправе,
Но, как верный пёс, охраняет порою тёмной.

Владислав Пеньков, Эстония, Таллин

Лауреат поэтического конкурса им. Игоря Царёва «ПТИЦА-2017»

Конкурсное произведение

Журавлиная наука

Смешные, в халатах забавных,
жрецы журавлиных наук,
ловили движением плавным
печальный курлычущий звук,

и ловко вдевали в наречье,
как нитку вдевают в иглу,
невзгоды свои человечьи
и птичьего разума мглу.

Я вижу сквозь те же ресницы,
да вот, рассказать не могу,
как пляшут чудесные птицы
на синем цинхайском снегу,

а только звеню наудачу,
как будто мы все вам должны
осколков фарфоровых сдачу
с фарфоровой вашей луны.

Подборка стихотворений Владислава Пенькова

Русское

1

Жили-были, горевали
и садились в поезда,
целовались на вокзале,
целовались навсегда,

не пропойцы, не убийцы –
дети русские зимы.
Жили-были натуфийцы.
Жили-были так же мы.

Ничего не остаётся,
кроме «Ты меня прости».

Над вокзалом голос льётся –
«с тридевятого пути...»

2

Выпей с горя керосину,
а не сладкого вина.
Выпей горькую осину,
керосин допив до дна.

Да, хотелось о высоком.
Так его и попроси –
керосинового сока,
сока едкого осин.

Всё другое – против правил.
У всего – не тот размах.
Жил-да-был художник в Арле,
тоже керосином пах.

А ещё вокруг – болотца,
пусть вода не глубока,
но водица пахнет оцтом –
для последнего глотка.

Блюз

Губы, влажные от пива,
руки, жадные до рук,
оттого, что всё счастливо,
всё прекрасно, всё – вокруг.

Промоталась киноплёнка,
наступили ноябри,
ночь, луна, небес зелёнка –
оказалось, всё – внутри.

Там, где сердце ходит юзом
над кюветом ледяным,
то ли с Бахом, то ли с блюзом,
то ли в сиську, то ли в дым.

Соловьи

Не то, чтоб чья-то в том вина,
да только поздновато спорить.
Стоит такая тишина,
что нам её не объегорить

ни ловко слепленным стишком,
ни ухищрением в вокале –
стоит она, как в горле ком,
как Лермонтов под Машуком,
как роза чёрная в бокале.

Стоит, и глохнут соловьи –
его, её, твои, мои.

Ангел

Наташе

Ты вся горишь, как зимняя звезда,
летающая с небес простоволосой.
Ещё идут куда-то поезда.
Но кажется, до ближнего откоса.

А я иду в соседний магазин
и по пути домой зайду в аптеку.
Куплю вино, картошку, аспирин,
тот минимум, что нужен человеку,

не ангелу, чья призрачная плоть
просвечивает сквозь твою сорочку,
которого тебе не побороть
ни с помощью моей, ни в одиночку.

Марина Пономарёва, Россия, Москва

Лауреат поэтического конкурса им. Игоря Царёва «ПТИЦА-2017»

Конкурсное произведение

* * *

Над остовом осенних кораблей,
Что всех осин багровей и красней,
Безропотно парит уставший мятлик,
Проросший через ситечко небес.
Зажмурился еловый, тёплый лес,
Как брошенный перед зимовкой ялик...

Расстелено панно угрюмых дач.
И я твержу циничное «не плачь».
Медовым спасом пахнет и корой,

Сухой травой, созревшей рябиной.
Слабее ночью шелест комариный,
Дом изнутри становится сырой...

Воспоминаний горькая строка,
Сегодня в сон вплывёт наверняка.
И высветит в родительских домах,
Очаг и стол, постель и покрывало,
Где вышиты все те, кого не стало,
Но кто в поступках, мыслях и словах.

Они все бродят по тугому мху.
Их узнаёшь по каждому штриху,
Что сохранит стеклянная роса.
Их узнаёшь среди обломков детства...
«Будь счастлива!
Не бойся
и не бедствуй!»
...В осеннем дыме тают голоса.

Подборка стихотворений Марины Пономарёвой

Волонтёрское (гуманитарные войска)

Запах горелых шин. «Слушай, не мельтеши!
Женщину в дальний путь? Брать опасно!».
Колонна ржавых машин в жаркой степной глуши.
До смерти один аршин, а я с атласной
Лентой! Куда глупей...?! Крики: «Живей-живей!
В ящиках всё проверь – бинты, лекарства!»
Звоны мёртвых церквей. Дует в лицо суховой.
Отдай матерям сыновей – а я полцарства
Отдам за букет цветов из бабушкиных садов!
Господи! Я-то вернусь... Близка граница!
Но стонет степная Русь, полная новых вдов!
Руки истёрты в кровь. Жара – под тридцать.

Скрип тяжёлых сапог. «Возьмите с собой пирог!»
Местные крестят вслед. Грохочет кузов.
Здесь каждый отдаст кусок. Затянет на ране платок.
Но слабость стучит в висок – попутным грузом.

Сегодня не взяли в путь. Войны закипает ртуть.
Ленту стащу с волос: пропахла дымом.

Попробуй теперь уснуть, попробуй теперь забудь,
Сгоревшую свидину... над чёрным тыном.

2014 г.

Руза

Татьяне Шкиряк

Ах, Руза, Руза! Звон на языке!
И хочется зарифмовать с арбузом.
Еловый бор в промокнутом сюртуке
Растерян и взъерошен, точно Крузо.
На подоконнике томится пара груш.
Полуденницы в поле варят донник.
И сумерки свой не раскроют сонник,
Пока на небе облачный картуш.
До станции – полжизни наугад.
Чаёвничает за сараем банник.
Нам вечером привидится овсяник,
Ворующий по зёрнам звездопад.
Ах, Руза, Руза! Капает с ресниц
Зарниц роса, пропахшая метлицей.
Гуляет солнце в пыльной колеснице
По трещинам дубовых половиц.

Вселенная

Из цикла «Положительный резонанс»

Анатолию Александровичу Кузнецову

Это вам ли не знать про бесформенность неба и мира?
Можжевельником пахнут сердца журавлей и ракет.
У параболы нет ничего, кроме линий пунктира.
У Вселенной есть мы и ещё миллиарды планет.

Я хлебнула бы лиха, но встречи заложены в карме.
От ожогов следы пролегли между гроздьями звёзд.
Зарубцуются всё – превратится в могильные камни
И в солому сухую от птичьих заброшенных гнёзд.

У искусственных птиц не линяют железные перья.
Золотится душа где-то в недрах ревущих турбин.
Что могло быть без вас – не узнаю, конечно, теперь я –
И ответ не ищу, среди мутных вселенских глубин.

Чёрный порох накрыл довоенные странные годы.
Будем делать добро – пусть вернётся не вам и не мне.

У параболы нет ничего, даже мнимой свободы.
У Вселенной есть всё, даже то, что мы видим во сне.

Отцовская земля

Отцовская земля – особый полигон,
Военное кострище с гулким эхом.
Здесь каждая семья – живой заслон,
Здесь года три, уже как не до смеха.
Взлетает копоть, прилипает пыль
На контуры девичьих босоножек.
С настойкой виноградную бутыль
Сегодня открываем осторожно.
Мы пьём до дна и бьёмся до конца.
У хаты абрикос нагнулся хмурый.
Он пережил и деда и отца.
Копаются в траве седые куры.
Здесь мама изнывала от жары,
А я – степная жгучая колючка.
В себя вместила север и бугры
Московская чудная белоручка.

Поблажек от врагов земля не ждёт.
Всё красное (А кажется – тюльпаны!)
И всё ж цветёт. Земля отца – цветёт!
Зализывая по-щенячьи раны.

2015

Никита Брагин, Россия, Москва

Лауреат поэтического конкурса им. Игоря Царёва «ПТИЦА-2017»

Конкурсное произведение

* * *

В лесах и на горах вселенская печаль,
сгущается туман, окутывая даль,
уснул тишайший мир, ни шороха, ни вздоха.
Никто не запоёт, и не плеснёт веслом,
без музыки и слов слагается псалом,
и слышится в душе – кончается эпоха.

Ты чувствуешь её как нитевидный пульс,
и штукатурку стен в отметинах от пуль,
и ржавчину гвоздей, и лишай на шпалах.

Блюстители ушли, закончились торги,
и не вернулся ветер на свои круги...
Я здесь одна с тобой – надежда прошептала.

А сёстры где твои? Поникшая сирень,
черёмуховый сон забытых деревень,
скитается душа, не находя приюта.
Ни зёрнышка овса, ни капли молока,
а в трауре зари темнеют облака,
и где-то лают псы, пронзительно и люто.

А ты одна со мной, и плачешь, и поёшь,
и льётся на тебя горячая ложь,
в бессонных городах гремя вороньим граем!
Всё глубже в темноту, не достигая дна,
спускается душа, и, словно купина,
на медленном огне горит и не сгорает.

Подборка стихотворений Никиты Брагина

* * *

Co to bedzie, co to bedzie?
Adam Mickiewicz

Что-то в мире надломилось,
и шатается на грани...
Поминутно повторяешь –
что-то будет, что-то грянет
неизбежно и немилу,
по хребту и поперёк –
страшно, словно смерть вторая
встала на порог.

Но покойно и просторно,
если взглянешь по-иному,
если дух душой владеет,
и склоняется к земному,
наше горе, наши войны
обращая в сон земли,
беспольный ум злодея
хороня в пыли.

Неприметна кровь на злате;
ей – сквозь белые покровы,
ей – закатом над полями,
ярой киноварью слова,

и крестом на снежном плато
заалеть сквозь темноту,
растекаясь, словно пламя
по листу.

Не хочу гадать на гуще,
и не верю гороскопам –
что-то будет, что-то грянет,
от пожара до потопа...
Умолкаю перед Сущим –
все мы скоро наяву
из Его открытой раны
каплей на траву.

А трава-то всё шелковой,
всё росистой на рассвете –
как легко она приемлет
дождь и кровь, мороз и ветер...
Капли жизней и любовью
из объятия цветка
тихо падают на землю
сквозь века.

Дикий мёд

Испив безумья дикий мёд
уйти промеж миров,
шмыгнуть как мышка за комод
от крыс и поваров,
и отрешиться от вещей
и правил бытия:
будь над тобою хоть Кощей,
но воля – вся твоя,
вся до последнего глотка
из ржавого ведра,
до обуха вблизи виска,
и финки у ребра...
И, выше страсти и огня –
до венчика цветка,
что тихо спит, свой мёд храня,
и ждёт начала дня.

Андерсен

Ах, мой милый Андерсен, нам ли жить в печали?
Будь со мною радостен, светел как хрусталик –

песенки фонариков, болтовню цветов,
как когда-то маленький, слушать я готов.

В нашем мире муторном, плоском как татами,
дорожа минутами, мы сорим годами...
Пирамиды рушатся, звёзды сочтены,
детскими игрушками мусорки полны.

А душа всё тянется, а душа стремится,
всё ночует, странница, на твоей странице,
встретит зорьку раннюю, тихо слёзы льёт,
словно в сердце раненом тает колкий лёд.

Ах, мой милый Андерсен, как ты стар и сгорблен...
Нам же не по адресу сумраки и скорби,
нам бы звёзды синие, языки костра,
нам бы соловьиные трели до утра...

Нам травой некошеной надышаться в поле,
неразменным грошиком наиграться вволю...
Всё пройдет, мой Андерсен, всё уже прошло –
тает нежным абрисом светлое крыло.

2015

Александра Сандомирская, Россия, С.-Петербург

Лауреат поэтического конкурса им. Игоря Царёва «ПТИЦА-2017»

Конкурсное произведение

* * *

Я знаю – я сама как этот город,
затопленный дождём до самых крыш,
и странно перехватывает горло
когда в него, как в зеркало, глядишь.

Как город – между небом и водою,
на островах, где камни и полынь.
А дождь не прекращается. Ладони
подставишь, и они уже полны.

И что ни день, при здешнем тусклом свете
то, что внутри, мешая с тем, что вне,

порывистый с залива дует ветер,
и дождь не прекращается во мне.

Подборка стихотворений Александры Сандомирской

* * *

Земля была безвидна и пуста.
Но было слово и ещё – уста,
где только-только зародилось слово.
Оно скользило по изгибам губ
и падало, и уходило в глубину,
и вновь из глубины всплывало, словно
хотело быть произнесённым снова.

И так по кругу двигалось, пока
плоть нарастала на его бока
и ткались кровеносные сосуды,
и распрямлялся крепнувший хребет.
И задышало вдруг.
И хлынул свет.
И стал вдруг свет –
так, будто б ниоткуда...

* * *

Спят глаза, открываются очи.
Не буди меня поутру, кочет,
разбуди меня за полночь, сыч.

В час, когда засыпает полмира,
плоть не пот источает, а миро,
по чуть-чуть, левой пятки опричь.

Оттого этой пяткою проше
дошагать до осиновой рощи,
за собой не оставив следов.

Но другая – не даст заблудиться
там, где ждёт меня чёрная птица
в темноте между чёрных стволов.

– Эй! – пусть знает, я жду её тоже
и не вижу, но чувствую кожей,
как движенье возникло во мгле.

Это птица летит мне навстречу
и когтями вцепляется в плечи,

и дождём прибывает к земле.

А потом отойдя на два цуня,
надо мной исступлённо танцует
сорок богом отмеренных дён
и победно кричит, и хохочет.

...Разбуди меня засветло, кочет,
если воздух запахнет дождём.

Дурак

Он этих мест ни за что не покинет,
здесь всюду растут иван-чай и сныть,
и вещи видятся здесь такими,
какими могли бы быть.

Идёт он, и в голову лезет разное –
летние запахи, звуки, цвет.
В неё бы добавить немного разума,
ну, ладно, ну, нет так нет.
И всё у него невпопад да криво:
вот замер, услышав далёкий гул,
и (дурень же!) встал на краю обрыва,
даже под ноги не взглянул.
Вообразил вдруг себя цикадою,
и счастлив – и цокает, и свистит.
Смеётся... и вот уже падает. Падает,
но думает, что летит.
И руки раскинул как можно шире,
и видно, как радуют дурака
бубенцы, к рукавам пришитые,
позвякивая слегка.

Молитва

Послушай меня,
послушай меня,
услышь.
Я тихое слово,
поющий в руках
камыш.

Будь рядом со мною,
куда бы ни лёг
мой путь,

в какие бы земли...
Прошу тебя, рядом
будь.

Омой мои раны,
заговори мне
боль
и в час, когда горько,
быть в сердце твоём
позволь.

В беззвёздных провалах,
откуда исхода
нет,
оставь мне надежду
за тьмою увидеть
свет.

И пусть мне откроется
снова, как мир
велик,
где я только голос,
поющий в руках
тростник,

в чьём звуке прозрачном –
смятение, нежность,
грусть.
А если ты можешь...
чудо,
то будет
пусть.

Николай Борский, Россия, Московская обл., г. Мытищи

Лауреат поэтического конкурса им. Игоря Царёва «ПТИЦА-2017»

Конкурсное произведение

Горсть песка

Сентябрь. Вновь разлука с отчизною милой.
В талах осокорь золотится слегка.
И в небе вершат свой полёт горделивый
Высокие мысли Земли – облака.

На год ли, навеки ли горькой улыбкой
Прощаюсь – с поклоном осеннему дню?
Лишь в прошлом я дома. И памятью зыбкой
Былое своё сокровенно храню.

С листвою, легко облетающей с веток,
Опять расстаюсь – не хозяин, не гость,
В рыбацкий кисет нацедив напоследок
Пропахшую летом песчаную горсть,

Хоть счастья тут жить не утащишь с собою,
Хватившись беспечно промотанных лет.
И правит тоска отчуждения судьбою,
И брезжит едва возвращения свет

Сюда – из предместья, где, чтобы короче
Казалась мне явь, я ныряю стремглав
В бездонную глубь человеческой ночи,
К закату заботы свои оборвав,

Где сон – до рассвета, когда, словно тень, я
В окне – и смотрю, как сквозь кроны берёз
К утру тают звёзды – быстрее мгновенья,
Беспомощней взгляда, беззвучнее слёз,

Где днём – слободские мещанские страсти,
Мытищинский матерный в кровь мордобой,
Где мне пропадать от несправедной власти
И пошлой безжалостной черни людской.

Но это потом. А пока что со мною –
В талах осокорь, позлащённый слегка,
Да осени свет с мотыльковой листвою,
Которую в вечность уносит река.

Подборка стихотворений Николая Борского

Случайность

К заветной цели рвётся бедолага,
По-бычьему ломит, как борец сумо.
Но, хоть ты лопни, не даётся благо –
Впустую силы, страстность и отвага.
А отвернись – привяжется само.

Со славой так. И так с шальной удачей,
Когда идёт по-крупному игра:
Труд и заслуги ничего не значат.
И безутешно неудачник плачет,
Что не на те поставил номера.

Соль земли

Кровью, потом и слезою
Солон всякий человек,
Если сущностью людскою
Не из нравственных калек:

Потом шкуру трудовую
Моет годы напролёт,
Кровь-руды свою живую
На войне без счёта льёт.

Давний, наш ли век возьмёте,
Неизбежна эта соль
Что в работе, что в пехоте...
Ну, и слёзы – если боль.

А душа изменит адрес –
Человек, сходящий в склеп,
Для грядущих звёздных трапез
Солит Землю, словно хлеб.

Раньше музыка

Сначала строй орфического лада.
О да, Верлен, по слуху – не пером:
Накат волны, малиновки рулада.
Лексические выкладки потом.

До них врасплох и слышно не особо,
Вдали, в тумане, лишь к утру ясней –
Мелодия как импульс и основа.
И, наконец, сверкают вместе с ней

Алмазы чувств и скатный жемчуг речи,
Когда стихов стрельчатый лес гудит,
Где воскрешённой в «Tristia» навстречу
Уже босая Делия летит.

Парад аллюзий, метонимий пышных,
Слова, слова – под звуки звёздных сфер.
Сперва мотив. Потом его не слышно.
Потом рифмовка, строфика, размер.

Озеро

Лебязье. Не лебединое.
И никаких лебедей.
Давно уже. До единого
Извёл браконьер-злодей

Покруче Ротбарта-беркута.
Безмолвен озёрный плёс.
Зоолог – деваться некуда –
Их в «Чёрную книгу» внёс.

Живут же на свете нелюди
С душонкой гнилей трухи,
Которым что в небе лебеди,
Что с полки – как их? – стихи.

На лоне былой идиллии –
Занудный лов карася.
Одетты нет и Одиллии.
Романтика вышла вся,

Где вроде пустынного гласа я,
Когда возле роц и вод
Вгоняет в стыд «Книга красная»
И «Чёрная» руки жжёт.

Примечание

Очередность расположения произведений в каждом разделе сборника никак не связана с рейтингом конкурсных работ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ	2
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	7
ОТ КОНКУРСНОЙ КОМИССИИ	8
ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА	
- Ольга Флярковская.....	9
ФИНАЛИСТЫ КОНКУРСА	
- Клавдия Смирягина.....	15
- Евгения Босина.....	19
- Никита Брагин.....	24
- Олег Сешко.....	30
- Евгений Иваницкий.....	36
- Александр Чжоу (Алисов).....	42
- Владимир Литвишко.....	47
- Любовь Колесник.....	52
- Геннадий Акимов.....	53
- Сергей Кривонос.....	54
- Александр Соболев.....	56
- Сергей Дьяков.....	58
- Вероника Батхан.....	59
- Виктор Скоробогат.....	61
ПРИЗЫ СИМПАТИИ «ПЯТОЙ СТИХИИ»	
- Елена Данченко.....	64
- Елена Рышкова.....	68
- Юрий Юрукин.....	68
ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ВЫХОД В ФИНАЛ	
- Виктория Бурцева.....	71
- Елена Копытова.....	74
- Виктория Левина.....	76
- Геннадий Миронов (Петраков).....	78
- Сергей Смирнов.....	81
- Илья Криштул.....	83
- Ирина Гумыркина.....	85
- Светлана Кузьмина.....	87
- Елена Крикливец.....	88
- Юлия Долгановских.....	90
- Сергей Востриков.....	93
- Татьяна Парсанова.....	94
- Михаил Кульков.....	96
- Виктория Панина.....	98
- Полина Потапова.....	100
- Владимир Негинский.....	102
- Виктор Хатеновский.....	104

- Константин Еремеев.....	105
- Надежда Якушева.....	107
- Денис Садыков.....	109
КОНКУРС «ЦАРЕВНАМ И ЦАРЕВИЧАМ	
- Александр Попов (Гинзберг).....	111
- Елена Игнатовская.....	118
- Ольга Киевская.....	122
- Дина Немировская.....	124
- Ирина Пантелеева.....	127
- Татьяна Разумовская.....	131
- Александр Рушковский.....	133
- Эвелина Цегельник.....	135
- Людмила Чеботарёва.....	138
ПРИЗЫ СИМПАТИИ «ЦАРЕВНАМ И ЦАРЕВИЧАМ»	
- Олег Вайс (Северин Алекс).....	140
- Анатолий Мармазов.....	145
- Алена Жилкина.....	146
- Лариса Калинина.....	148
- Галина Кравец.....	151
«ПТИЦА-2017»	
- Виктория Смагина.....	153
- Андрей Земсков.....	157
- Владислав Пеньков.....	161
- Никита Брагин.....	163
- Марина Пономарева.....	166
- Александра Сандомирская.....	169
- Николай Борский.....	172
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	176

География четвертого конкурса Премии им. Игоря Царёва «Пятая стихия» (сезон 2017)

Российская Федерация

Алтайский край - Барнаул
Краснодарский край - Краснодар,
Приморский край - Владивосток,
Спасск-Дальний
Ставропольский край - Ессентуки
Хабаровский край - Хабаровск

Бурятия - Улан-Удэ
Крым - Севастополь, Симферополь,
Евпатория, Феодосия
Татарстан - Казань
Удмуртия - Ижевск, пос. Новый,
пос. Игра

Архангельская область – Архангельск; **Белгородская область** – Белгород, Шебекино; **Брянская область** – Унеча; **Владимирская область** - Ковров; **Вологодская область** - Вологда; **Воронежская область** - Воронеж; **Волгоградская область** - Волжский, Суровикино; **Ивановская область** - Иваново; **Калужская область** - Калуга; **Кировская область** - Киров; **Курская область** - Курск; **Кемеровская область** – Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Темиртау; **Москва и Московская область** - Москва, Домодедово, Дубна, Красногорск, Люберцы, Малаховка, Наро-Фоминск, Раменское, Сергиев Посад, Тучково, Хотьково, Шатура; **Нижегородская область** - Нижний Новгород; **Новосибирская область** - Новосибирск; **Омская область** - Омск, Тара; **Оренбургская область** – Оренбург, Орск; **Орловская область** – Орел; **Ростовская область** - Ростов-на-Дону; **Рязанская область** - Скопин; **Санкт-Петербург и Ленинградская область** - Санкт-Петербург, Кингисепп, Выборг, Тихвин; **Свердловская область** - Екатеринбург, поселок Пионерский; **Смоленская область** - Смоленск; **Тамбовская область** – Тамбов; **Тверская область** – Тверь, Торжок, Князьи Горы; **Челябинская область** – Челябинск, Магнитогорск, Миасс; **Ярославская область** – Ярославль, Гаврилов Ям.

Ближнее Зарубежье

Беларусь - Витебск, Светлый Бор
(Минская область)
Казахстан - Алматы, Караганда
Латвия - Рига
Литва - Вильнюс
Молдова - Кишинев, Тирасполь
Украина - Киев, Одесса, Житомир,
Новомосковск, Сватово

Дальнее Зарубежье

Германия - Вальдштедт, Дортмунд,
Оффенбах на Майне, Шверте
Израиль - Нагария, Ришон Лецион
Испания - Ельче
Канада - Торонто, Саттон Вест
Нидерланды - Зэйст
Норвегия - Вален
США - Монтерей (Калифорния),
Нью-Йорк

